

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nbrb.by/bv>

2 [655] люты 2018

МАТЕРІАЛЫ

Международной
нумизматической конференции
«Сохраняя прошлое – строим будущее»

5–6 октября 2017 г.

Часть II

5–6 октября состоялась VIII международная нумизматическая конференция под девизом «Сохраняя прошлое – строим будущее»

Редакционно-издательский совет

П.А.Маманович
(председатель совета, главный редактор)
А.О.Тихонов
(заместитель председателя совета)
А.М.Тимошенко
(заместитель главного редактора)
А.Ф.Галов
Д.Л.Калечиц
С.В.Калечиц
Е.Ф.Киреева
М.М.Ковалев
В.Н.Комков
И.В.Новикова
С.В.Салак
В.И.Тарасов
Ю.М.Ясинский

Номер подготовлен

Управлением информации
и общественных связей
Национального банка Республики Беларусь

Главный редактор

Петр Алексеевич Маманович

Зам. главного редактора

А.М.Тимошенко

Ответственный секретарь

С.В.Салак

Редакторы

И.В.Гилевич I.Gilevich@nbrb.by
В.Е.Кудина V.Kudina@nbrb.by

Оформление и верстка

Е.С.Бритько E.Britko@nbrb.by
Е.С.Касилович E.Kasilovich@nbrb.by

Адрес редакции

220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-83, 220-21-84
Тел./факс 327-17-01
e-mail: bvb@nbrb.by

Отпечатано

на республиканском унитарном предприятии
«Издательство «Белорусский Дом печати»
Лицензия № 02330/106 от 30.04.2004
220013, г. Минск, пр. Независимости, 79

Заказ №

Подписано в печать 28.02.2018
Формат 60x84 1/8
Офсетная печать
Усл. печ. л. 8,37
Тираж 170 экз.

Журнал зарегистрирован
Министерством информации
Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции

не всегда совпадает с мнением авторов.
Статьи в разделе «Научные публикации»
предварительно рецензировались.
Перепечатка материалов –
согласно Закону Республики Беларусь
«Об авторском праве и смежных правах»

Распространяется по подписке

Подписные индексы:

индивидуальная подписка – 74829
ведомственная подписка – 748292

Учредитель –
Национальный банк
Республики Беларусь

© Банкаўскі веснік, 2018

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN MAGAZINE

Информационно-аналитический и
научно-практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам

№ 2 (655) февраль 2018 года. Издаётся с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Вадзім БЕЛЯВЕЦ, Віталь СІДАРОВІЧ

Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў

У музейным фондзе Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь зберагаецца манетна-рэчавы скарб з-пад в. Алекшыцы Бераставіцкага раёна Гродзенскай вобласці. Наяўнасць у складзе гэтага скарбу фрагментаў унікальных двухпласцінковых фібул, якія адпавядаюць тыпу Вышкаў у вызначэнні Ф. Бірбраўэра, дазваляе меркаваць, што дэпазіт быў ухаваны не раней за рубяж IV–V стст. – першую трэць V ст. Улічваючы, што бліжэйшыя аналогіі алекшыцкім фібулам фіксуюцца ў Падунаі і Крыме, пытанне аб гісторыка-культурным кантэксце скарбу застаецца адкрытым. Аўтарамі выказваецца меркаванне аб прыналежнасці комплексу з Алекшыц усходнегерманскаму насельніцтву.

3

Дмитрий ГУЛЕЦКИЙ, Николай ДОРОШКЕВИЧ

Денежные пломбы полоцких князей XI–XII вв.

Доклад посвящен древнерусским свинцовым пломбам XI–XII вв., которые относятся к нумизматическим и сфрагистическим источникам периода Киевской Руси. Обосновывается и подчеркивается нумизматическое значение этих источников. В работе авторы выделяют типы пломб, выпущенных полоцкими князьями.

17

Елена ГЛАЗУНОВА

Диссертация Юзефа Иодковского из фондов Государственного исторического музея

Диссертация (диплом) Юзефа Иодковского «О литовской гривне в связи с вопросом о древнейших денежных единицах в Литве» хранится в Москве в фондах Государственного исторического музея. Работа, написанная им в 1912 г. по окончании Московского археологического института, рассматривает историю возникновения денежных единиц и понятий денежного обращения – гривна, кунца, копа, гроши. Исследование сосредоточено на сопоставлении различных денежных единиц и выявлении их весовых соотношений в поисках древнейшей литовской гривны. Диплом представляет собой качественный образец научного творчества студента Московского археологического института начала XX в.

20

Дмитрий МАТЕША

Счетные жетоны XVI–XVII вв. в собраниях на территории Беларуси

В статье приводится информация о счетных жетонах Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, хранящихся в частных и музейных собраниях Республики Беларусь. Также автор описывает ранее не известные экземпляры и типы счетных жетонов.

24

Людмила ТОЛКАЧЕВА

Сухаревский клад монет Речи Посполитой и Пруссии второй половины XVII в. – начала XVIII в. (из коллекции Национального исторического музея Республики Беларусь)

Автор рассматривает клад монет второй половины XVII в. – начала XVIII в., который был обнаружен в марте 1957 г. недалеко от д. Сухари Могилевской области, а также причины и обстоятельства тезаврации.

29

Виктор КАКАРЕКО

Иностранные монеты в кладах Принеманского края в первой четверти XVII в.

Статья посвящена изучению денежного обращения на землях Беларуси XVI–XVII вв. Названы основные миссионные центры, поставившие иностранные монеты в Принеманский край, а также определена их роль в денежном хозяйстве первой четверти XVII в. В статье представлены этапы формирования денежной массы в Речи Посполитой, названы главные предпосылки проведения денежных реформ. Автор подробно рассказал о причинах выпуска новых номиналов монет по иной монетной стопе, об изменениях рыночного курса ранее выпущенных монет, о реальной стоимости драгметаллов в отдельных регионах страны.

36

Виктор МАЛЕЖИК

«Старая денга московская» (русские монеты трехрублевой монетной стопы на рынке ВКЛ в XVI–XVII вв.)

В публикации излагается взгляд автора на вопрос об участии в денежном и ином гражданском обороте ВКЛ второй половины XVI–XVII вв. русских проволочных монет, отчеканенных по нормам трехрублевой монетной стопы. Произведен сравнительный анализ номинальной стоимости русской монеты по отношению к титульной монете Речи Посполитой с учетом динамики весовых и иных качественных показателей монет в ходе эволюционных изменений в денежных хозяйствах обоих государств. Сделаны выводы о формировании в первой четверти XVII в. своеобразного рынка русской монеты, вошедшей в историю как «старая денга московская».

42

Светлана ОРЛИК

Российские фальшивые кредитные билеты в Галиции в годы Первой мировой войны

В статье рассмотрены проблемы денежного обращения на оккупированных русскими войсками территориях Галиции в годы Первой мировой войны. Детально исследованы причины, которые содействовали негативному восприятию русского рубля местным населением оккупированных территорий. Указано, что на авторитет российского рубля также влияли факты наличия в обращении фальшивых российских банкнот.

51

Кшыштоф ФИЛИПОВ

Игнатий Юлиан Цейзик (1779–1858) – гениальный фальсификатор и художник

Статья знакомит с личностью Игнатия Юлиана Цейзика – художника, графика, скульптора и гениального фальшивомонетчика XVIII–XIX вв.

Большую часть жизни он провел на каторге (Тобольске, Иркутске, Улан-Удэ). Даже находясь в тюрьме, И. Цейзик продолжал изготавливать фальшивые деньги и произведения «высокого искусства».

55

Андрей ГЕЦЕВИЧ

Деятельность кооперативных кредитных касс в Новогрудском воеводстве (вторая половина 1920-х гг.)

В статье рассматриваются вопросы функционирования мелких кредитных кооперативов Новогрудского воеводства в период 1925–1930 гг. Приводятся статистические данные по деятельности кредитных учреждений, численности филиалов и отделений. Анализируется состояние и проблемы деятельности учреждений мелкого кредита в регионе.

58

Виктор СУВОРОВ

Роль лотерейных билетов в социально-гуманитарной политике государства

Важнейшим аспектом социальной политики любого государства является организация благотворительного движения в пользу тех, кто нуждается в помощи. Действенным способом привлечения значительных денежных средств является продажа благотворительных денежно-вещевых лотерейных билетов, что позволяет каждому человеку проявить свою гражданскую позицию, сострадание и сопричастность к оказанию посильной помощи нуждающимся.

61

Владимир ЗАЙЧЕНКО

Христианская символика на коммеморативных монетах Национального банка Украины

В статье представлены наиболее распространенные монеты с христианской символикой, выпущенные Национальным банком Украины в последние 20 лет (1996–2016 гг.). Подчеркнуто, что христианская символика широко применяется на памятных монетах из серий «Духовные сокровища Украины» и «Обрядовые праздники Украины». Так как христианская религия всегда занимала важное место в истории украинского народа, традиции стилизации памятных монет с элементами христианской символики продолжают до теперешнего времени.

65

Татьяна КОЛЕСНИКОВА

Музей истории частного коллекционирования в Витебске: прошлое и настоящее

Статья посвящена истории становления Музея истории частного коллекционирования в Витебске и его новой экспозиции, в которой представлены собрания трех крупнейших коллекционеров Витебска второй половины XIX–XX вв.

68

Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў¹

Вадзім БЕЛЯВЕЦ

Ад'юнкт Інстытута археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта (Польшча), кандыдат гістарычных навук

Віталь СІДАРОВІЧ

Загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ

Знаходкі манет Старажытнага Рыма на Гарадзеншчыне, асабліва ў яе заходняй частцы, не з'яўляюцца чымсьці незвычайным. Апрача шматлікіх адзінкавых знаходак манет [13; 19] ёсць звесткі пра шэраг скарбаў у названым рэгіёне. На жаль, часцей за ўсё – гэта кароткая (а нярэдка і неправераная) інфармацыя. Так, маюцца вельмі сціслыя звесткі пра знаходку скарбаў каля Шаўраў Воранаўскага раёна [15, с. 77] і Жалудка Шчучынскага раёна [14]. Больш вядома пра скарбы, знойдзеныя каля в. Каменка Навагрудскага раёна [9, с. 102–105] і ў ваколіцах Жыровічаў Слонімскага раёна [2]. Сама меней, два дэпазіты з Ваўкавыскага раёна сталі вядомыя ў апошнія дзесяцігоддзе са знаходак скарбашукальнікаў – з-пад в. Бачэнцы² і з неўдакладным месцам [22, с. 67–68]. Асобна стаіць скарб з-пад в. Турэц Карэліцкага раёна, які складаецца не са срэбных дэнарыяў, а з медных тэтрадрахмаў, адчаканеных у Александрый Егіпецкай, што была пад уладаю Рымскай імперыі [39].

Сярод усіх знаходак антычных манет у Гродзенскай вобласці, безумоўна, вылучаецца скарб, знойдзены на захадзе Бераставіцкага раёна. Упершыню ён быў выяўлены мясцовымі школьнікамі ў 1968 г., якія знайшлі каля 20(?) манет. Восем манет трапілі ў збор Нумізматычнага кабінета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [2]. На жаль, спробы В.Н. Рабцэвіча ўдакладніць лакалізацыю знаходкі і выявіць астатнюю частку дэпазіту не мелі поспеху. Магчыма, гэта паўплывала на першапачатковую прывязку скарбу – у першай публікацыі [2] ён названы скарбам з-пад в. Вялікія Жукевічы³.

Доўгі час не было новых звестак аб гэтым месцазнаходжанні. Пошукавыя работы вяліся амаль выключна скарбашукальнікамі, якім час ад часу трапляліся адзінкавыя манеты. Дзве з гэтых манет – дэнарыі Траяна і Антаніна Пія былі перададзены В.І. Какарэкам у збор Нумізматычнага кабінета БДУ⁴.

У 2011 г. скарбашукальнікамі была выяўлена асноўная частка скарбу, якая складалася з 426 манет і 18 фрагментаў фібул. У 2012 г. яны трапілі ў збор музейнага фонда Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь⁵. Пазней у той жа збор былі перададзены

¹ Артыкул падрыхтаваны ў перыяд стажыроўкі В. Беляўца ў Варшаўскім універсітэце, фінансаванай са сродкаў Нацыянальнага навуковага Цэнтра Рэспублікі Польшча (Narodowe Centrum Nauki) на падставе рашэння № DEC-2014/12/S/HS3/00202.

² Не публікаваўся. Невялікі дэпазіт складаўся прынамсі з 13 манет, сярод якіх дэнарыі Траяна, Антаніна Пія, Фаўсціны Старшай, Люцыя Вера, Фаўсціны Малодшай, Камода і Пертынакса.

³ Насамрэч, вёскі пад назвай Вялікія Жукевічы ў Бераставіцкім раёне не існуе. Маецца на ўвазе в. Жукевічы Алексішчэцкага сельсавета, якая размешчана за некалькі соцень метраў на ўсход ад в. Алексішчы.

⁴ Акт прыёму № 8 ад 26.03.2010. Вучэбная лабараторыя музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

⁵ Аўтары выказваюць шчырую падзяку супрацоўнікам Музея грошай Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь А.А. Вароб'ёвай і А.У. Дзівінскай за неацэнную дапамогу ў навуковай апрацоўцы скарбу, а таксама лабаранту кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ У.В. Грыбу за дапамогу ў падрыхтоўцы ілюстрацый.

яшчэ 10 дэнарыяў, якія былі сабраныя ўжо пасля выяўлення асноўнай часткі. Што да лакалізацыі, то А. Корзунам, які першым апублікаваў знаходку 2011 г. [8], была прапанавана прывязка да в. Алекшыцы, якая прынята і аўтарамі гэтага артыкула.

Характарыстыка манетнай часткі скарбу

На сёння са складу Алекшыцкага дэпазіту вядома 446 срэбных манет, з якіх 436 экзэмпляраў захоўваюцца ў Музеі грошай Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь, а яшчэ 10 – у Нумізматычным кабінэце БДУ. Абсалютная большасць манет (441 экз.⁶) прадстаўлена эмісіямі Рымскай імперыі – дэнарыямі, якія былі адчаканены ў Рыме з 75 г. да 195 г.

Найстарэйшай манетай скарбу з’яўляецца дэнарыій Веспасіяна (69–79), чаканены ў 75 г. (малюнак 1а). Гэта адзіная ў дэпазіце манета дынастыі Флавіяў. Абсалютная ж большасць дэнарыяў (431 экз.) адчаканена ў перыяд праўлення дынастыі Антанінаў (96–192). Самым раннім з іх з’яўляецца дэнарыій Нервы (96–98) чаканкі 97 г. (малюнак 1б). Адносна невялікай колькасцю прадстаўлены манеты Траяна – 9 экзэмпляраў (табліца 1; малюнак 2).

Больш прадстаўнічай з’яўляецца група дэнарыяў (43 экз.), якія выпушчаны падчас праўлення Адрыяна (табліца 2). Апрача 40 манет з выявай самога Адрыяна (малюнак 3), да гэтай групы належаць 2 дэнарыі Сабіны і дэнарыій Элія Вера (малюнак 4).

Малюнак 1. Дэнарыі Веспасіяна (а) і Нервы (б)

Большую частку Алекшыцкага дэпазіту складаюць манеты, якія былі адчаканены падчас праўлення трох апошніх прадстаўнікоў дынастыі Антанінаў – Антаніна Пія (138–161), Марка Аўрэлія (161–180) і Камода (179/180–192).

Да эмісій Антаніна Пія (127 экз.) (табліца 3) належаць не толькі манеты з яго выявай (73 экз.) (малюнак 5), але і дэнарыі, бітыя ў памяць імператрыцы Фаўсціны Старэйшай (30 экз.) (малюнак 6), а таксама ад імя цэзара Марка Аўрэлія (16 экз.)

Табліца 1

Эмісіі часу праўлення Траяна (98–117)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC ⁷
1	Траян	98–99	1	12
2		100	1	32
3		103–111	5	114, 116?, 120, 147, 183
4		114–117	1	349
5		?	1	?

Табліца 2

Эмісіі часу праўлення Адрыяна (117–138)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
1	Адрыян	119–122	7	75, 76, 82, 94, 101с, 126а, 129
2		125–128	9	157, 161, 162, 169?, 173, 173?, 181, 182, 184
3		132–134	24	206-207, 213, 217, 219, 222?, 241А (2), 253, 256 (3), 262, 266 (2), 267?, 280d, 282 (2), 290, 297, 299, 300, 302, 307
4	Сабіна	128–136	2	395, 399а
5	Элій Вер	137	1	436

⁶ Да імперскай чаканкі, хутчэй за ўсё, належаць яшчэ 2 манеты, якія з-за моцнай карозіі засталіся неатрыбуаванымі.

⁷ Тут і ў наступных табліцах атрыбуцыя манет даецца паводле каталога The Roman Imperial Coinage – RIC (Vol. 2 Vespasian to Hadrian. By H. Mattingly and E.A. Sydenham. London: Spink and Son, 1986; Vol. 3. Antoninus Pius to Commodus. By H. Mattingly and E.A. Sydenham. London: Spink and Son, Limited, 1930).

Малюнак 2. Дэнарыі Траяна

Малюнак 3. Дэнарыі Адрыяна

Малюнак 4. Дэнарыі Сабіны (а) і Элія Вера (б)

Малюнак 5. Дэнарыі Антаніна Пія

Малюнак 6. Дэнарыі, чаканення ў памяць Фаўсціны Старэйшай

Таблица 3

Эмісіі часу праўлення Антаніна Пія (138–161)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
1	Антанін Пія	138	2	7, 10
2		139	3	28-31, 43 (або 54b), 58
3		140–143	3	61, 70, 84
4		143–144	1	111c
5		145–161	4	127c, 136, 143, 155
6		147–148	1	163
7		148–149	10	175, 177 (2), 178, 181 (2), 181?, 183 (2), 183?
8		149–150	1	189
9		150–151	4	200c (2), 202 (2)
10		151–152	3	203, 203-205, 209
11		151–156	2	?
12		152–153	1	222?
13		153–154	3	229b, 235, 237
14		154–155	1	238
15		155–156	2	252, 252?
16		155–157	1	250 (або 262)
17		155–158	1	249 (або 274)
18		156–157	4	257, 260, 262, 265
19		157–158	2	274, 282
20		158–159	1	294ba
21		159–160	2	301
22		159–161	1	300a (або 310)
23		160–161	1	308
24		?	19	?
25	Фаўсціна Старэйшая (пасмяротная чаканка)	Пасля 141	27	344 (3), 344?, 346a, 348 (2), 351, 360 (3), 361, 366, 368, 370, 371, 377, 378, 381b, 382a (3), 384, 391, 394a (2), 400
26		Пасля 141	3	?
27	Марк Аўрэлій	140–144	2	422, 424a
28		144	2	426
29		145–147	3	429a, 431, 433
30		146–148	1	436 (або 440)
31		148–149	2	444
32		159–160	2	483
33	?	4	?	
34	Фаўсціна Малодшая	145–161	8	497, 500b, 502 (2), 507, 515 (або 517 (2)), 517

(малюнак 7а, б) і дачкі Антаніна Пія Фаўсціны Малодшай (8 экз.) (малюнак 7в).

Самай прадстаўнічай у Алекшыцкім скарбе з'яўляецца група манет часу праўлення Марка

Аўрэлія – 184 экзэмпляры (табліца 4). Большасць з іх (107 дэнарыяў) – манеты ўласна Марка Аўрэлія (малюнак 8). Колькасць манет суправіцеля Марка Аўрэлія – Люцыя Вера (161–169) – 19 экзэмпляраў

Таблица 4

Эмісіі часу праўлення Марка Аўрэлія (161–180)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
1	Марк Аўрэлій	161	5	22, 23, 24, 35 (2)
2		161–162	5	2 (або 35 (2)), 23 (або 51), 37, 50
3		162–163	3	62, 73, 73?
4		163–164	3	104, 106, 112
5		163–165	1	81 (або 122)
6		164–165	8	124 (2), 125 (3), 132, 132 (або 135 (2))
7		165	3	138 (2), 143
8		165–166	4	138 (або 155), 145 (або 149), 146, 148
9		166	6	159, 163 (3 экз.), 164 (2)
10		166–168	1	170 (або 176)
11		168	2	185, 185?
12		168–169	8	185 (або 205), 191 (або 209 (2)), 203 (2), 206 (2), 207
13		168–170	3	207 (або 222 (2)), 210 (або 226)
14		169–170	1	212
15		170–171	3	237, 251 (2)
16		171–172	10	252 (3), 258, 259 (4), 261 (2)
17		172–173	1	285
18		172–174	1	278a (або 290)
19		173–174	4	289 (2), 293?, 296
20		174	1	304
21		175	2	322, 326?
22		175–176	2	325 (або 348), 330 (або 356)
23		176–180	2	413, 421
24		177–178	3	385, 387?, 390
25		177–179	3	384 (або 396 (2)), 385 (або 399)
26		178–179	1	396 (або 406)
27		179	2	403 (2)
28		179–180	1	409
29		?	18	?
30	Антанін Пій	161 (пасмяротная чаканка)	20	429, 430 (3), 431 (4), 436 (6), 438 (4), 439-442, 441
31	Люцый Вер	161	3	444, 446, 465
32		161–162	5	482 (4), 483
33		162–163	1	491
34		163–164	2	509, 516
35		166	1	566
36		166–167	1	574
37		167–168	1	578
38		168	2	586, 595
39		?	3	?

Продолжение таблицы 4

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
40	Люцый Вер (пасмяротная чаканка)	169	1	596a
41	Камод	179	2	666
42	Фаўсціна Малодшая	161–175(176)	21	669 (3), 676 (2), 677 (3), 677?, 683, 686 (3), 688 (3), 688?, 694–696, 695, 715, 728 (або 730)
43	Фаўсціна Малодшая (пасмяротная чаканка)	176–180	4	739, 745, 746, 753
44	Люцыла	164–180	10	758 (2), 759, 770 (2), 781, 786 (2), 788, 791

Малюнак 7. Дэнарыі Марка Аўрэлія (а, б) і Фаўсціны Малодшай (в). Адчаканены падчас праўлення Антаніна Пія

(малюнак 9). Ад імя жонак гэтых імператараў Фаўсціны Малодшай (малюнак 10) і Люцылы (малюнак 11) адчаканены 21 і 10 дэнарыяў адпаведна. Асобнай групай прадстаўлены каменаратывыя манеты, бітыя ў памяць Антаніна Пія (20 экз.) (малюнак 12), Люцыя Вера (1 экз.) і Фаўсціны Малодшай (4 экз.). Нарэшце, 2 дэнарыі адчаканены ў 179 г. ад імя Камода, у той час ужо суправіцеля свайго бацькі Марка Аўрэлія.

Да часу праўлення Камода належаць 67 манет (табліца 5). З іх 58 экзэмпляраў маюць выяву самога Камода (малюнак 13). У памяць Марка Аўрэлія адбіты 4 дэнарыі са складу Алекшыцкага скарбу. Яшчэ 5 манет выпушчаны ад імя жонкі Камода Крыспіны (малюнак 14).

Пазнейшыя манеты Алекшыцкага дэпазіту адчаканены ў 193–195 гг. Цікавай з’яўляецца наяўнасць у скарбе рэдкага дэнарыя Дзідзія Юліяна (RIC 2),

Малюнак 8. Дэнарыі Марка Аўрэлія

імператара, які зусім нядоўга знаходзіўся ва ўладзе – з 28 сакавіка да 1 чэрвеня 193 г. Знаходкі дэнарыяў гэтага імператара на тэрыторыі Беларусі дагэтуль фіксаваліся толькі двойчы [19, s. 50; 18, s. 21].

Малюнак 9. Дэнарыі Люцыя Вера

Малюнак 10. Дэнарыі Фаўстыны Малодшай. Адчаканены падчас праўлення Марка Аўрэлія

Традыцыйна для большасці скарбаў лясной паласы малодшымі манетамі з'яўляюцца раннія эмісіі Сэптымія Севера (табліца 6). У Алекшыцкім скарбе ёсць 8 дэнарыяў чаканкі 193–195 гг. (малюнак 15).

Малюнак 11. Дэнарыі Люцылы

Малюнак 12. Дэнарыі, адчаканеныя ў памяць Антаніна Пія

Малюнак 13. Дэнарыі Камода

Малюнак 14. Дэнарыі Крыспіны

Малюнак 15. Дэнарыі Сэптымія Севера

Тры манеты са складу Алекшыцкага скарбу маюць вялікую цікавасць для даследчыкаў, бо не належаць да афіцыйнай імперскай чаканкі. Прынамсі дзве з іх з'яўляюцца варварскімі імітацыямі дэнарыяў Рымскай імперыі. Першая (малюнак 16а) імітуе дэнарыі Камода. Выява на аверсе (галава імператара) амаль ідэнтычная прататыпу, а легенда практычна не чытаецца. Але ж выява рэверса выканана прымітыўна. Варварскае паходжанне манеты вызначаецца, у першую чаргу, па вельмі спрошчаных выявах пальмавай галіны і зоркі. Захаваны пачатак легенды (P M TR P XVII....) дазваляе меркаваць, што прататыпам гэтай імітацыі быў дэнарыі, адчаканены ў Рыме ў 192 г. (RIC 237).

Другая манета з'яўляецца імітацыяй дэнарыя Фаўсціны Малодшай, адчаканенай падчас праўлення Марка Аўрэлія (RIC 694–696). Выканана яна на вельмі высокім узроўні (малюнак 16б). Яе варварскае паходжанне выдаюць толькі некаторыя схематычнасць выявы Фаўсціны і патэры, якую трымае багіня Юнона, нехайнасць выканання літар і, што галоўнае, памылка ў легендзе рэверса – замест IVNONI REGINAE на імітацыі размешчаны надпіс: IVNONI REGINA.

Яшчэ адзін дэнарыі (малюнак 16в) пакуль аднесены да так званых гібрыдных. Да такіх манет належаць экзэмпляры, якія маюць аверс і рэверс ад манет розных эмітэнтаў (інакш кажучы, такое

Таблица 5

Эмісіі часу праўлення Камода (179/180–192)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
1	Камод	179–180	2	2
2		181	3	13 (або 17), 14а, 22
3		181–182	4	19 (або 32), 32, 36 (2)
4		182	1	42
5		183	3	60, 64? (2)
6		183–184	3	76, 79 (2)
7		184	2	90, 95
8		184–185	3	98а (або 112), 106с, 112
9		185	1	117
10		186	3	131, 135, 136
11		186–187	8	122а (або 145), 138 (або 152), 140 (або 161), 146 (2), 152, 155, 161
12		186–189	1	192
13		187–188	2	167, 169
14		188–189	3	172, 175, 175 (або 188)
15		189	2	186, 187
16		190–191	4	218, 219 (або 220), 224, 227
17		192	4	234, 235?, 237, 239 (або 240)
18		?	9	?
19	Марк Аўрэлій (пасмяротная чаканка)	180	4	266 (або 270), 269, 272, ?
20	Крыспіна	178–191	5	278 (2), 283 (2), 286а

Таблица 6

Эмісіі часу праўлення Сэптымія Севера (193–211)

№ п/п	Выява на аверсе	Год чаканкі	Колькасць	Нумары па каталогу RIC
1		193–194	4	1, 22, 24 (2)
2	Сэптымій Север	194	2	27a (або 32), 37
3		194–195	2	26 (або 43), 56

Малюнак 16. Імітацыі дэнарыяў Рымскай імперыі

спалучэнне аверса і рэверса не зафіксавана ні ў адным каталогу, а выяўленне новых тыпаў манет, улічваючы дасканалую вывучанасць эмісій Рымскай імперыі, амаль немагчыма). Алекшыцкая манета мае рэверс з выявай сядзячай улева Канкордзіі і легендай: *CONCORDIA AVG*. Падобныя рэверсы характэрны для дэнарыяў Веспасіяна, Сабіны і Фаўсціны Старэйшай. Аднак партрэт на аверсе разглядаемай манеты адназначна не належыць да вышэйпералічаных асоб. На жаль, дрэнная захаванасць і каразіраванасць пакуль не дазваляюць упэўнена вызначыць, каму належыць гэты партрэт. У той жа час фрагменты легенды аверса, якая падаецца выкананай нехайна, дазваляюць меркаваць аб прыналежнасці манеты да варварскай чаканкі.

Наяўнасць у Алекшыцкім скарбе 2 (або 3) варварскіх імітацый можна лічыць нармальнай з’явай. Дасканалая навуковая апрацоўка скарбаў рымскіх дэнарыяў дазваляе цяпер выяўляць усё новыя і новыя ўзоры варварскай манетнай вытворчасці. У якасці прыкладу можна ўгадаць і 2 беларускія дэпазіты – Малецкі і Лышчыцкі, у складзе якіх выяўлены імітацыі [18, s. 31–33; 17, с. 45].

Такім чынам, сярод манет Алекшыцкага скарбу дамінуюць эмісіі часоў праўлення Антаніна Пія (28,5%) і Марка Аўрэлія (41,3%). Значную частку складаюць таксама дэнарыі, якія былі адчаканены

падчас праўлення Адрыяна (9,6%) і Камода (15,0%). Эмісіі іншых імператараў прадстаўлены невялікай колькасцю манет.

Пазнейшымі (малодшымі) манетамі Алекшыцкага дэпазіту, па якіх вызначаецца *tpq* (*terminus post quem* – дата, пасля якой быў ухаваны скарб), з’яўляюцца дэнарыі Сэптымія Севера, чаканеныя ў 194–195 гг. Падобнае датаванне малодшых манет характэрна для большасці скарбаў рымскіх манет з Беларусі. Так, *tpq 194/195* мае Малецкі скарб [18, s. 31], *tpq 193/195* – скарб з-пад в. Ставішча Брэсцкага раёна [16, с. 43]. Часам каля 192 г. датуецца пазнейшыя манеты манетна-рэчавага скарбу з в. Каменка Навагрудскага раёна [9, с. 103–106] і дэпазіту з Ваўкавыскага раёна [22, с. 68, табліца 1]. Пазнейшая манета невялікага скарбу з-пад в. Бачэнцы Ваўкавыскага раёна (дэнарыі Пертынакса) была адчаканена ў 193 г.

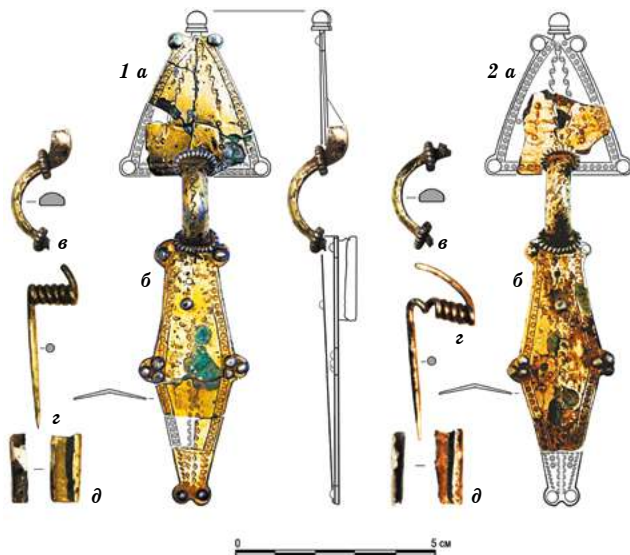
Датаванне малодшых манет скарбаў рымскіх манет першай паловай 190-х гг. тлумачыцца, у першую чаргу, крызіснымі з’явамі, што напаткалі фінансавую сістэму Рымскай імперыі ў канцы II ст. Рэзкае скарачэнне эмісій срэбных манет і паступовае зніжэнне іх пробы мае наступствам рэдкасць срэбных наміналаў, адчаканеных пазней 190-х гг., у еўрапейскім Барбарыкуме (асабліва на тэрыторыях, аддаленых ад мяжы Рымскай імперыі). У выніку гэтага датаванне значнай колькасці «варварскіх» скарбаў рымскага манетнага срэбра адбываецца па малодшай манеце і, хутчэй за ўсё, не заўсёды з’яўляецца вартым даверу, бо можна меркаваць, што рымскія манеты «абарачаліся» ў варвараў даволі працяглы час. Але абгрунтавана казаць пра гэта можна толькі пры наяўнасці ў скарбе іншых, апрача дэнарыяў, прадметаў. На шчасце, у складзе Алекшыцкага дэпазіту маецца рэчавая частка, якая карэнным чынам змяняе меркаванне пра дату ўхавання гэтага комплексу.

Сярод знаходак з Алекшыц, перададзеных у музей Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь, прысутнічае 18 абломкаў срэбных з пазалотай фібул: 2 спінкі, 2 фрагменты спружын з іголкамі, 2 прыёмнікі і 12 абломкаў пласцінкавых шчыткаў рознай велічыні. На жаль, звесткі аб умовах іх залягання адсутнічаюць, і сёння мы не ў стане вызначыць, з’яўляецца гэтая дробнасць абломкаў вынікам знішчэння фібул у старажытнасці (на момант ухавання), іх другаснага перамяшчэння падчас земляных работ альбо воркі, ці, нарэшце, – наступствам неасцярожнага здабыцця і ачысткі рэшткаў дэпазіту знаходчыкамі.

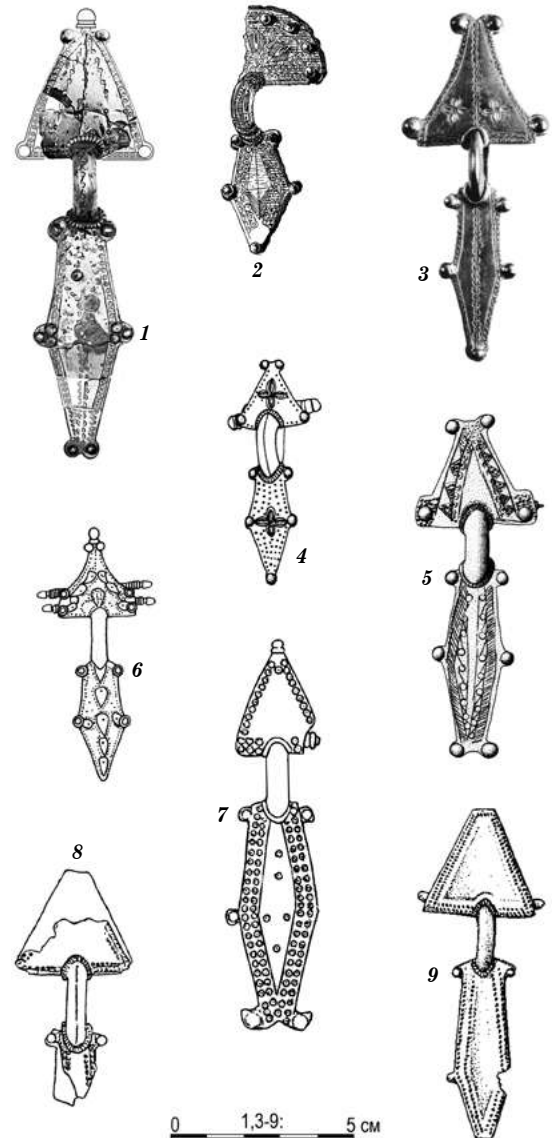
Рэканструкцыя фібул. Парнасць канструктыўных дэталей сведчыць, што фрагменты паходзяць ад дзвюх засцежак. Ніводная з іх не ўзнаўляецца

цалкам, але відавочна, што фібулы былі практычна аналагічныя па памерах, прапорцыях, спосабе і арнамантацы, што дазваляе кампенсаваць страты, выкарыстоўваючы дэталі адной засцежкі для рэканструкцыі другой, і такім чынам з вялікай верагоднасцю ўзнавіць іх выгляд (малюнак 17:1, 2). Гэта былі вялікія двухпласцінавыя фібулы каля 12,0–12,5 см у даўжыню, вышыня якіх у спінцы разам з прыёмнікам складала 1,8–2,0 см. Шчыткі на галоўках мелі падтрохвугольную форму з выгнутымі вонкі бакамі. У верхняй частцы галовак месціліся парныя бакавыя выступы з заклёпкамі. Такія ж выступы, хутчэй за ўсё, знаходзіліся ў ніжніх кутах шчыткоў. На верхнім краі галаўной пласціны адной з фібул захавалася аснова шыпа, які, верагодна, заканчваўся накладной кнопкай (малюнак 17:1a). Засцежкі мелі спружыны з ніжняй цяцвай, верагодна, сіметрычныя 12-вітковыя. Спінкі дугападобныя, з фасеткамі з бакоў, аздобленыя срэбнымі рубчатымі колцамі. Ножкі маюць форму моцна выцягнутых пяцівугольнікаў, у кутах якіх месцяцца выступы з заклёпкамі. Прыёмнікі выкананы асобна са срэбнай бляхі і прымацаваны да шчыткоў срэбнымі ж заклёпкамі. Знешні бок шчыткоў і спінкі шчыльна пакрыты штампаваным арнаментам. Адбіткі аналагічныя па форме і памеры, нанесены адным наборам інструментаў. Выкарыстаны тры пуансоны: для вачкаватых і месяцападобных адбіткаў, s-падобных завіткаў і адбіткаў вярцападобнай формы. Яны ўтвараюць складаны кампазіцыі з чатырохпрамянёвых зорак, ланцужкоў з валют, вачкаватых і месяцападобных матываў.

Тыпалагічнае вызначэнне і паходжанне. Для фібул з Алекшыц не існуе сціслага і ўстойлівага вызначэння ў існуючых тыпалогіях. Але кола аналогій, найбольш блізкіх у сэнсе формы і арнамантацы, даволі вузкае. Яго ўтвараюць

Малюнак 17. Рэканструкцыя фібул з Алекшыцкага скарбу. Срэбра з пазалотай

Малюнак 18. Фібула з Алекшыц (1) і аналогіі з: 2 – Калатэн, 3 – Ваюгі, 4 – Тапэ-Лебё, 5 – Фенекпушты, 6, 7 – Керчы, 8, 9 – Херсанэса. Срэбра з пазалотай 2 – паводле каталога Прусія – Музэум [31], 3 – паводле В. Паповіча [38], 4 – паводле М. Пардуча [37], 5 – паводле Р. Мюлера [36], 6 – паводле Ф. Бірбраўэра [25], 7 – паводле І.А. Гаўрытухіна [5], 8, 9 – паводле А.І. Айбабіна [1]

двухпласцінавыя срэбныя пазалочаныя засцежкі з ножкамі пяцівугольнай формы, выступамі і заклёпкамі (малюнак 18). Такія фібулы вядомы з эпохі Вялікага перасялення народаў (далей – ВПН), перадусім на тэрыторыі Падунаўя і Крыма (малюнак 19, карта). Акрамя знаходак з Алекшыц нам вядома толькі 10 падобных засцежак. Большасць з іх мае пяцівугольныя ножкі ды галаўныя шчыткі ў форме трапецый з больш ці менш выразна ўвагнутымі бакамі і марфалагічна адпавядае тыпу Вышкаў у вызначэнні Ф. Бірбраўэра⁸. Гэта: пара фібул з пахавання 18 могільніка Ваюга (малюнак 18:3),

⁸ Некаторымі аўтарамі гэтыя фібулы непасрэдна ўключаюцца ў тып Вышкаў [36, с. 53. Taf. 16/Gr. 76:3]. Сам Ф. Бірбраўэр разглядае срэбныя з пазалотай фібулы гэтай формы як прататыпныя для выкананых са сплаваў медзі – уласна тыпу Вышкаў [25, с. 141, 149, 151–152, 157].

Малюнак 19. Карта. Алекшыцы (1) і помнікі, на якіх былі выяўлены фібулы, тыпалагічна блізкія да знойдзеных у Алекшыцкім скарбе 2 – Калатэн (Kollaten), 3 – Ваюга (Vajuga), 4 – Фенекпушта (Fenekpuszta), 5 – Тапэ-Лебё (Táré-Lebő), 6 – Херсанэс, 7 – Керч

засцежка з Тапэ-Лебё (малюнак 18:4), з пахавання 76 у Фенекпушце (малюнак 18:5), і дзве малыя фібулы з калекцыі І.А. Хайноўскага, якія паходзяць з Керчы (малюнак 18:6). На пачатку 2000-х гг., дэталізуючы тыпалогію двухпласцінавых фібул ВПН у Падунаўі і на поўдні Усходняй Еўропы, І.А. Гаўрытухін прадставіў уласны іх падзел, у якім такія фібулы былі вылучаны ў асобную серыю – «Тапэ-Лебё» [5, с. 311, рис. 7:8, 11, 17]. Тры наступныя засцежкі – вялікі экзэмпляр з калекцыі І.А. Хайноўскага, які звязваецца з Керччу (малюнак 18:7), і дзве фрагментаваныя фібулы з Херсанэса (малюнак 18:8, 9) належаць да паўночнапантыйскай серыі фібул з заклёпкамі [5, с. 288, 311, рис. 7:12, 18]. Нарэшце ў коле аналогій да фібул з Алекшыц мы можам адзначыць засцежку з Калатэн (малюнак 18:2), якая выразна адрозніваецца ад рэшты паўкруглым галаўным шчыткам і павінна разглядацца як прататыпная форма фібул з выступамі і заклёпкамі [5, с. 311].

Для разумення гісторыка-культурнага кантэксту алекшыцкіх знаходак варта коратка спыніцца на сучасных уяўленнях аб эвалюцыі разглядаемых засцежкаў на фоне гісторыка-культурных працэсаў рубяжа IV/V – сярэдзіны V стст. на поўдні Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

У апошняй чвэрці IV ст. у выніку гунскай навалы значная частка носьбітаў чарняхоўскай культуры – поліэтнічнага племяннога саюза, у якім палітычная ініцыятыва знаходзілася ў руках усходнегерманскіх, перадусім гоцкіх, эліт – адышла за Дунай на землі Рымскай імперыі. У гэты час адбываецца распад пасяленчых структур ва ўсёй агульнасці культур гоцкага кола⁹ – ад берагоў Балтыкі да Паўночнага Прычарнамор'я. У былым арэале чарняхоўскай культуры рэшткі яе насельніцтва ўтварылі шэраг «малых каралеўстваў» (на Валыні, левабярэжжы Дняпра, у Паўночным Прычарнамор'і і, магчыма, на Падоллі), якія праіснавалі пад пратэктаратам гунаў

да сярэдзіны V ст. [5, с. 300–303; 4; 7; 26, с. 365–399]. У сярэднім Падунаўі і Крыме ў правінцыйна-рымскім і сармата-германскім асяроддзі паўстаюць новыя рэгіёны рассялення ўсходнегерманскага насельніцтва, якія з пачатку V ст. становяцца базай для экспансіі готаў, вандалаў, алаваў ды іншых варварскіх народаў у глыб Рымскай імперыі: Італію, паўднёвую Галію, Іспанію і Афрыку.

Адной з найбольш яскравых з'яў гэтай эпохі з'явілася фарміраванне ў Падунаўі спецыфічнага строю варварскай арыстакратыі, класічных ўзоры якога прадстаўлены ў пахаваннях і скарбах культурна-храналагічнага гарызонту Унтэрзібэнбрун. Апошні ў цэлым адпавядае фазе D₂ (пераважна раньняму яе этапу) адноснай храналогіі – каля 380/400 – 400/450 гг.¹⁰. Касцюм варварскіх эліт гэтай эпохі базуецца на ўсходнегерманскім строі познерымскага часу, які ўзбагачаецца за кошт элементаў правінцыйна-рымскага касцюма і традыцый рознаплемянных варвараў-федэратаў, якія знаходзіліся на службе Рымскай імперыі [11; 41; 44]. Двухшчытковыя засцежкі з'яўляліся элементам жаночага касцюма. Іх насілі на плячах, пераважна парамі. Зыходнымі формамі для іх паслужылі фібулы 2 серыі VI групы О. Альмгрэна тыпу 182, якія ўзніклі ў чарняхоўскай культуры ў першай палове IV ст. [28; 33]. На аснове апошніх у першай палове – сярэдзіне V ст. у Падунаўі і Паўночным Прычарнамор'і складваецца шырокі спектр засцежкаў з выступамі на шчытках. Асобнае месца сярод іх займаюць раскошныя срэбныя пазалочаныя экзэмпляры, аздобленыя ўстаўкамі з паўкаштоўных камянёў, а таксама больш сціплыя, падобныя да алекшыцкіх – са штампаваным і гравіраваным арнамантам (малюнак 18). Такія фібулы вырабляліся для прадстаўнікоў прывілеяваных колаў. Як правіла, яны не ўтвараюць вялікіх серый, але былі ўзорамі для фібул масавай прадукцыі. Сярод апошніх найбольш распаўсюджанымі ў сярэдзіне V ст. былі засцежкі паўночнапантыйскай серыі і падгрупы Братэй-Вышкаў: спрошчанай формы, стандартызаваныя, сціпла арнамантаваныя вырабы са сплаваў медзі і, радзей, са срэбра [25, с. 143–144, 146–147; 5; 45, с. 304–307]. Гэтыя фібулы ўваходзілі ў касцюм «сярэдняга класа», які, як правіла, не ўключаў іншых металічных элементаў.

У разледжаным вышэй тыпалагічным развіцці двухпласцінавых фібул з заклёпкамі эпохі ВПН засцежкі з Алекшыц займаюць раннюю пазіцыю. На гэта ўказваюць, перадусім, іх галаўныя шчыткі з выгнутымі бакамі – формы, пераходнай да трохвугольнай і трапецападобнай. Ранняя прыкметай трэба лічыць і наяўнасць трох заклёпак на сярэдніх выступах ножаў. Гэта рыса сустракаецца выключна рэдка і адзначана на адной з фібул пахавання ва Унтэрзібэнбрун – эталоннага для Сярэдняга Падунаўя помніка фазы D₂ [44, с. 335–339; 40, с. 57–60]. Падмацаваць прапанаванае датаванне і вызначыць верагоднае месца вырабу алекшыцкіх засцежкаў дазваляе іх аздабленне: штампаваны арнамент у стылі Унтэрзібэнбрун-Кашавэні, тыповы для фазы

⁹ Гэтым паняццем у археалогіі акрэсліваецца агульнасць вельбарскай, чарняхоўскай (альбо чарняхоўскай і Сынтана дэ Мурэш) культур і масламенцкай групы [32, с. 61].

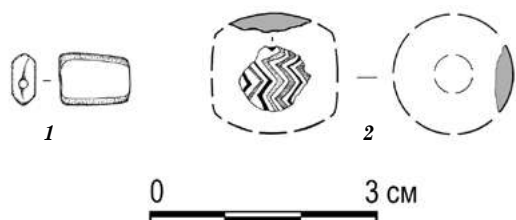
¹⁰ Тут і ніжэй храналогія эпохі ВПН даецца паводле схемы Я. Тэйрала [44].

D₂. Ён выступае, перадусім, на рэчах, звязаных з субкультурай мужчын-ваюроў: дэталях паясоў і конскай вупражы. Мяркуецца, што лепшыя іх узоры вырабляліся правінцыйнарымскімі майстрамі ў Падунаўі для прадстаўнікоў варварскіх, пераважна ўсходнегерманскіх, эліт. Гэты стыль выразна пераклікаецца з «познарымскім вайсковым», які склаўся ў IV ст. – пачатку V ст. у асяроддзі федэратаў Рымскай імперыі, але таксама нясе адбітак густаў варвараў, адрозных на прасторах Барбарыкума. Класічным узорам такой рэгіянальнасці з’яўляюцца рэчы ў стылі Сёсдала, характэрныя для Паўднёвай Скандынавіі. Вырабы кола Унтэрзібэнбрун-Кашавэні-Сёсдала не належаць да масавых і адлюстроўваюць сувязі, а таксама міграцыі груп людзей, якія адбываліся ў канцы IV ст. – сярэдзіне V ст. паміж Дунаем, Донам і Скандынавіяй – вакол «гоцкай айкумены», якая ўжо знікае [44, s. 335–339, abb. 16, 17; 42; 43, s. 167–185; 27].

На двухпласцінавых фібулах – элементах жаночага касцюма – такое аздабленне сустракаецца рэдка, і гэта рэчы класа, вышэйшага за сярэдні: срэбныя з пазалотай, якаснага вырабу. Штампаваны арнамент, які мы назіраем на алекшыцкіх засцежках (зорачкі, валютападобныя завіткі, палосы з вачкаватых і месяцападобных адбіткаў), выступае ў фазе D₂ на фібулах з Падунаўя (малюнак 18:3–5). Па-за парэччам Дуная ён адзначаецца выключна рэдка: на архаічных для эпохі ВПН фібулах, блізкіх да тыпу А.182 (малюнак 18:2). Прычарнаморскія пазалочаныя засцежкі паўночнапантыйскай серыі ды блізкія да тыпу Вышкаў нясуць спрощаныя штампованы альбо гравіраваны арнамент з матывамі, часткова адрознымі ад дунайскіх (малюнак 18:5–9), і датуюцца пераважна больш познім часам – другой паловай фазы D₂ і D₂/D₃ – прыкладна паміж 400/420 – 450/470 гг. [5, с. 288].

Такім чынам, засцежкі з Алекшыцкага скарбу былі выраблены каля рубяжа IV–V стст. – першай трэці V ст., верагодней за ўсё ў Падунаўі, і ўваходзілі ў жаночы строй усходнегерманскай мадэлі высокага сацыяльнага рангу. Паўстае пытанне аб тым, з якім насельніцтвам і гісторыка-культурнымі працэсамі павінна звязвацца гэта знаходка.

Да праблемы вызначэння культурнага кантэксту алекшыцкага скарбу. Левабярэжжа сярэдняга Нёмана да сёння з’яўляецца практычна беламай на археалагічнай карце Беларусі познерымскага часу і эпохі ВПН [6, с. 57–60, 109–112, рис. 14; 12, с. 155–159, 291, рис. 3.43, 4.33]. Аднак каля

Малюнак 20. Шкляныя пацepкi з археалагічнага помніка каля в. Алекшыцы. Малюнак В.Г. Беляўца

саміх Алекшыц сляды помніка гэтага перыяду ўсё ж вядомыя. Яны былі выяўлены супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі П.М. Кенькам падчас разведак 2009 г. На паўночна-ўсходнім ускрайку вёскі, на высокай тэрасе правага берага Свіслачы ім былі знойдзены дзве шкляныя пацepкi¹¹. Адна з іх, з празрыстага фіялетавага шкла, належыць да тыпу ТМ.ХІІ-119¹² (малюнак 20:1). Другая прадстаўлена фрагментам пацepкi ТМ.ХХ-292а: вялікай бачонкападобнай, з празрыстага цёмна-зялёнага шкла, упрыгожанай чырвонымі, чорнымі і жоўтымі зігзагамі (малюнак 20:2). Абедзве яны належаць да познерымскага часу і эпохі ВПН. Тып ТМ.292 не ўтварае выразных зон канцэнтрацыі, пацepкi ж ТМ.119 былі вельмі папулярныя ў насельніцтва вельбарскай культуры і прадстаўлены таксама ў пшэворскай і заходнебалтыйскага кола культурах [46, s. 19, 21, 35, 58, 110, taf. 33, 50]. У маі 2010 г. у Бераставіцкім раёне па ініцыятыве мясцовага райвыканкама працавала група студэнтаў-практыкантаў гістарычнага факультэта БДУ пад кіраўніцтвам А.Г. Калечыц. На жаль, у ходзе гэтых прац не ўдалося атрымаць новых звестак, якія б дазволілі выявіць межы, культурную прыналежнасць і звязі датаванне помніка ў Алекшыцах.

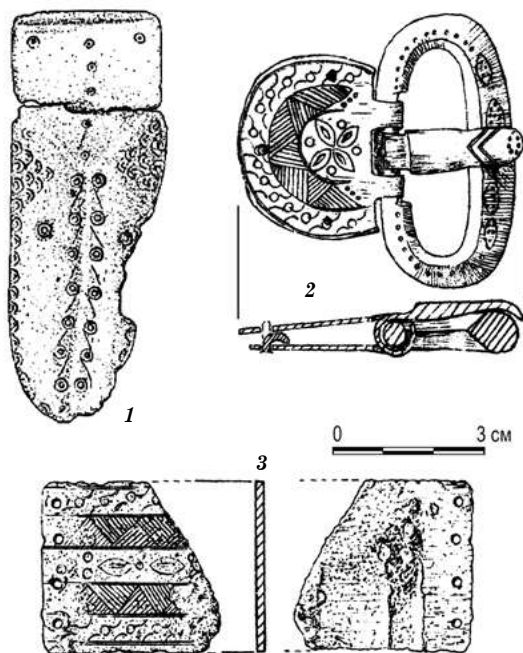
Як бы ні вырашалася ў далейшым пытанне аб культурнай атрыбуцыі апошняга, відавочна, што алекшыцкі манетна-рэчавы скарб як комплекс з уласным гісторыка-культурным зместам непасрэдна не звязаны з колам культуры усходнеўрапейскай лясной зоны. Найбольш відавочным рашэннем было б прыняцце гіпотэзы аб яго сувязі калі не з фізічнай прысутнасцю, то з нейкай формай актыўнасці насельніцтва вельбарскай культуры. У Беларускім Панямонні помнікі апошняй невядомыя. Аднак тэрытарыяльна найбольш блізкі з іх – пахаванне з Чупрынова, датаванае пачаткам III ст., было адкрыта ў польскай частцы Панямоння, над р. Ласоснай, каля 20 км на паўночны захад ад Алекшыц [23]. У гэтай, ускрайкавай, зоне арэала вельбарскай культуры прысутнасць яе насельніцтва на пачатку эпохі ВПН выразна пацвярджаецца комплексам кургана 10 у Ясіновай Даліне [30, s. 75–76, таб. 44]. На Падляшшы і поўначы Мазовіі на помніках вельбарскай культуры таксама вядомы дэталі паясоў фазы D, аздабленыя ў стылі Унтэрзібэнбрун-Сёсдала (малюнак 21) [29, taf. LI/Gr. 407:2, 3; 24].

Дэталёвы аналіз гісторыка-культурнага кантэксту Алекшыцкага скарбу патрабаваў бы яго разгляду на шырокім фоне дэпазітаў пачатку ВПН, выяўленых на агромністай прасторы паміж Дунаем, Падняпроўем і Паўднёвай Скандынавіяй, што не з’яўляецца задачай нашай публікацыі. Тым не менш у заключэнні варта абзначыць асноўныя пункты перспектыўнага аналізу праблемы.

Сярод манетна-рэчавых скарбаў гэтага перыяду, адкрытых у арэале вельбарскай культуры на тэрыторыі Польшчы, найбольш блізкай аналогіяй да алекшыцкага з’яўляецца дэпазіт з Фромбарка (Вармія, поўнач Польшчы), у склад якога ўваходзілі сечаныя фрагменты срэбных вырабаў і зліткаў,

¹¹ Знаходкі перададзены ў 2010 г. ініцыятыўнай групе па стварэнні Бераставіцкага краязнаўчага музея.

¹² Тут і ніжэй вызначэнні прыведзены паводле М. Тэмпельман-Маньчынскай [46].

Малюнак 21. Дэталі паясоў, аздобленыя ў стылі Сёдала-Касавэні з могільнікаў вельбарскай культуры. Сплаў медзі. 1, 2 – Цэцэлі, пахаванне 407; 3 – Модла, пах. 177. 1, 2 – паводле Я. Ясканіса [29], 3 – паводле Я. Анджэўскага [23]

а сярод манет абсалютна дамінавалі дэнарыі, чаканеныя паміж 80 г. і 192 г. [47]. Таксама блізім па характары і, што важна, тэрытарыяльна (усяго за 25–30 км на паўночны захад ад Алекшыц) з’яўляецца скарб з Кундзіна, які ўтрымліваў больш за 1 000 дэнарыяў (ад Траяна да Сэптымія Севера), 5 пацерак (у тым ліку бурштынавую) і фрагменты срэбных прадметаў, сярод якіх прысутнічала спружына арбалетападобнай фібулы [34, № 59]. Фібулы дунайскага кола, адкрытыя ў скарбе з Алекшыц, дазваляюць уключыць у далейшы аналіз дэпазіт (пахаванне альбо рэчавы скарб) з Млатэчна на ўсходзе Польскага Памор’я, адкуль

паходзіць сінхронная алекшыцкім пазалочаная двухпласцінкавая фібула з устаўкамі паўкаштоўных камянеў [35]. Відавочныя храналагічныя, гісторыка-культурныя і стылістычныя аналогіі рэчавай часткі скарбу з Алекшыц ёсць у цэлага шэрага дэпазітаў з тэрыторыі Валыні, такіх як: манетна-рэчавы скарб з Барочыц, дзе найбольш позняй манетай з’яўляецца дэнарый Сэптымія Севера (193–211) [20]; манетна-рэчавы скарб з Ласак, які ўтрымліваў пазалочаныя двухпласцінкавыя фібулы ў паліхромным стылі [21]; але перадусім – рэчавы дэпазіт з Качына, у якім былі адкрыты срэбныя двухпласцінкавыя фібулы, злітак срэбра, дэталі пояса і конскай збруі, аздобленыя ў стылі Унтэрзібэнбрун-Кашавэні [10].

Па выніках першапачаго вывучэння манетна-рэчавага скарбу з-пад в. Алекшыцы можна зрабіць шэраг высноў. Манетная частка, якая ўтрымлівала не менш за 446 срэбных манет, прадстаўлена пераважна дэнарыямі рымскай чаканкі 75–195 гг., а таксама некалькімі імітацыямі дэнарыяў. Нягледзячы на тое, што ў скарбе адсутнічаюць манеты, пазнейшыя за канец II ст., ухаванне дэпазіту дзякуючы наяўнасці ўнікальнай рэчавай часткі (двухпласцінкавых фібул) датуецца значна больш познім часам – не раней за рубяж IV–V стст. – першую трэць V ст. Можна прапанаваць больш позняе датаванне, сяродзінай V ст., паколькі фібулы пасля іх вырабу маглі прайсці пэўны шлях да моманту тэзаўрацыі. Нарэшце немагчыма выключыць і больш познюю храналогію гэтага скарбу, калі мы дапусцім, што алекшыцкія фібулы былі дэпанаваны ў фрагментах – у якасці срэбнага злому.

На сёння Алекшыцкі манетна-рэчавы дэпазіт з’яўляецца найвялікшым па колькасці рымскіх манет сярод адкрытых і захаваных да сёння ў Беларусі скарбаў і, безумоўна, найбольш цікавым дзякуючы прысутнасці ў ім унікальных фібул. Навуковая апрацоўка гэтага выключна цікавага комплексу будзе працягвацца, але ўжо сёння відавочна, што Алекшыцкі скарб увойдзе ў шэраг найбольш яркіх і інфарматыўных дэпазітаў эпохі ВПН ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Айбабин, А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранневизантийского времени / Айбабин А.И. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Вып. I. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 3–86.
2. Анохин, У.А. Скарб рымскіх манет з вёскі В. Жукевічы / У.А. Анохин // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. – 1974. – № 3. – С. 23–25.
3. *Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук*. – Ф. 1, 1900 г., д. 164, л. 1–6.
4. Гавритухин, И.О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры / И.О. Гавритухин // *Труды ГИМ*. – М., 2005. – Вып. 145. – С. 231–240.
5. Гавритухин, И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье / И.О. Гавритухин // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Univ. Łódzki; Meczyńska M., Grabarczyk T. [red.]*. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. – С. 261–324.
6. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко; *Белорусский государственный университет*. – Минск, Бел. гос. ун-т, 2006. – 207 с.
7. Казанский, М.М. Радагайс и конец черняховской культуры / М.М. Казанский // *OIUM / IA НАН України, ІІО НПУ ім. М.П. Драгоманова*. – № 1. – Київ – Луцьк, 2011. – С. 22–32.
8. Корзун, А. Нумизматический комплекс I–III вв. из собрания музейного фонда Национального банка / А. Корзун // *Банкаўскі веснік*. – 2014. – № 3 (608). – С. 9–10.
9. Кропоткин, В.В. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики) / В.В. Кропоткин // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. – Москва–Ленинград, 1956. – Вып. 66. – С. 100–106.
10. Кухаренко, Ю.В. О качинской находке V в. / Ю.В. Кухаренко // *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. Советско-венгерский сборник / РАН, Ин-т археологии [ред.: А.К. Амброс, И.Ф. Эрдели]*. – М., 1982. – С. 234–244.
11. Мастыкова, А.Н. О происхождении «княжеского» варварского костюма гуннского времени (горизонт Унтерзибэнбрун) / А.Н. Мастыкова, М.М. Казанский // *Труды ГИМ*. – М., 2005. – Вып. 145. – С. 253–268.

12. Медведев, А.М. 2011. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.) / А.М. Медведев; Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 200 с.
13. Побаль, Л. Антычныя грошы ў Гродзенскім Панямонні / Л. Побаль // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 2. – С. 49–52.
14. Побаль, Л.Д. Скарб рымскіх манет з Жалудка / Л.Д. Побаль // Шчучыншчына: мінулае і сучаснасць: матэрыялы нав.-практ. краязнаўчай канф., прысвечанай знакамітым людзям, помнікам гісторыі і культуры, гістарычным падзеям і мясцінам Шчучыншчыны. – Ліда, лідская друкарня, 1997. – С. 42–45.
15. Поболь, Л.Д. Находки римских монет на землях Беларуси / Л.Д. Поболь // Lietuvos Archeologija. – Vilnius, 2001. – Т. 21. – С. 73–80.
16. Сідаровіч, В. Скарб рымскіх манет з-пад вёскі Ставішча Брэсцкага раёна / В. Сідаровіч // Studia Numismatica Albaruthenica. – Мінск, 2011. – Vol. I. – С. 41–48.
17. Сидорович, В. Лыцкий клад римских монет / В. Сидорович // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ., Ростов-на-Дону, 20–25 апр. 2009 г. – М., 2009. – С. 44–45.
18. Сидорович, В. Малечский клад римских денариев (основные итоги исследования) / В. Сидорович // Pieniądz i systemy monetarne – wspólne dziedzictwo Europy: Białoruś-Bulgaria-Litwa-Lotwa-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina: studia i materiały. Pod red.: K. Filipowa, B. Kuklik. – Augustów – Warszawa: ZG PTN, 2012. – S. 29–35.
19. Сидорович, В. Новые находки античных монет в Белорусском Понеманье / В. Сидорович // Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy: Białoruś-Estonia-Litwa-Lotwa-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina: studia i materiały. Pod red.: K. Filipowa, B. Kuklik. – Augustów – Warszawa: ZG PTN, 2010. – S. 42–52.
20. Тиханова, М.А. Бороцкий клад / М.А. Тиханова // Советская Археология. – 1956. – XXV. – С. 301–315.
21. Тиханова, М.А. Ласковский клад / М.А. Тиханова // Советская Археология. – 1960. – № 1. – С. 196–204.
22. Шталенков, И. Новые находки античных монет в Беларуси / И. Шталенков // Банкаўскі веснік. – 2017. – № 2 (643). – С. 67–71.
23. Andrzejowski, J. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Szuprynowie w woj. Białostockim / J. Andrzejowski // Nunc de suebis disendum est: studia dedukowane profesorowi Jezemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej / Inst. Archeologii Uniw. Warszawskiego; [red.: A. Bursche, M. Mielczarek, W. Nowakowski]. – Warszawa, 1995. – S. 35–46.
24. Andrzejowski, J. Nekropola ze schyłku starożytności w Modle około Mławy / J. Andrzejowski // Swiatowit. – Warszawa, 2006. – Т. XIV. – S. 15–44.
25. Bierbrauer, V. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa / V. Bierbrauer // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Jahreshefte Halle. – Berlin, 1989. – Bd. 72. – S. 141–160.
26. Bierbrauer, V. Vom Schwarzmeergebiet bis nach Pannonien. Ethnische Interpretationsprobleme am Ende des 4. und die erste Hälfte des V. Jahrhunderts / Romania Gothica. – Budapest, 2015. – Т. 2. – S. 365–475.
27. Bitner-Wróblewska, A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period / A. Bitner-Wróblewska; Panstwowe Muzeum Archeologiczne. – Warszawa: PMA, 2001. – 256 p.
28. Gavritukhin, I. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup / I. Gavritukhin // A Nyiregyházi Józsa András múzeum évkönyve. – Nyiregyháza, 2003. – Т. XLIV – P. 113–184.
29. Jaskanis, J. Cecele: ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis // Monumenta Archaeologica Barbarica. – Kraków, 1996. – Т. II. – S. 1–226.
30. Jaskanis J. Wodzowskie kurhany wielbarskiej kultury na Podlasiu / J. Jaskanis. – Białystok: Muzeum Podlaskie w Białymstoku, 2012. – 305 s.
31. Katalog des Prussia-Museums im Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg i.Pr. – Teil II: Die Funde aus der Zeit der heidnischen Gräberfelder (von Christi Geburt bis zur Einführung des Christentums. – Königsberg: Altertumsgesellschaft Prussia, 1897. – 48 s.
32. Kokowski, A. Grupa masłomęcha: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim / A. Kokowski. – Lublin: Wydaw. UMCS, 1995. – 334 s.
33. Kokowski, A. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na głowce i rombowałą nożką Gladysz / A. Kokowski // Studia Gothica / pod red. A. Kokowskiego. – Lublin, 1996. – Т. I. – S. 153–184.
34. Kubiak, S. Znalezione monety rzymskie z Mazowsza i Podlasia / S. Kubiak // Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1979. – 89 s.
35. Mączyńska, M. Die Goldfibeln von Młoteczno (Hammersdorf) Kr. Braniewo in Nordostpolen / M. Mączyńska // Archaeologia Lituana. – № 14. – Vilnius, 2013. – S. 181–198.
36. Müller, R. Die Gräberfelder von Keszthely-Fenekpuszta, Odenkirche-Flur / R. Müller // Castellum Pannonicum Pelsonense. – Budapest – Leipzig, 2014. – Vol. 5. – 378 s.
37. Parducz, M. Archaeologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit / M. Parducz // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Vol. 11. – Budapest, 1959. – S. 309–398.
38. Popović, V. Suddanubische Provinzen in der Spätantike vom Ende des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts / V. Popović // Sudosteuropa-Jahrbuch. – München, 1987. – Bd. 17. – S. 95–139.
39. Sidarovich, V. A hoard of Alexandrian Tetradrachms from the Last Quarter of the 3rd Century AD Found in the Upper Neman Region / V. Sidarovich // Notae Numismaticae – Zapiski Numizmatyczne. – Kraków, 2013. – Vol. VIII. – P. 173–184.
40. Tejral, J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie / J. Tejral // Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky. – Brno, 2007. – S. 55–120.
41. Tejral, J. Die frühvölkerwanderungszeitlichen Elitengräber und das Problem der Stilgruppe Untersiebenbrunn / J. Tejral // Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands. – Buchenbach, 2016. – Bd. 29. – S. 39–84.
42. Tejral, J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde / J. Tejral // Spisy Arch. ústavu AV ČR Brno. – Köln, Brno, 1999. – Bd. 14. – S. 217–292.
43. Tejral, J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung / J. Tejral; Archäologisches Institut Akademie der Wissenschaften der Tschechische Republik Brno. – Brno, 2011. – 485 s.
44. Tejral, J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum / J. Tejral // Spisy Archeologickeho ustavu AV ČR Brno. – Brno, 1997. – Bd. 8. – S. 321–392.
45. Tejral, J. Zum Problem der Feinschmiederproduktion im Mitteldonauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr / J. Tejral // Památky archeologické. – Т. CVI. – Budapest, 2015. – S. 291–362.
46. Tempelmann-Mączyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / M. Tempelmann-Mączyńska // Römisch-Germanische Forschungen. – Mainz am Rhein, 1986. – Bd. 43. – 339 s.
47. Zapolska, A. The coins of the goldsmith hoard of Frombork reconsidered / A. Zapolska // Notae Numismaticae – Zapiski Numizmatyczne. – Kraków, 2014. – Vol. IX. – P. 71–92.

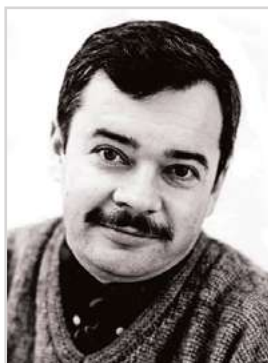
Денежные пломбы полоцких князей XI–XII вв.¹

Дмитрий ГУЛЕЦКИЙ

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество», лауреат золотого знака БНО

Николай ДОРОШКЕВИЧ

Директор ООО НПК «Биотест» (аптека-музей), г. Гродно, кандидат биологических наук

Тема настоящей статьи довольно новая для нумизматических изысканий. Требуется разъяснения уже само ее название, потому что не каждому читателю будет понятно, почему древнерусские свинцовые пломбы, ранее известные в литературе под названием «дрогичинские», названы денежными.

Со времени открытия свидетельства арабского дипломата Абу Хамида ал-Гарнати, неоднократно цитируемого многими авторами, в советской и российской историографии прочно укрепилось мнение о нумизматической функции древнерусских свинцовых пломб. Иностранцем был описан виденный им в Киеве (или по дороге, пролежавшей по Оке и Десне. – *Путешествие Абу Хамида, 1971, с. 10, 109*) около 1150 года процесс опломбирования связок мехов, потерявших товарную ценность в результате

износа. По словам Абу Хамида, такие опломбированные связки использовались русами в качестве денег. Его свидетельство – далеко не единственное. Красочные детали об этом странном обычае русов приводит персидский поэт Низами из Гянджи, про торговлю на гривны соболей и «драниц» повествует запись на стене киевской Софии [2, с. 70]. Изгнавшие Изяслава Ярославича (1054–1078, с перерывами) и освободившие Всеслава Полоцкого (1044–1101, с перерывами) киевляне «двор жь княжь разграбиша, бесчисленное множество злата и сребра, кунами и белью» (*Повесть временных лет, часть I, с. 115*). Денежная функция в Древней Руси самих мехов сомнений не вызывала [7], но важным моментом стало отождествление кусочка черного свинца Абу Хамида с массово находимыми свинцовыми пломбами Древней Руси.

Гипотеза, обоснованная советским археологом, кандидатом наук Александром Львовичем Монгайтом, впоследствии была поддержана такими видными учеными, как Валентин Лаврентьевич Янин и Александр Васильевич Назаренко [12, с. 11; 9, с. 65]. Впрочем, пристального внимания проблеме обращения «меховых денег» и их выражения в известных по письменным источникам древнерусских денежных единицах (ногата, куна, резана, веверица) никто пока не уделял. Между тем количество источников разного рода с момента их последнего монографического рассмотрения существенно возросло. К примеру, открыто более тысячи берестяных грамот, которые зачастую содержали, в отличие от летописей, записи коммерческого характера [3]. Заметно возрос и объем опубликованного сфрагистического материала.

Сегодня даже сам ареал публикуемых находок говорит о необходимости отказа от устаревшего и некорректного названия древнерусских пломб «дрогичинскими». Воздавая дань первому месту обнаружения подобных изделий, следует помнить, что пломбы, находимые в центральной, северной, южной и восточной Руси, типологически имеют мало общего со своими дрогичинскими «собратьями». Они имеют различную датировку, могут иметь различное назначение, и, несомненно, должны рассматриваться отдельно от пломб, находимых в тех областях Руси, где во второй половине XI в. разворачивались основные политические события. В связи с этим считаем необходимым отказаться от архаичного наименования и в наиболее общем виде называть рассматриваемый материал «древнерусскими свинцовыми пломбами», тем более что никакой классификации по их назначению до сих пор исследователями проведено не было и пломб других типов, кроме так называемых «дрогичинских», современной науке неизвестно.

¹ Полный текст публикации планируется к выпуску в нумизматико-сфрагистической серии «Русь, Литва, Орда» в 2018 г.

На сегодняшний день денежные пломбы изучены крайне слабо. Таких важных вопросов, как экономические предпосылки к возникновению «меховых денег» и, соответственно, денежных пломб, а также о том, князья какого ранга обладали правом на их выпуск (хотя бы изначально), никто из исследователей пока не затрагивал. Лишь В.Л. Янин в свое время констатировал, что оборвавшаяся в конце 1010-х гг. чеканка киевской монеты должна была ребром поставить вопрос об обеспечении мелкооборотного денежного обращения на юге Руси уже в начале правления Ярослава (1016–1054). Иностранная серебряная монета в Поднепровье не поступала уже с середины X столетия, а возникшие здесь позднее нормированные серебряные слитки по своей природе не могли обеспечить нужд ежедневного мелкого оборота, который не только не прекратился в XI–XII вв., но и неуклонно расширялся за счет роста производительности труда ремесленников и увеличения количества участвовавших в обороте социальных групп [13, с. 207; 10, с. 110].

Резюмируя неизбежную тенденцию к усилению роли товара-денег на юге Руси уже в 1020-е гг., В.Л. Янин кратко рассмотрел возможные их варианты. Отмечая распространенность представлений о хождении на Руси «меховых денег», исследователь в конечном итоге отменил такую возможность вследствие недолговечности пушнина, которая «является непреодолимым препятствием к стандартизации оценки шкурок, т. к. и в безмонетный период всеобщим эквивалентом остается серебро» [13, с. 211]. Действительно, при ветшании пушнина даже не то чтобы переходит в разряд (не обеспеченных) кредитных знаков, а попросту неминуемо теряет в цене по отношению к долговечному драгоценному металлу. Это автоматически лишает ее возможности даже временно заменять всеобщий эквивалент, ведь оплатить утерянную ей потребительскую ценность было бы некому. Таким образом, свежая пушнина, добываемая в лесу, не могла, по мнению исследователя, стать в XI веке товаро-деньгами Поднепровья. На эту роль В.Л. Яниным (не только для юга, но и для севера Руси) были предложены бусы, стеклянные браслеты и шиферные пряслица, неоднократно встреченные в археологических находках вместе с монетами и гирьками. Эти предметы, особенно последние, получили значительное распространение в том числе и в Полоцкой земле [1, с. 107, с. 151]. Все эти соображения были высказаны В.Л. Яниным до публикации известного свидетельства Абу Хамида ал-Гарнати об опломбировании обветшавших беличьих шкурок и придании им таким образом роли денег, после чего нумизматическая функция пломб под сомнение академиком уже не ставилась [12, с. 11].

В последние несколько лет сдвинулось с мертвой точки изучение сфрагистики Полоцкой земли в период ее политического расцвета и независимости (XI – начало XIII века). Это произошло благодаря самоотверженной работе московского исследователя И.А. Жукова, скрупулезно фиксирующего для науки сведения о значительном количестве любительских находок вислых печатей с территорий современных Беларуси, России и Украины. Его труды получи-

ли свое логическое развитие в резюмирующей статье-своде «Об атрибуции вислых печатей Полоцкого княжества XI–XII веков» [8], опубликованной им во 2-м томе сборника «Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики». И хотя вопросы атрибуции многих памятников еще далеки от окончательного решения, исследователи, наконец, получили в свои руки базовый инструментарий для работы со сфрагистическим материалом полоцкого происхождения – свод, состоящий из 83 позиций. Это на порядок (!) больше, чем ранее было отнесено к полоцким печатям В.Л. Яниным и П.Г. Гайдуковым [12; 14].

Два года назад один из авторов настоящей работы занялся изучением древнерусских свинцовых пломб. В 2016–2017 гг. во 2-м и 3-м томах серии «Русь, Литва, Орда» Д.В. Гулецким были опубликованы два комплекса, происходящие из окрестностей Друцка – юго-восточного форпоста Полоцкой земли в XII веке [4; 6]. Доклад о роли Друцка в торговле и политике полоцких князей Всеславичей был подготовлен к четвертой международной нумизматической конференции «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.», проходившей в Старой Ладогге [5]. В рамках совместной работы с российским сфрагистом Ю.Г. Тигунцевым была осуществлена публикация ряда типов свинцовых пломб из находок в Брянской области, выдвинуты гипотезы об их атрибуции конкретным историческим персоналиям [11].

Таким образом, благодаря определенной известности, полученной в кругах белорусских краеведов, авторам настоящей публикации удалось ознакомиться с еще более чем полтора сотнями памятников древнерусской сфрагистики и нумизматики, обнаруженных в разные годы в различных частях страны. В итоге число надежно зафиксированных древнерусских свинцовых пломб, происходящих с территории бывлой Полоцкой земли, составило уже более 300 экземпляров. Введению в научный оборот этих свинцовых пломб и нескольких вислых печатей и посвящена данная работа².

Данные о местах находок, которые сообщили краеведы, носят приблизительный характер. Часто это лишь административный район на карте Беларуси, но иногда удавалось получить более точную информацию. Большая часть известных нам пломб происходит из окрестностей все той же д. Друцк Толочинского района Витебской области, а также с берега р. Гайна в нескольких километрах от современного г. Логойска. Небольшая часть пломб происходит из Полоцка (район Заполотье), Оршанского и Сенненского районов Витебской области и Мстиславского района Могилевской области.

Возможность ознакомления со случайными находками из разных частей бывшего Полоцкого княжества, а также сравнения их с памятниками сфрагистики, происходящими из других территорий, позволила нам перейти к некоторым обобщающим выводам. В настоящей работе вместе с публикацией неизвестных ранее экземпляров мы попробовали отделить массив пломб, произведенный в Полоцком княжестве, от массива привозных образцов.

² Авторы благодарят за содействие А. Нисифорова (Москва), П. Синило (Минск), а также всех, кто помог спасти для изучения этот уникальный пласт истории Древней Руси, и в первую очередь Полоцкого княжества.

Относя те или иные типы денежных пломб к полоцким, мы руководствовались следующими критериями:

- они найдены преимущественно на территории Полоцкой земли, в других землях их находки редки;
- они несут на себе изображения тамг (княжеских знаков) полоцких князей (что становится

особенно актуальным с распространением сфрагистических типов с изображением княжеских знаков);

- они имеют некоторую корреляцию с известными печатями полоцких князей.
В общей совокупности нами предложена атрибуция 19 типов денежных пломб, принадлежащих 7 полоцким князьям середины XI – начала XIII века.

Список использованной литературы:

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Высоцкий, С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. 1. XI–XIV вв. Киев / С.А. Высоцкий. – Наукова думка, 1966. – 239 с.
3. Гайдуков, П.Г. 700-летие российского рубля и краткий обзор развития средневековой русской нумизматики / П.Г. Гайдуков // Российский рубль: 700 лет истории: материалы Междунар. науч. конф., 25–27 апр. 2016 г. – Великий Новгород, 2017. – С. 5–15.
4. Гулецкий, Д.В. Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка / Д.В. Гулецкий // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики: сб. науч. ст. – Т. 2. – М.: Изд-во «Возрождение», 2016. – С. 10–24.
5. Гулецкий, Д.В. Второй Друцкий комплекс свинцовых пломб и исторический контекст друцких находок / Д.В. Гулецкий // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.: материалы IV междунар. нумизмат. конф., 12–16 апр. 2017 г. – Т. 4: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. – Санкт-Петербург – Старая Ладога. – 2017. – С. 24–28.
6. Гулецкий, Д.В. Второй Друцкий комплекс свинцовых пломб / Д.В. Гулецкий // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики (специальный выпуск «Русь домонгольская»): сб. науч. ст. – Т. 3. – Минск, 2017. – С. 143–156.
7. Жуков, И.А. Меховые и кожаные деньги Киевской Руси / И.А. Жуков // III междунар. нумизмат. конф.: «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». – Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 года: материалы докладов и сообщений. – СПб., 2016. – С. 321–349.
8. Жуков, И.А. Об атрибуции вислых печатей Полоцкого княжества XI–XII веков / И.А. Жуков // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики: сб. науч. ст. – Т. 2. – М.: Изд-во «Возрождение», 2016. – С. 25–45.
9. Назаренко, А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета / А.В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. – 1994. – М., 1996. – С. 5–79.
10. Большаков О.Г. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / О.Г. Большаков, А.Л. Монгайт. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. – 134 с.
11. Тигунцев, Ю.Г. Свинцовые пломбы XI–XII вв. с изображениями святых и креста из северо-западной части Черниговской земли и Мстиславского удела Смоленской земли (по сборам в Брянской области) / Ю.Г. Тигунцев, Д.В. Гулецкий // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики (специальный выпуск «Русь домонгольская»): сб. науч. ст. – Т. 3. – Минск, 2017. – С. 104–142.
12. Янин, В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв.: в 2 т. – Т. 1: печати X – начала XIII в. – М.: Наука, 1970. – 326 с.
13. Янин, В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 423 с.
14. Янин, В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – Т. 3. – М.: Интрада, 1998. – 238 с.

Диссертация Юзефа Иодковского из фондов Государственного исторического музея

ЕЛЕНА ГЛАЗУНОВА

Старший научный сотрудник Государственного исторического музея (г. Москва), кандидат исторических наук

Юзеф Иодковский – археолог и нумизмат, основатель и первый директор Гродненского государственного историко-археологического музея. Судьба распорядилась так, что еще в годы обучения в Гродненской мужской гимназии он увлекся историей родного города благодаря преподавателю греческого языка и истории известному историку Гродно Евстафию Филаретовичу Орловскому. По некоторым данным тогда же он попал под влияние писательницы и общественной деятельницы Элизы Ожешко, благодаря чему оказался в кругу общения таких историков Польши, как З. Глогер, Ш. Ашкенази, А. Краусгар [1].

Знаковое событие в его биографии – поступление в Московский археологический институт. Это учебное заведение открылось в 1907 г. по образцу Петербургского археологического института. Инициаторами и реализаторами проекта стали бывший министр народного просвещения генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов и русский археолог, архивариус, искусствовед, историк и церковный историк приват-доцент Харьковского университета Александр Иванович Успенский, который и возглавил это учебное заведение.

Основание Московского археологического института явилось следствием распространения острого

интереса к археологическим изысканиям и отечественным древностям и стремления к историческому просвещению. На обучение принимались лица обоих полов с высшим образованием, которые в институте имели статус действительных слушателей. По усмотрению совета профессоров к учебе в качестве вольнослушателей допускались также выпускники средних учебных заведений. Курс обучения продолжался 3 года, в его программу входили: российская история, археология, этнография, геология, историческая география, славяно-русская и греческая палеография, нумизматика, сфрагистика, геральдика, эпиграфика, дипломатика и юридические древности, метрология, история византийского и русского искусства и архитектуры, русская литература и язык, архивоведение, генеалогия, библиотековедение, музееведение. Положение № 1 Московского археологического института провозглашало целью обучения не только подготовку специалистов по разным отраслям археологии и архивоведения (что было в Уставе Санкт-Петербургского института), но и «научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, равно как и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных» [2]. Таким образом, институт сочетал в себе черты научно-исследовательского учреждения и высшего учебного заведения, а государственная служба была одной из реальных перспектив будущих археологов и археографов.

Помимо лекций слушатели участвовали в осмотрах исторических памятников, архивов, музеев (как в России, так и за рубежом), вели самостоятельную архивно-изыскательскую работу, производили археологические раскопки. На третьем курсе они готовили диссертации. Действительные студенты, защитившие диссертацию, удостоивались званий «ученый археолог» или «ученый археолог» и зачислялись в действительные члены института; студенты из числа вольнослушателей допускались к защите диссертаций при «отличных познаниях» и зачислялись в члены – сотрудники института.

Первоначально Московскому археологическому институту была отдана часть здания Медведниковской гимназии, построенного в 1901–1903 гг. Здание сохранилось и находится по адресу: Старокопюшенный переулок, д. 18, в нем и по сей день располагается Образовательный комплекс.

В здании Медведниковской гимназии и учился Юзеф Иодковский. Среди преподавателей института

были такие известные ученые, как Л.М. Савелов (читал генеалогию и археографию), С.И. Соболевский (вел занятия по греческой палеографии), А.И. Соболевский (преподавал русскую палеографию), В.А. Городцов (преподаватель археологии), В.М. Металлов (преподаватель церковно-певческой палеографии), Р.Ф. Брандт, И.В. Цветаев, В.К. Мальберг, А.И. Успенский, Н.Н. Фирсов, Н.И. Новосадский и другие.

Иерархия членов Московского археологического института была многоступенчатой: «...члены-учредители (подписавшие проект положения об институте); почетные члены, известные своими трудами в области археологии, оказавшие институту «особые услуги», жертвователи (не менее 5 тыс. руб. одновременно или по 500 руб. ежегодно); действительные члены, окончившие институт с защитой диссертации; члены-сотрудники, окончившие институт без защиты диссертации. Действительными членами и членами-сотрудниками могли стать также не обучавшиеся в институте, но «приобретшие известность своими научными трудами и познаниями в области археологии». Это была более «открытая», нежели в Петербургском археологическом институте, и не столь «парадная» коллегия. Наряду с членами царской фамилии, чиновниками высшего ранга, церковными иерархами в нее входило значительное число представителей ученого корпуса.

Постоянными пожертвованиями значительных денежных сумм покупали себе право на почетное членство в институте филантропствовавшие любители «русской старины» из среды крупной российской буржуазии – Н.И. Гучков, С.П. Рябушинский и другие...» [3].

С 1912 г. институт носил имя императора Николая II. В 1913 г. было принято решение о постройке нового здания, и институт получил новый адрес на Миусской площади (здание не сохранилось).

Юзеф Иодковский во время обучения продолжал писать научные статьи, которые были опубликованы в Варшаве, Вильно, Кракове, Москве*. Окончил институт с отличием по специальности «ученый археолог», защитив диплом «О литовской гривне в связи с вопросом о древнейших денежных единицах в Литве». Остался работать в институте лаборантом.

Диссертация (диплом) Иодковского хранится в фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Фонд личного происхождения. Ф. 431. Д. 99). Она представлена в мягкой обложке (содержит 33 страницы машинописного текста и титульный лист, оформленный каллиграфической надписью тушью: «Диссертация на звание ученого-археолога Ю. Иодковского действительного члена Общества Охраны древностей в Царстве Польском, члена-корреспондента Московского и

Краковского Нумизматических Обществ») и в виде медальона, подражающего монете Великого Княжества Литовского.

Еще один лист – с подписями преподавателей, которые читали работу (к сожалению, подписи не расшифрованы, помещены под заголовком: «Читали»). Последняя страница подписана самим диссертантом 8 апреля 1912 г. Все сноски и вставки на иностранных языках автором выполнены тушью.

Работа традиционно начинается с вопроса истории возникновения денежных единиц и понятий денежного обращения – гривна, куница, копа, грош. В целом исследование сосредоточено на сопоставлении различных денежных единиц и выявлении их весовых соотношений. Диссертант, сетуя на то, что «...настолько темен древнейший период литовской истории, что невольно мы должны обратиться ко временам, когда на восток Европейской равнины поднялось зарево татарского нашествия» (с. 21–22), пытается найти древнюю литовскую гривну.

Уже в начале работы прослеживается компетентность автора, что проявляется в его активной позиции и критике научных трудов по литовской нумизматике. На протяжении всего повествования автор эмоционально полемизирует с Адамом Киркором – исследователем литовских и белорусских древностей, с большим уважением отзывается о трудах Тадеуша Чацкого (польского публициста, историка, общественного, экономического и государственного деятеля и библиофила), активно использует письменные источники, хотя и отмечает недостаточную доступность материала. Работа изобилует цитатами из русских летописей, актов Литовской Метрики, польских грамот и грамот Ордена. Встречая в польских источниках XIII в. термины «белое серебро» и «гривна», когда речь идет о расчетах ятвягов, он не соглашается с Киркором, который видит «лишь копу национальной счетной единицей» (с. 5). В грамоте магистра меченосцев от 1233 г. Юзеф находит, вслед за Глогером, свидетельство о равенстве копы и гривны (с. 6). Однако констатирует, что найти вес древнейшей гривны, существовавшей до XIV в., не представляется возможным: рассматривая гривну в Литве как счетную единицу, приходит к выводу о том, что точное определение веса и частей определить нельзя из-за отсутствия письменных источников, которые, по его убеждению, существуют в Королевском Кенигсбергском и в других архивах тех стран, с которыми Литва имела торговые отношения (с. 14–15).

Иодковский в своей работе использует все доступные ему источники, в том числе и материалы кладов, подчеркивая исключительное их значение при определении истинного смысла письменных извещений. В связи с этим с сожалением отмечает недостаточное внимание к комплексам и отсутствию полного

* Список статей Ю. Иодковского за 1910–1912 гг.:

1. *Armaty polskie w Muzeum Artyleryjskim w Petersburgu // Pamiątki polskie na obczyźnie / red. Fr. Puławskiego. – Warszawa, 1907–1910.*
2. *Pieczęcie polskie w Muzeum Rumiancowskim w Moskwie // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. T. II. – Kraków, 1910.*
3. *Pieczęcie wileńskie w Muzeum Rumiancowskim w Moskwie // Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. 1909. – Wilno, 1910.*
4. *Dukat gdański Stefana Batorego z 1578 r. // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. – T. III. – Kraków, 1911.*
5. *Okolice Grodna pod względem archeologicznym: notatki z wycieczek odbytych w latach 1904–1910 // Światowit. – Warszawa, 1912.*
6. *Z dziejów mennicy wileńskiej // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – T. IV. – Kraków, 1912.*
7. *Воина с фресками // Русское слово. – М., 1912.*
8. *Сообщение о Сынковичской церкви // Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. – Т. IV. – М., 1912.*

описания. «Изученных и описанных кладов мы знаем так мало, что, действительно, можно было бы думать об отсутствии денежных единиц в отдаленном прошлом Литвы» (с. 15). Лишь вскользь упоминая о древнейших кладах римских, греческих и арабских монет, он довольно подробно останавливается на описании клада 1851 г., найденного в окрестностях Минска (с. 16), констатируя, что иностранная монета играла большую роль почти до конца XV в. – до усовершенствования монетной чеканки в Вильно. Однако предполагает, что начало чеканки монет в Литве нужно отнести к XIII в. (с. 18) (таблица).

Автор пытается анализировать также три клада, содержащие серебряные слитки.

1. Конец XVIII в., Вилькомир, имение Коссаковский-Войтунки: несколько слитков. Имеются клейма в виде всадника и граффити. Тип и вес неизвестен.

2. Середина XIX в., Ковенская губерния, имение Велен: несколько слитков с нарубками – от 3 до 6. Вес неизвестен.

3. 1885 г., Бужиски, Бельский уезд Гродненской губернии – 5 гривен.

Упоминание этих кладов для Иодковского имеет в основном фактическое значение, так как автор не смог обобщить данные из-за их неполноты. Он останавливается более подробно на кладах из деревни Бужиски, так как имел описание слитков, сделанное А.В. Орешниковым, у которого была возможность лично работать с кладом при поступлении его в Императорский российский исторический музей в Москве. Иодковский ошибочно вслед за А.И. Черепниным сравнивает весовые данные слитков из деревни Бужиски с весом русских гривен и рублей XIV–XV вв. Если доверять описанию первых двух кладов, слитки из Вилькомира и имени Велен, имеющие клейма и нарубки, имеют отношение к устойчивым платежным единицам XIII–XV вв., слитки же из деревни Бужиски на самом деле имеют более раннюю дату происхождения.

«В 1885 году 23 февраля на улице д. Бужиски Бельского у. Гродненской губ. кабан вырыл клад в горшке красного цвета. В состав клада входили:

1) Гривны монетные серебряные – 5, в виде коротких толстых палочек; у двух оба конца расплющены; у трех – один конец расплющен, другой закруглен. Вес – от 76,78 до 183,95 г (Орешников, V, 16–20). Табл. XX, 1-5.

2) Гривны шейные серебряные – 8 (из них одна в двух кусках):

а) гривна витая полая, утолщающаяся к середине; концы пластинчатые, широкие, украшенные гравировкой (треугольники и ромбы). Один конец закручен в трубочку; на обоих концах – дырочки для шнура;

б) гривны витые – 2, из четырех пар скрученных дротов. Концы пластинчатые (у одной маленькой гривны обломаны), заканчивающиеся трубочками, возле которых – дырочки для шнура;

в) гривны из двух или трех дротов – 5 (одна – в двух фрагментах), согнутые в полтора и два оборота. Концы пластинчатые, в виде широких лопастей; у одной гривны концы закручены в трубочки; у другой оба конца обломаны. Все сохранившиеся наколенники украшены пунсонным орнаментом.

...Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Московский исторический музей» [4].

Подобные типы шейных гривен довольно широко распространены, появляются во второй половине XI в. и бытуют на протяжении всего XII в. Слитки же принадлежат к группе «без фиксированного веса и формы». При неустойчивой метрологии данная группа, несомненно, выступает прототипом эллипсоидных слитков черниговского типа. По заключению ведущего научного сотрудника отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяна, специалиста в области средневековых технологий металлообработки, черниговские, впрочем как и киевские, слитки отличаются от других типов технологически. Согласно выводам исследователя, в отличие от слитков новгородского типа, которые выливались в подогретую форму, черниговские отливались в форме-тигле непосредственно в горне [5]. Имея характерные каверны на внешней поверхности (пузырение), они отличаются более низкой внутренней пористостью, что позволяло ювелирам получать хороший листовой металл или проволоку. Иными словами, изготовление слитков черниговского типа первоначально было ориентировано на сырьевой ювелирный рынок и лишь потом они приобрели платежные функции.

Это один из самых загадочных типов платежных слитков, который до сих пор вызывает споры даже по поводу своего названия. Так, доктор исторических наук Н.Ф. Котляр, специалист по истории фео-

Таблица

Состав клада 1851 г., Минск (по Иодковскому)

Польские	Чешские	Немецкие	
3 – с крестом	1 – Болеслава	67 – Оттона и Аделаиды 11 – Карла из Метца 1 – Генриха I из Вердуна 1 – Оттона III из Люттиха 19 – Кельтских Оттонов 118 1/2 – Могунцких Оттонов 1 – Оттона Швабского 1 – Оттона из Констанции 7 – Страсбургских Оттона 3 – епископа Еркамбольда 1 – аугсбургский Ульриха	1 – Генриха I 3 – базилийские Конрада 1 – цюрихский 5 – ратисбонские (3 – Оттона и 2 – Генриха III) 2 – Генриха I 1 – квидленбургский 1 – датский полубрактеат 1 – византийский Иоанна Земискеса 96 – арабских до 979 г.

дальной Руси и русской нумизматике, настаивал на замене термина на «северорусские» [6].

Последнее исследование принадлежит А. Комару – научному сотруднику Института археологии Национальной академии наук Украины. В статье «Платежные слитки черниговского типа», опубликованной в Москве в сборнике 2015 г. «Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова» их бытование вполне аргументированно разделено на три периода:

- первая пол. XI в. Метрологически нестабильные «палочковидные» слитки и их фрагменты;
- середина XI в. Появление «палочковидных» прокованных слитков стандарта новгородской гривны серебра или ее половины, а также неметрологических слитков с раскованными концами – прототипов слитков черниговского типа, при преобладании в обращении слитков без фиксированного веса;

- конец XI в. Начало хождения слитков черниговского типа при сохранении оборота «палочковидных» прокованных слитков «северного» веса [7].

Слитки из клада, найденного в деревне Бужиски, относятся ко второму периоду – ко второй половине XI в., этой же датировке не противоречит и вещевой материал из комплекса.

Денежно-вещевые клады не накопительные, их происхождение связано с серьезными потрясениями в жизни их хозяев – этот комплекс имеет непосредственное отношение к истории земель, населенных ятвягами, вблизи границ с киевскими землями.

В 1885 г. клад поступил в Императорский российский исторический музей из Археологической комиссии, однако, к сожалению, в настоящее время в коллекции Государственного исторического музея числятся лишь 6 шейных гривен, которые хранятся в отделе археологических памятников. 20 мая 1955 г. все слитки и 2 шейные гривны были исключены по ордеру № 580.

Таким образом, полемику с А. Киркором, который считал, что в Литве по древнему обычаю считали на копы, а гривна, хоть и была известна, не

имела большого значения, Юзеф Иодковский в своем дипломе предпринял попытку выяснить, что собой представляет древняя литовская гривна как весовая и денежная единица, привлекая письменные источники и немногочисленный вещевой (кладовый) материал. Наиболее информативная часть работы – это анализ письменных источников значительного промежутка времени и соотнесение весовых и счетных показателей различных денежных единиц, таких как копа, рубль, грош. В заключительной части диплома Иодковский рассматривал замену литовской гривны русским рублем и соотношение рубля и грошей в счетном и весовом отношениях.

Анализируя полученные весовые данные, он не нашел отражения в имеющихся в его распоряжении вещественных памятниках, однако письменные источники убеждали его в существовании древнейшей гривны в Литве в XIII в. Сведения о перерасчетах в гривну привели автора диплома к выводу о том, что речь идет о счетном понятии, а слитки, описанные Киркором и Орешниковым, являются ничем иным, как гривной, которую вытеснил в XIV в. пришедший с востока рубль.

Однако, судя по скудному описанию слитков, два клада из них относятся к более позднему периоду бытования гривны-рубля. Вероятнее всего, второй клад относится к XIII в., а первый и вовсе к концу XIV в. – началу XV в. А вот клад, найденный в деревне Бужиски, действительно является ранним кладом (времен «безмонетного периода») и имеет в своем составе слитки, относящиеся к группе так называемых слитков «без определенных форм и весов» («без фиксированного веса»), которые явились прототипом слитков черниговского типа. К сожалению, об их этнической принадлежности мы сказать ничего не можем, хотя ювелирные украшения, входящие в состав клада, характерны для славянских племен, населявших западные земли восточных славян.

Диплом Ю. Иодковского представляет собой качественный образец научного творчества студента Московского археологического института начала XX в.

Список использованной литературы:

1. Какареко, В.И. Юзеф Иодковский: музейщик и нумизмат / В.И. Какареко // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (спецывыпуск). – С. 22.
2. Положение о Московском археологическом институте, § 1–3 ПСЗ. Т. 27. – № 28844. Собрание узаконений. 1907. 20 февраля. Отд. I. Ст. 414.
3. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов. – М., 1991. – С. 128.
4. Корзухина, Г.Ф. Русские клады / Г.Ф. Корзухина. – М., 1954. – С. 95. – № 43.
5. Минасян, Р.С. Способы изготовления платежных слитков / Р.С. Минасян // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1994. – № 9. – С. 170–171.
6. Котляр, Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны / Н.Ф. Котляр // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1996. – С. 80–142.
7. Комар, А. Платежные слитки черниговского типа / А. Комар // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. – М., 2015. – С. 539.

Счетные жетоны XVI–XVII вв. в собраниях на территории Беларуси

Дмитрий МАТЕША

Член ОО “Белорусское нумизматическое общество”

Счетные жетоны, или *rechenpfennig* (нем.), *legpenning* (голл.), – это металлические марки для произведения арифметических расчетов, сопровождавшие денежный оборот европейских государств со времен средневековья вплоть до XVIII в. Слово жетон (*jeton*) произошло от фран. *jeter* – бросать, так как в средние века счетные жетоны передвигали или бросали на специальных счетных досках-таблицах, так называемых абаксах (лат. *abacus* – счетная доска), использовавшихся для произведения расчетов на больших торговых предприятиях, монетных дворах, таможенных, рынках и в канцеляриях.

Абак представлял собой доску с вертикальными и горизонтальными колонками. Вертикальная колонка имела название операции, а горизонтальные были пронумерованы латинскими цифрами, при этом колонки располагались по мере возрастания цифр (начиная с единицы и далее кратно десяти): I (1), X (10), C (100), M (1 000). Промежутки между колонками были кратны 5: V (5), L (50) и т. д. На колонки-линии и в промежутки между ними счетовод раскладывал счетные жетоны и с их помощью производил арифметические операции (рисунок 1). Абак позволял производить операции с числами, равными десяткам и даже сотням тысяч, для чего требовалось 50–60 жетонов.

В Великом Княжестве Литовском, Русском, Жамойтском и иных земель (ВКЛ) с середины XVI в. кроме распространенных западноевропейских (рисунок 2) использовались и местные счетные жетоны. Это

Счет на абаксе, средневековая гравюра

Рисунок 1

Счетные жетоны, отчеканенные в г. Нюрнберге. Такого типа жетоны массово использовались в ВКЛ

Рисунок 2

были частные счетные жетоны, называемые «личман» (польск. – *liczman*) (частный счетный жетон светской или духовной особы) и «подскарбювка» (польск. – *podskarbiówka*) (счетный жетон, использовавшийся для счета в государственной или королевской казне). Существуют предположения, что частные счетные жетоны наши предки использовали не только для произведения подсчетов. Такие жетоны могли служить для осуществления представительских функций, использоваться как символ власти либо могли быть памятным предметом, приуроченным к какому-либо событию. Также частные счетные жетоны (подскарбювки) могли выдаваться меняльно-банковским конторам в качестве «дозвола» на осуществление финансовой деятельности после уплаты в казну определенной суммы денег.

Частные счетные жетоны чеканились вплоть до начала XVII в. Для чеканки большинства частных счетных жетонов использовался монетный двор в Вильно, материалом для изготовления служила медь и сплавы на ее основе – латунь или бронза, редко серебро. Жетоны представляли собой металлические кружки диаметром от 20 до 30 мм и весом от 2 до 5 г.

На сегодняшний день частные счетные жетоны ВКЛ и Речи Посполитой середины XVI в. – начала XVII в. являются предметами, очень интересными для изучения. Если задаться целью изучения информации по данной теме, то стоит обратить внимание на 2 каталога, которые содержат наиболее полную информацию о частных счетных жетонах ВКЛ и Речи Посполитой середины XVI в. – начала XVII в., – В. Demel «Liczmany mennicze zwane podskarbiówkami», издание 1911 г., и К. Drożdż «Podskarbiówki i liczmany Rzeczypospolitej Obojga Narodów i z Rzeczypospolita powiązane», издание 2014 г. Также заслуживает внимания каталог Евгениуса Иванаускаса (E. Ivanauskas) «Lietuviški skaičiavimo žetonai 1546–1615», изданный в 2014 г. Однако только в работе К. Drożdża имеется информация о счетных жетонах (9 экз.) из Беларуси. Вместе с тем в Республике Беларусь находится гораздо большее количество частных счетных жетонов, в том числе типов и экземпляров, ранее не описанных в литературе. Так, по оценке автора, в белорусских частных и музейных коллекциях насчитывается не менее 64 частных счетных жетонов (таблица).

Таблица

Частные счетные жетоны в собраниях Республики Беларусь

Эмитент	Год	Кол-во	К. Drożdż	E. Ivanauskas
Ян Лютомирский	1551	2	№ 2	№ 13-2LJ1551
	1554	1	№ 5	№ 14-2LJ1554
Ян Гозий	1559	3	№ 8, 9	№ 20-1Pr1559
Николай Радзивилл Черный	1559	1	№ 11	№ 24-1RMj1559
Сигизмунд II Август	1564	1	№ 17	№ 39-1SA1564
	1569	1	№ 20	№ 40-1SA1569
	1570	2	№ 21	№ 41-1SA1570
Габриэль Тарло	1564	1	не описан	не описан
Петр Мышковский	1565	2	№ 26	№ 16-1MP1565
Лаврин Война	1577	6	№ 34	№ 28-1VL1577
	1577	1	не описан	не описан
	1579	1	№ 37 (описан как 1577 г.)	не описан
Яцек Млодзеевский	1580	1	№ 40	не описан
Ян Абрамович	1581	3	№ 41	№ 1-1Ab1581
Ян Глебович	1581	1	№ 42	№ 9-1GJJ
	1582	3	№ 43	№ 10-2GJJ1582
	1582	7	№ 44	№ 11-2GJJ1582
Недатированный (Прокоп и Даниэль Велькович)	1584–1588	10	№ 54	№ 36-1VDP1584
Теодор Тышкевич	1586	1	№ 51	№ 27-1TTS1586
	1586	2	№ 53	№ 26-1TTS1586
Дмитрий Халецкий	1591	5	№ 57	№ 3-2Ch1591
	1591	1	не описан	не описан
	1592	1	№ 58	№ 4-3Ch1592
	1595	2	№ 59	№ 5-4Ch1595
	1595	1	не описан	не описан
Николай Фирлей	1595	2	не описан	№ 7-6Ch1595
	1593	2	№ 68	не описан

С учетом достаточно большого количества найденных на территории Беларуси частных счетных жетонов (рисунок 3) рассмотрим более подробно лишь самые интересные экземпляры.

Топография находок частных счетных жетонов в Беларуси
Рисунок 3

Стоит обратить внимание на личман, ранее известный в единственном экземпляре. Это счетный жетон одного из самых известных и могущественных магнатов тех времен – старосты Брестского (1549–1565), воеводы Виленского (1551–1565), канцлера ВКЛ (1550–1565) Николая Радзивилла Черного. Второй известный экземпляр счетного жетона данного типа был найден в 2015 г. в Березинском районе Минской области (рисунок 4, Drożdż № 11). Вес жетона составляет 2,5 г, ди-

Рисунок 4

аметр – 26,5 мм, есть отверстие (аверс: орел со щитом на груди, в котором находится родовой герб Радзивиллов «Трубы»; реверс: внутри шнуровидной обводки и венца из цветков: 1559 / [CRE]SCE / [NT]EM SE / QVITV[R] S / VR[A] PEC / [V]NIAM (лат.: после обогащения приходит забота об имуществе) /).

Также стоит отметить неописанный ранее тип личмана Габриэля Тарло, управляющего монетным двором в Вильно (1555–1565), имеющий отличие от ранее описанных экземпляров в легенде – дополнительную букву «А». Жетон был найден не позднее 2015 г. предположительно в Брестской области, данными о весе и диаметре жетона автор не располагает. На жетоне есть отверстие (аверс: в украшенном наместе из листьев щите герб «Топор», вверху рыцарский шлем, над ним клейнот в виде двух крыльев, между

ними топор, воткнутый в бок левого крыла, вокруг шнуровидная обводка и венец из цветков лилии; реверс: по кругу надписи: GAB(rielius) TARLO CAS(tellanus) RAD(omiensis) S(acrae) R(egiae) M(ajestatis) CV(linae) M(a)G(iste)R C(helmensis) CA(pitaneus) (лат.: Габриэль Тарло, каштелян Радомский, кухмистр двора его Королевского величества, староста Хелмский), в центре: ALLES / ZV SEIN / ER ZEIT (нем.: всему свое время) / ANNO / 1564 (рисунок 5).

Интересной находкой является счетный жетон

Рисунок 5

старосты Пинского, подскарбия Великого литовского (1576–1580) Лаврина Войны. Жетон был найден в середине 2016 г. в Шумилинском районе Витебской области, вес – 2,08 г, диаметр – 24 мм (рисунок 6) (аверс: в четырехпольном украшенном гербовом щите, окру-

Рисунок 6

женном жемчужной обводкой и венцом из цветков лилии, гербы: «Корчак», «Трубы», «Петрируг» и «Горностаи»; реверс: внутри венца из цветков лилии надпись: MAG(nificus) / DO(minus) LAVR(entius) / WOINA S(acrae) R(egiae) / M(ajestatis) MAGN(i) DVC(atus) / LIT(vanie) TESA(Vrarius) / TERREST(ris) (лат.: Божьей милостью Лаврентий Война его Королевского величества Великого Княжества Литовского подскарбий земский) / ANNO / 15.77). Надпись на реверсе совпадает с уже описанным типом (Drożdż № 33), но на аверсе отсутствуют знаки (звезды и кресты) по обеим сторонам щита.

Еще одна находка открывает для нас новую разновидность счетного жетона Лаврина Войны (рисунок 7). Жетон был найден в 2015 г. в Барановичском районе

Рисунок 7

Брестской области, данными о весе и диаметре жетона автор не располагает. На жетоне есть отверстие (аверс: в четырехпольном украшенном гербовом щите, окруженном жемчужной обводкой и венцом из цветков лилии гербы: «Корчак», «Трубы», «Петрируг» и «Горноста́й»; реверс: ● MAG(nificus) ● / ● DO(minus) ● LAVR(entius) / WOINA ● S(acrae) ● R(egiae) ● / M(ajestatis) ● MAGNI ● DVC(atus) / LIT(vanie) ● TESAVR(arius) / TER[R]JEST(ris) (лат.: Божьей милостью Лаврентий Война его Королевского величества Великого Княжества Литовского подскарбий земский) / ● ANNO ● / 79). Наличие на подскарбювке цифр 79 в месте, где на других экземплярах располагалась дата чеканки (1577), дает основания предполагать, что она была отчеканена в 1579 г. Изучив легенду и разделительные знаки данной подскарбювки, к этому типу можно отнести еще 2 экземпляра, ранее описанных с ошибочной датой 1577 (*Drożdź № 37*).

Новый экземпляр редкого счетного жетона был найден в Островецком районе Гродненской области, это подскарбювка дворного подскарбия коронного (1580–1604) Яцека Млодзеёвского (*рисунок 8, Drożdź № 40*). Вес жетона 2,53 г, диаметр – 25 мм (аверс: в украшен-

Рисунок 8

ном наметом из листьев щите герб Слеповрон,верху рыцарский шлем, над ним клейнот – птица с перстнем в клюве, вокруг шнуровидная обводка, далее обводка из цветков лилии, вторая шнуровидная обводка и жемчужная обводка; реверс: надпись (сохранилась частично): ● HIACIN ● MLODSIEIOWSKI ● THES(aurarius) / ● CURI A E R(egiae) (лат.: Хиацин Млодзиевский подскарбий дворный королевский) в обводке из цветков лилии надпись: 1580/VIRTVS/HONORIS/VES[TI]BV / LVM (лат.: добродетель предшествует чести).

Также один из счетных жетонов, найденных на территории Барановичского района Брестской области, является новой разновидностью счетного жетона подскарбия Великого литовского (1590–1598) Дмитрия Халецкого (*рисунок 9*). Отличием от описанных экземпляров является то, что в сентенции данного экземпляра в слове VITES отсутствует буква «S». Вес жетона – 2,47 г, диаметр – 26 мм, сильно корродирован, потерт (аверс: в середине в шнуровидной обводке в украшенном наметом из листьев четырехпольном

Рисунок 9

щите гербы: «Халецкий», «Крое III», «Корчак», «Крошинский»,верху рыцарский шлем, над ним клейнот – крыло птицы, пронзенное стрелой, по краю шнуровидная обводка с надписью по кругу (сохранилась частично): DEME(trius) CHAL(elcki) DE CHALCE ● TES(aurarius) T(errestris) NO(minatus) M(agni) D(ucatus) L(itvanie) (лат.: Дмитрий Халецкий из Хальча назначенный подскарбием земским Великого Княжества Литовского) ● ★; реверс: в середине в обводке из двойных щитков: ★15★ 95★ / BENEDIC(tio) / DOMINI [●DI] / VITE(s) FACIT / (лат.: благословение Господа обогащает), ниже украшение из ветвей с цветами, надпись: I†S.

Также в рамках данной статьи хотелось бы привести информацию о частных счетных жетонах, хранящихся в музейных собраниях Беларуси.

В Гродненском государственном историко-археологическом музее имеется 3 счетных жетона. В коллекции, сформированной еще до Великой Отечественной войны, хранится счетный жетон подканцлера коронного (1562–1569) Петра Мышковского (*рисунок 10, Drożdź № 26*). Учетный номер КП 10235/40, вес жетона 1,59 г, диаметр 23,6 мм (аверс: в центре

Рисунок 10

в украшенном щите герб «Ястржембец», вокруг него жемчужная обводка, венец из цветков лилии; реверс: по кругу надпись (сохранилась частично): ★ PET(rus) ● MISKOWSKI ● DE ● MIROW ● REG(iae) ● POLO(niae) ● VICECANC(elarius) (лат.: Петр Мышковский из Мирува подканцлер Королевства Польского), в центре надпись: ● MAG / NVM ● VEC / TIGAL ● PAR / SIMONIA (лат.: экономия является большим источником дохода) ● / ANNO / 1565 /.

Еще один счетный жетон был приобретен гродненским музеем у частного лица в 1955 г. Это подскарбювка с монограммой великого князя литовского, короля польского Сигизмунда II Августа (*рисунок 11, Drożdź № 21*). Учетный номер КП 24634/024, вес жетона 2,6 г, диаметр 23,5 мм. На жетоне есть отверстие

Рисунок 11

(аверс: в центре малая королевская монограмма SA, по сторонам от нее цифры 15-70, вокруг тонкая обводка, венец из цветков лилии; реверс: по центру внутри вен-

ца из цветков лилии коронованный двухпольный щит с гербами «Орел» и «Погоня»).

В 1999 г. во время работы в огороде возле школы-интерната в д. Верейки Волковысского района Гродненской области был найден и передан в музей счетный жетон старосты Лидского (1579–1602), воеводы Минского (1593–1596) и Смоленского (1596–1602), управляющего монетным двором в Вильно в 1581 г., Яна Абрамовича (рисунок 12, *Drożdź № 41*). Учетный номер КП 80302, вес жетона 4,03 г, диаметр

Рисунок 12

23,7 мм (аверс: в украшенном наметом из листьев щите герб «Абрамович», сверху рыцарский шлем, над ним клейнот – герб «Абрамович», вокруг венеч из цветков лилии; реверс: в центре в венце из цветков лилии надпись: •lo (oan) A(bramowicz) • / DEXTERA / TVA • SALVA / BIT • ME / DEVS (лат.: спасет нас десница твоя, Боже), вокруг по краю надпись: ♣ FORTVNA • DEI • PEDISEQVA (лат.: счастье идет Божьим следом) • 1581.

Еще один счетный жетон 27.09.2013 был безвозмездно передан в Борисовский объединенный музей нашедшим его лицом. При поступлении место находки его не указано (предположительно Борисовский район Минской области). Этот счетный жетон принадлежал каштеляну Минскому (1572–1580), подскарбию Великому литовскому (1580–1586) Яну Глебовичу (рисунок 13, *Drożdź № 44*). Жетон сильно корродирован, потерт. Учетный номер КП 22323, вес жетона 4 г, диаметр 25 мм (аверс: в центре в лавровом венце

Рисунок 13

украшенный круглый четырехпольный щит с гербами: «Лелива», «Лешиц», «Погоня», «Грымала», над ним сверху два рыцарских шлема с наметом из листьев, над ним клейнот – герб «Лелива» и «Лешиц», по краю жемчужная обводка; реверс: в центре в лавровом венце надпись (сохранилась частично): • NOS • / DEXTERA / TVA • DEVS • / SALVABIT (лат.: спасет нас десница твоя, Боже) • / 15—8Z / D•S, по кругу надпись: IAN(nus) NICO(laus) G[EO]R(gius) HLEBOWICZ CAS(tellanus) MIN(scensis) TES(aurarius) M(agni) D(ucatus) L(itvanie) (лат.: Ян Николай Георг Глебович каштелян Минский, подскарбий Великого Княжества Литовского), жемчужная обводка.

Данная статья позволяет дополнить общее число частных счетных жетонов ВКЛ и Речи Посполитой экземплярами и типами, не описанными в вышеупомянутых каталогах, а также экземплярами, хранящимися в музейных фондах Республики Беларусь.

Автор выражает благодарность И.Н. Шталенкову и В.И. Какареко (ОО «Белорусское нумизматическое общество»), сотрудникам Гродненского государственного историко-археологического музея, сотрудникам Борисовского объединенного музея и всем другим, кто оказал помощь в подготовке данной работы. Автор будет признателен за сведения о находках счетных жетонов ВКЛ и Речи Посполитой на территории современной Беларуси и за ее пределами. Просьба имеющуюся информацию (место, время, состав находки, фото, диаметр и вес счетных жетонов) присылать на электронный ящик: ozcoin@mail.ru

Список использованной литературы:

1. Bernacki, Z. Podskarbiówki – liczmany szlachty polskiej, cz. II Przegląd Numizmatyczny. – № 3/93. – S. 5–7.
2. Bernacki, Z. Podskarbiówki – liczmany szlachty polskiej, cz. III Przegląd Numizmatyczny. – № 4/94. – S. 9–12.
3. Demel, B. Liczmany mennicze zwane podskarbiówkami. – Kraków, 1911.
4. Drożdź, K. Podskarbiówki i liczmany Rzeczypospolitej Obojga Narodów i z Rzeczypospolita powiazane. – Warszawa, 2014.
5. Garbaczewski, W. Co to jest podskarbiówka. – Режим доступа: www.nbportal.pl.
6. Ivanauskas, E. Lietuviški skaičiavimo žetonai 1546–1615. – Kaunas, 2014.
7. Remecas, E. Nezinomas Vilniaus monetu kalyklos skaičiavimo žetonas. Numizmatika: 6. – Vilnius, 2007. – S. 105–108.
8. Shtalenkow, I. Liczmany litewskie i polskie w prywatnych zbiorach na Białorusi, Pieniądz i systemy monetarne, wspólne dziedzictwo Europy. – Augustów – Warszawa, 2012. – S. 237–239.
9. Граблеўская, І. Лічыльны жэтон з вёскі Вярэйка. Краязнаўчыя запіскі. – Вып. 5. – Гродна, 2000. – С. 57–59.
10. Зяньковіч, У. Старонкі з гісторыі лічманаў. Калекцыянер: зб. арт. – Мінск, 2014. – С. 110–119.
11. Какареко, В.И. Счетные устройства и монетная система ВКЛ середины XVI века (Układ obrachunkowy a system monetarny Wielkiego Księstwa Litewskiego połowy XVI w.), Pieniądz i systemy monetarne, wspólne dziedzictwo Europy. – Augustów – Warszawa, 2012. – S. 149–164.
12. Интернет-портал “Интернет-аукцион «Конрос»” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.auction.conros.ru. – Дата доступа: 10.10.2017.
13. Интернет-портал “MA-Shops GmbH” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ma-shops.at. – Дата доступа: 10.10.2017.
14. Интернет-портал “Эпоха Средневековья” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.medieval.ucoz.net. – Дата доступа: 10.10.2017.
15. Интернет-портал “Lietuvos nacionalinis muziejus” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lnm.lt. – Дата доступа: 10.10.2017.
16. Интернет-портал “Portal Edukacji Ekonomicznej NBPortal.pl.” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nbportal.pl. – Дата доступа: 10.10.2017.

Сухаревский клад монет Речи Посполитой и Пруссии второй половины XVII в. – начала XVIII в. (из коллекции Национального исторического музея Республики Беларусь)

Людмила ТОЛКАЧЕВА

Исполняющий обязанности заведующего отделом ГУ «Национальный исторический музей Республики Беларусь», кандидат искусствоведения

Коллекция Национального исторического музея Республики Беларусь насчитывает 119 денежно-вещевых и монетных кладов, из них депозиты XVII в. – начала XVIII в. составляют порядка 65%.

Рассматриваемый клад монет второй половины XVII в. – начала XVIII в. был обнаружен в присутствии колхозника С.Е. Краснобаева в марте 1957 г. недалеко от д. Сухари Могилевского района Могилевской области при копке ям для столбов линии электропередачи на глубине 40 см. Клад состоял из нескольких сотен монет и был завернут в бересту. После обнаружения монеты разобрали жители деревни, а береста не сохранилась. О находке клада в Организационную группу по созданию Белорусского государственного историко-краеведческого музея (далее – Орггруппа) сообщил один из колхозников И.И. Волченков в конце июня 1957 г. Члены Орггруппы, одним из которых была старший научный сотрудник Н.А. Шпаковская, выехали в деревню 4–6 июля 1957 г. После общения с жителями им удалось собрать 220 монет. Первоначальный размер клада неизвестен. Данный депозит является первым из тех, что попали в коллекцию восстанавливаемого после войны Государственного музея БССР.

Как было сказано, сохранившаяся часть клада состоит из 220 монет (приложение). Клад был депони-

рован не ранее 1723 г. В его состав входят эмиссии только двух государств – Пруссии и Речи Посполитой, представленные преимущественно шостаками, а также ортами (18-грошовиками) и тымфами (30-грошовиками). Из 220 монет 165 польских, что составляет 75% всего клада (рисунки 1).

Прусских монет всего 55 единиц, из них 46 шостаков и 9 ортов. Шостаки представлены выпусками с 1674 г. по 1723 г. Самые ранние и самые поздние репрезентированы поединично, наибольшее число экземпляров выпадает на 1682 г. и 1683 г. Ортов в прусской части – 9 единиц, датируемых 1682, 1684, 1685 и 1699 годами. Основные эмитенты – курфюрст Бранденбурга и герцог Пруссии Фридрих-Вильгельм (1640–1688) – 32 шостака и 6 ортов, его сын Фридрих III (1688–1701), который с 1701 г. принял титул короля Пруссии и коронационное имя Фридрих I (1701–1713). Его монет периода герцогства 7 единиц (4 шостака и 3 орта), а периода королевства – один шостака. Оставшиеся 6 монет прусской части принадлежат правлению Фридриха Вильгельма I (1713–1740). Все прусские монеты клада были отчеканены на Кенигсбергском монетном дворе. Наибольшее число прусских монет относится к 1680-м годам (рисунки 2).

Шостаков Речи Посполитой 138 единиц. Они отчеканены с 1660 г. по 1702 г. Наибольшее количество припадает на чеканку 1663–1664 гг. Среди польских шостаков четко выделяются две группы:

1) шестигрошовики Яна II Казимира Вазы (эмиссии с 1660 г. по 1667 г.);

Количественный состав клада

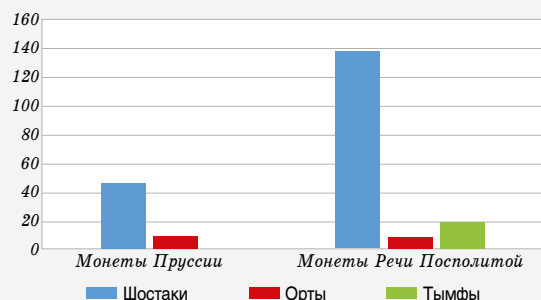

Рисунок 1

Рисунок 2

2) Яна III Собесского (эмиссии с 1678 по 1684 гг.).

Тымфов всего 19 единиц (с 1663 по 1666 гг.). Все они принадлежат чеканке Яна II Казимира Вазы. Наибольшее количество – 1663 и 1664 гг. Среди 8 польских ортов лишь один (датируемый 1623 г.) принадлежит чеканке Сигизмунда III Вазы, а остальные относятся к правлению Яна II Казимира Вазы. Таким образом, наибольшее число польских монет относится к 1660-м годам (рисунок 3).

В кладе представлены польские монеты, отчеканенные в основном на Быдгощском и Краковском монетных дворах, есть небольшое количество львовских (4 ед.: три шостака и один тымф) и познаньских (4 ед.: три шостака и один орт) монет. Кроме того, в кладе присутствует одна монета лейпцигской чеканки – шостак Августа II Сильного 1702 г. чеканки.

Таким образом, самой ранней монетой Сухаревского депозита является коронный орт 1623 г., который явно выпадает из общей статистики клада и является пережитком более раннего денежного обращения. Младшая монета комплекса – прусский шостак 1723 г. – позволяет установить *terminus post quem* для этого клада.

Основной вопрос, который возникает при исследовании клада, – это причины и обстоятельства его тезаврации. Проанализируем информацию, известную о самой д. Сухари, где был найден клад. В настоящее время данный населенный пункт относится к Могилевскому району, но с 1784 г. и до 1964 г. деревня административно относилась сначала к Чаусскому

уезду, затем – району. В целом д. Сухари является одним из старейших населенных пунктов Могилевской области. Упоминание об этой деревне в первый раз встречается в документах около 1560 г. как село в Могилевской волости, являвшееся королевской собственностью [1, с. 574]. Известно, что в 1569 г. оно временно было пожаловано шляхтичу И. Киркорову [2, с. 297]. Какими-либо крупными сражениями или событиями данная деревня не отмечена.

Учитывая время депонирования клада (после 1723 г.), следует предположить, что клад попал в землю уже после Северной войны и не связан с военными действиями. Наиболее вероятно, что он относится к категории накопительных.

Примерами интересных монет из клада являются тымфы Яна Казимира Вазы (рисунок 4) 1663 г. львовской чеканки. На аверсе монеты в инициалах ICR – большая буква R, а в легенде на реверсе латинская буква N зеркально отчеканена. Данный тип монет относится к категории редких [Коріські, 1782, R].

Еще одна интересная и нечастая монета – познаньский орт Яна Казимира Вазы 1658 г. [Коріські, 1759, R] с инициалами арендатора монетного двора Андреаса Тымфа (рисунок 5).

Рисунок 4

Рисунок 5

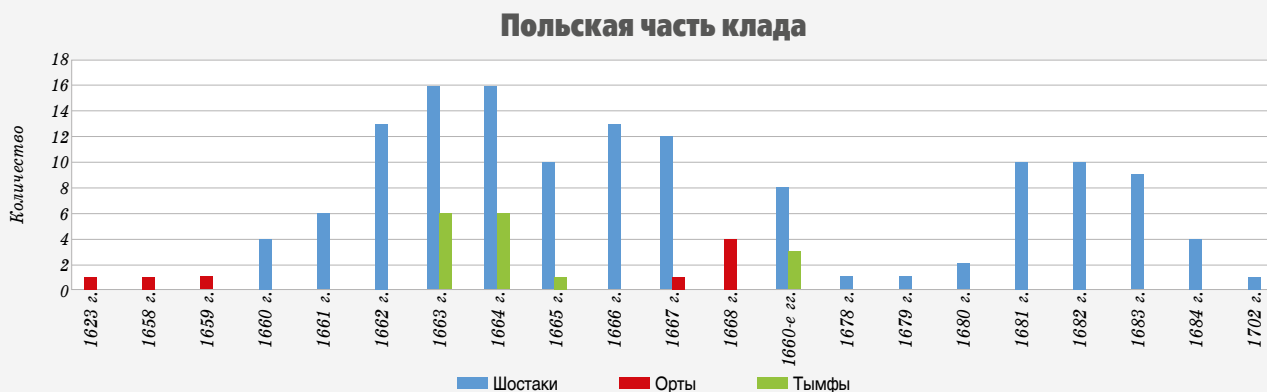

Рисунок 3

Из шостаков нечасто встречается и достаточно интересная монета 1662 г. (рисунки 6) Львовского монетного двора с гербом «Слеповрон» без обводки на аверсе с инициалами Джованни Батиста Амуретти и написанием цифры «2» в дате в виде «166Z» на реверсе [Коріскі, 1666, R2]. Из шостаков Яна Собесского в качестве примера можно привести две монеты краковской чеканки с инициалами арендатора монетного двора Боратини на аверсе и буквой «K» (рисунки 7) между цифрами даты 1680 на реверсе [Коріскі, 1948, R6] и «C» (рисунки 8) между цифрами даты 1681 на реверсе [Коріскі, 1954, R2].

Рисунки 6

Рисунки 7

Рисунки 8

Приложение

Состав Сухаревского клада (Могилевский район)

№ п/п	Правитель	Государство	Номинал	Год	Место чеканки	Знаки мюнц-мастера/арендатора монетного двора	Знак коронного подскарбия	Количество	Тип	Инвентарный номер
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Фридрих-Вильгельм	Бранденбург-Пруссия	6 грошей	1674	Кенигсберг	CV ¹ (аверс)	–	1	Neumann, 11.120a	КП 150
2	-/-	-/-	-/-	1681	-/-	HS (аверс)	–	2	Neumann, 11.120a	КП 148/1-2
3	-/-	-/-	-/-	1682	-/-	HS ² (аверс)	–	15	Neumann, 11.120a	КП 145/1-15
4	-/-	-/-	-/-	1683	Кенигсберг	HS (аверс)	–	8	Neumann, 11.120a	КП 184/1-4, КП 184/7-10
5	-/-	-/-	-/-	-/-	?	[?]	–	2		КП 184/6, КП 184/11
6	-/-	-/-	-/-	1686	-/-	BA ³ (аверс)	–	2	Neumann, 11.120a	КП 152/1, 3
7	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	[?]	–	1		КП 152/2
8	-/-	-/-	-/-	1687	-/-	HS (аверс)	–	1	Neumann, 11.120a	КП 162
9	-/-	-/-	-/-	168?	-/-	-/-	–	1		КП 184/5
10	-/-	-/-	18 грошей	1682	-/-	HS (реверс)	–	1	Neumann, 11.117b	КП 146
11	-/-	-/-	18 грошей	1684	-/-	HS (реверс)	–	2	Neumann, 11.118	КП 149/1-2
12	-/-	-/-	18 грошей	1685	-/-	HS (реверс)	–	3	Neumann, 11.118	КП 151/1-3
13	Фридрих III	-/-	6 грошей	1698	-/-	SD ⁴ (аверс)	–	2	Neumann, 12.29	КП 153/1-2
14	-/-	-/-	-/-	1699	-/-	SD (аверс)	–	2	Neumann, 12.29	КП 154/1-2
15	-/-	-/-	18 грошей	-/-	-/-	SD (реверс)	–	3	Neumann, 12.28	КП 155/1-3
16	Фридрих I	Королевство Пруссия	6 грошей	1702	-/-	CG ⁵ (аверс)	–	1	Krause, 21	КП 156

¹ Мюнцмастер Christoph Varenhorst (1672–1674).

² Мюнцмастер Heinrich Sievertz (1674–1677, 1679–1685, 1687–1694).

³ Мюнцмастер Bastian Altmann (1685–1687).

⁴ Мюнцмастер Siegmund Dannies (1695–1699).

⁵ Мюнцмастер Caspar Geelhaal (1699–1728).

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
17	Фридрих Вильгельм I	-/-	-/-	1714	-/-	-/-	-	1	Krause, 22	КП 157
18	-/-	-/-	-/-	1717	-/-	-/-	-	2	Krause, 122	КП 158/1-2
19	-/-	-/-	-/-	1718	-/-	-/-	-	1	Krause, 166	КП 159
20	-/-	-/-	-/-	1720	-/-	-/-	-	1	Krause, 166	КП 160
21	-/-	-/-	-/-	1723	-/-	-/-	-	1	Krause, 166	КП 161
22	Сигизмунд III Ваза	Речь Посполитая	18 грошей	1623	Быдгощ	-	Сас ⁶	1	Kopicki, 1279 Шаталин, BD 23-34	КП 163
23	Ян II Казимир Ваза	-/-	6 грошей	1660	Краков	TLB ⁷ (реверс)	Слеповрон ⁸ (аверс)	2	Kopicki, 1622	КП 165, 175/1
24	-/-	-/-	-/-	1660	Быдгощ	TT ⁹ (реверс)	Слеповрон (реверс)	2	Kopicki, 1618	КП 175/4, 15
25	-/-	-/-	-/-	1660-1662	Быдгощ	TT (реверс)	Слеповрон (реверс)	3		КП 167/15, 171/6, 12
26	-/-	-/-	-/-	1660 или 1666	Краков (?)	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	1		КП 175/3
27	-/-	-/-	-/-	1661	Познань	NG ¹⁰ (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1626	КП 166/1
28	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	[?]T (реверс)	[?]	1		КП 166/2
29	-/-	-/-	-/-	1661(?)	Краков (?)	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1636	КП 166/3
30	-/-	-/-	-/-	1661	Краков	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1632	КП 166/4
31	-/-	-/-	-/-	-/-	Львов	GBA ¹¹ (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1642	КП 166/5
32	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	TT (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1629	КП 171/22
33	-/-	-/-	-/-	1662	Краков (?)	A[T] (реверс)	[?]	1		КП 167/1
34	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков	AT ¹² (реверс)	Слеповрон (реверс)	5	Kopicki, 1662	КП 167/2, 5, 8, 11, 14
35	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков	AT (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1660	КП 167/7
36	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков	AT (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1661	КП 167/10
37	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	TT (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1650	КП 167/3
38	-/-	-/-	-/-	-/-	Львов	GBA (реверс)	Слеповрон (аверс)	2	Kopicki, 1666	КП 167/4, 12
39	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	[?]T	[?]	1		КП 167/6
40	-/-	-/-	-/-	-/-	Познань	NG (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1646	КП 167/9
41	-/-	-/-	-/-	1663	Краков или Быдгощ	AT (реверс)	Слеповрон (реверс)	7	Kopicki, 1668	КП 169/1-4, 7-9
42	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ (?)	[A?]T (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1668	КП 169/5

⁶ Герб «Сас» принадлежал великому коронному подскарбию Николаю Даниловичу (1616–1624).

⁷ Арендатор королевского монетного двора Тит Ливий Боратини.

⁸ Герб «Слеповрон» принадлежал великому коронному подскарбию Яну Казимиру Красинскому (1659–1668).

⁹ Арендатор королевского монетного двора Томас Тымф.

¹⁰ Арендатор Познаньского монетного двора Николай Гилли.

¹¹ Арендатор королевского монетного двора Джованни Батиста Амуретти.

¹² Арендатор королевского монетного двора Андреас Тымф.

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
43	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	2	Kopicki, 1669	КП 169/6, 15
44	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	[?]	[?]	1		КП 169/10
45	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	4	Kopicki, 1668	КП 169/11, 13-14, 16
46	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (?)	АТ (реверс)	[?]	1	Kopicki, 1669	КП 169/12
47	-/-	-/-	-/-	1664	Краков (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1673	КП 167/13
48	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	4	Kopicki, 1674	КП 171/8-10, 13
49	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	10	Kopicki, 1672	КП 171/2-4, 16-21, 23
50	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	[А?]Т (реверс)	[?]	1		КП 171/7
51	-/-	-/-	-/-	1665	Быдгощ (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	11	Kopicki, 1677	КП 171/1, 173/1-10
52	-/-	-/-	-/-	1666	Краков (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	1	Kopicki, 1680	КП 175/2
53	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ (?)	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	12	Kopicki, 1679	КП 175/6-14, 16-18
54	-/-	-/-	-/-	1667	Быдгощ (?)	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	6	Kopicki, 1686	КП 177/1, 177/5-6, 8, 10-11
55	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ (?)	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	3	Kopicki, 1687	КП 171/11, 177/2, 12
56	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	TLB (реверс)	[?]	1		КП 177/4
57	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (?)	А/[Т] (реверс)	[?]	1	Kopicki, 1684	КП 177/7
58	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1691	КП 177/9
59	-/-	-/-	-/-	166?	?	[?]Т (реверс)	Слеповрон (реверс)	1		КП 171/5
60	-/-	-/-	-/-	-/-	?	[?]Т (реверс)	Слеповрон (?) (реверс)	1		КП 171/14
61	-/-	-/-	-/-	-/-	?	[?]	[?]	1		КП 171/15
62	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков или Быдгощ	АТ (реверс)	Слеповрон (реверс)	1		КП 175/5
63	-/-	-/-	-/-	16??	Краков или Быдгощ	TLB (реверс)	Слеповрон (аверс)	1		КП 177/3
64	-/-	-/-	18 грошей	1658	Познань	АТ (реверс)	[Венява] ¹³	1	Kopicki, 1757	КП 164
65	-/-	-/-	-/-	1659 (?)	Познань (?)	АТ (реверс)	[?]	1		КП 179/5
66	-/-	-/-	-/-	1667	Быдгощ или Краков	TLB (аверс)	Слеповрон (аверс)	1	Kopicki, 1773	КП 178
67	-/-	-/-	-/-	1668	Быдгощ или Краков	TLB (аверс)	Слеповрон (аверс)	3	Kopicki, 1774	КП 179/1-3
68	-/-	-/-	-/-	1668	Быдгощ или Краков	[?]	[?]	1		КП 179/4
69	-/-	-/-	30 грошей	1663	Быдгощ или Краков	АТ (реверс)	–	5	Kopicki, 1780	КП 170/1-2, 4-6
70	-/-	-/-	-/-	1663	Львов	–	–	1	Kopicki, 1782	КП 170/3
71	-/-	-/-	-/-	1664	Быдгощ	АТ (реверс)	–	7	Kopicki, 1787	КП 172/1-6, 8

¹³ Герб «Венява» принадлежал великому коронному подскарбию Богуславу Лещинскому (1650–1658).

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
72	-/-	-/-	-/-	1665	Быдгощ	АТ (реверс)	–	1	Kopicki, 1788	КП 174
73	-/-	-/-	-/-	1666	Быдгощ	АТ (реверс)	–	3	Kopicki, 1792	КП 176/1-3
74	-/-	-/-	-/-	166?	Быдгощ	АТ (реверс)	–	2		КП 168, 172/7
75	Ян III Собесский	-/-	6 грошей	1678	Быдгощ	–	Лелива ¹⁴ (реверс)	1	Kopicki, 1937	КП 185/1
76	-/-	-/-	-/-	1679	Быдгощ	TLB (реверс)	Лелива (реверс)	1	Kopicki, 1940	КП 180
77	-/-	-/-	-/-	1680	Быдгощ	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	1	Kopicki, 1945	КП 181/1
78	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (К на реверсе)	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	1	Kopicki, 1948	КП 181/2
79	-/-	-/-	-/-	1681	Быдгощ	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	5	Kopicki, 1953	КП 182/1-2, 182/8-10
80	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (С на реверсе)	[?]	Лелива (реверс)	2	Kopicki, 1954	КП 182/3, 6
81	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ или Краков	TLB (аверс)	[?]	1		КП 182/4
82	-/-	-/-	-/-	-/-	Краков (С на реверсе)	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	1	Kopicki, 1954	КП 184/5
83	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ или Краков	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	1		КП 182/7
84	-/-	-/-	-/-	1682	Краков (М на реверсе)	[?]	[Лелива]	1	Kopicki, 1959	КП 147/6
85	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	8	Kopicki, 1957	КП 182/11, КП 183/1-6, 8
86	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ или Краков	TLB (аверс)	[?]	1		КП 183/7
87	-/-	-/-	-/-	1683	Быдгощ	TLB (аверс)	Лелива (реверс)	2	Kopicki, 1963	КП 147/1, 4
88	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	TLB (аверс)	Элита ¹⁵ (реверс)	2	Kopicki, 1964	КП 147/2-3
89	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	TLB (аверс)	Элита (реверс)	1	Kopicki, 1964	КП 147/7
90	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	-/-	Лелива (реверс)	1	Kopicki, 1963	КП 147/8
91	-/-	-/-	-/-	-/-	Быдгощ	-/-	Элита (реверс)	3	Kopicki, 1964	КП 147/9-11
92	-/-	-/-	-/-	1684	Быдгощ	TLB (аверс)	Элита (реверс)	4	Kopicki, 1968	КП 185/2-5
93	-/-	-/-	-/-	168?	Быдгощ	TLB (аверс)	Элита (реверс)	1		КП 183/9
94	-/-	-/-	-/-	168?	Быдгощ или Краков	–	Лелива (реверс)	1		КП 147/5
95	Август II Сильный	Саксония	-/-	1702	Лейпциг	ЕРН ¹⁶ (реверс)	–	1	Kopicki, 2011	КП 186

¹⁴ Герб «Лелива» принадлежал великому коронному подскарбию Яну Анджею Морштыну (1668–1683).¹⁵ Герб «Элита» принадлежал великому коронному подскарбию Мартину Замойскому (1683–1689).¹⁶ Инициалы руководителя Лейпцигского монетного двора Эрнеста Петра Хечта.

Список использованной литературы:

1. *Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя / рэдкал.: Т.У. Бялова [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2009. – Т. 6, кн. 2: Магілёўская вобл. – 592 с.*
2. *Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1996–2004. – Т. 15. – 2002. – 550 с.*
3. *Kopicki, E. Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z polską zwiqzanych / E. Kopicki. – Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. – Warszawa, 1995. – 4 t.*
4. *Standard Catalog of German Coins. 1601 to Present, Including Colonial Issues / N.D. Nicol, ed. F.J. Borgmann. – 2nd edition. – Iola: Krause Publications, 1999. – 1064 p.*
5. *Neumann, E. Brandenburg – preußische Münzprägungen unter der Herrschaft der Hohenzollern. 1415–1918 / E. Neumann. – Köln: Münzzentrum Verlag, 1997–1998. – Band 1: Die Münzen des Kurfürstentums Brandenburg unter der Herrschaft der Hohenzollern 1415–1701. – 1997. – 474 p.*
6. *Shatalin, I. Orts of Sigismund III Vasa and Orts of Gustav Adolf, Orts of Georg Wilhelm [Electronic resource] / I. Shatalin. – 4th edition. – 2017. – 147 p. – Mode of access: http://orty.pl/download_catalog.html. – Date of access: 10.11.2017.*

Иностранные монеты в кладах Принеманского края в первой четверти XVII в.

Виктор КАКАРЕКО

Председатель ОО «Белорусское нумизматическое общество», г. Гродно

Тема денежного обращения на землях Беларуси XVI–XVII вв. довольно хорошо описана в нумизматической литературе, но большинство авторов¹ в своих обзорных статьях ограничиваются перечислением номиналов монет, местной и иностранной продукции, выявленной на белорусском денежном рынке. Продукция местных монетных дворов расписана по номиналам и годам чеканки, а иностранных – по странам или регионам чеканки.

Нумизматические каталоги, рассчитанные в первую очередь на коллекционеров, приводят описание всех известных типов, подтипов и разновидностей монет местной чеканки, к которому прилагаются фотографии или рисунки этих монет, их метрологические данные, степень редкости и рыночные цены. В предисловиях к каталогам упоминаются проводимые денежные реформы, приведшие к появлению или прекращению чеканки отдельных номиналов монет. И только вскользь вспоминаются экономические и политические причины, предшествовавшие этому преобразованию.

Подготовленные автором и опубликованные в последние годы статьи по кладоведению и денежному обращению в Принеманском крае, дополненные топографией и описанием около 25 монетных кладов, в том числе ранее не опубликованных, позволили проанализировать причины появления отдельных

номиналов монет (трояков) в денежном обращении этого региона. Был проведен сравнительный анализ изменения метрологических параметров этих монет в результате введения новых монетных ординаций.

В данной работе попытаемся на основе выше-названного подробного описания монетных кладов Принеманского края определить, какое место иностранные монеты занимали в денежном хозяйстве в первой четверти XVII в.

Денежное хозяйство Речи Посполитой в начале XVII в.

Рассуждениям о роли иностранных монет в денежном обращении на территории Принеманского края в 1-й четверти XVII в. должен предшествовать рассказ о монетном производстве в Речи Посполитой, о проводимых в те годы в нашей стране денежных реформах, о появлении новых номиналов монет, об используемой монетной стопе, о реальной стоимости драгметаллов в разных регионах и рыночном курсе этих монет.

Но как было сказано ранее, монетная система Речи Посполитой этого периода хорошо описана в нумизматической литературе. Это освобождает автора от подробного описания проведенных в те годы денежных реформ и позволяет без ущерба для предстоящих рассуждений ограничиться таблицей, где представлен метрологический материал, взятый из монетных ординаций и результатов дополнительных расчетов.

Основа денежной системы начала XVII в. была заложена в годы правления Стефана Батория (1576–1586 гг.). Монетная ординация, принятая 5 января 1580 г. (таблица 1), не только определила перечень номиналов выпускаемых монет и их метрологические данные, но и объединила денежные системы ВКЛ и Короны, а также приблизила отечественную монетную систему к соседним странам империи Габсбургов. К примеру, 1 польский грош стал соответствовать 2 австрийским крейцерам, трояк – 6 крейцерам, шостак – 12 крейцерам и т. д. Талеры в обеих странах имели приблизительно равный курс – 35–36 грошей. Из прусской денежной системы нами был позаимствован новый номинал – солид = 1/3 гроша. Созданная при С. Батории монетная система просуществовала без изменения почти четверть века.

Денежная реформа 1580 г. установила единый курс монет в Речи Посполитой: дукат = 56 грошам, талер = 35 грошам, 1 шостак = 2 троякам = 6 грошам, 1 грош = 2 полугрошам = 3 солидам = 6 тернариям = 9 двуденариям = 18 денариям.

¹ Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Минск: Нар. асвета, 1968. – 256 с. [ил.].

Таблица 1

Монетная ординация Стефана Батория от 5 января 1580 г.², действовала до 1601 г.

Год	Номинал	Из гривны краковской 201,802	Вес монеты	Проба	Вес чистого серебра	Вес чистого Ag на грош	Обменный курс в грошах		Радио Ag:Au
							дуката 3,456	талера 24,324	
1580	Дукат	56	3,573	0,967	3,4565	0,06 Au	56	—	—
	Талер	7	28,829	0,844	24,324	0,695		35	11,26
	Полуталер	14	14,414		12,162				
	Шостак	41,3	4,881		4,118				
	Трояк	82,6	2,440	0,350	2,059	0,686		35,46	11,11
	Грош	106	1,904		0,666				
	Полугрош	212,2	0,951	0,180	0,333	0,684		35,56	11,08
	Солид	177,9	1,134		0,204				
	Тернарий	355,7	0,567		0,102				
	Двуденарий	270	0,747	0,094	0,070	0,630		38,61	10,21
	Денарий	540	0,373		0,035				

Радио (соотношение цены золота к цене серебра) в среднем составляло чуть более 1:11, что было ниже среднеевропейского значения, и это указывало на высокую стоимость серебра в международном масштабе и стимулировало его приток в страну (рисунки 1).

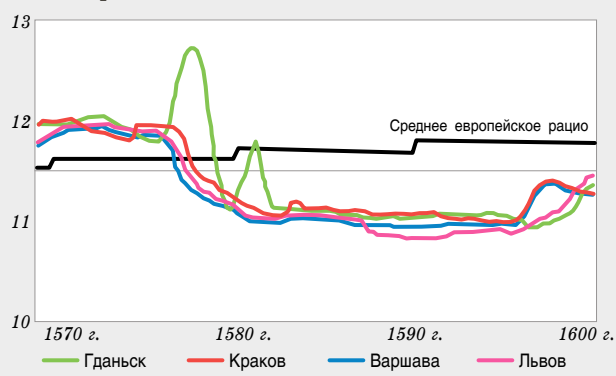
Это произошло под воздействием массового наплыва в Западную Европу дешевого южно-американского серебра, приведшего к резкому росту цен на продукты питания и многое другое, названного «революцией цен». Наши земляки также приложили к этому свою руку. Большая разница цен на продукты питания стимулировала поставку зерна в Западную Европу из Речи Посполитой. Демпинговые цены на сельхозпродукцию разоряли западноевропейских земледельцев и вынуждали перекалываться на виноделие, что давало больший доход, но это еще больше способствовало росту цен на продукты питания.

В Европе американское золото и серебро не только произвели «революцию цен», но и значительно повлияли на отрасли по добыче и обработке серебра. Американские золото и серебро поступали в Европу как товар. Такую же роль данные металлы играли и в европейских странах, добывающих эти драгметаллы. Низкая себестоимость привозного серебра влияла на формирование более низких рыночных цен, снижала доходы европейских производителей и требовала от них уменьшения затрат на его добычу. Модернизация горнорудной промышленности в первую очередь коснулась крупных производителей, где, например, стали применять штанговые насосы для откачки воды из штольни, а также проводить взрывные работы в шахте. Многие мелкие рудники не выдерживали конкуренции и закрывались. Растущие безработица и дороговизна продуктов питания порождали массовое недовольство и народные волнения, вызывали межэтнические и межконфессиональные конфликты, которые впоследствии вылились в тридцатилетнюю войну (1618–1648 гг.).

Региональным монетным дворам, расположенным вблизи месторождений европейского серебра, стало нерентабельно производить мелкую разменную монету. Тогда монетные производители при чеканке мелких разменных монет, снижая содержание серебра, стали добавлять значительно больше, чем было предписано монетным уставом, примеси меди. Для сохранения привычной ширины монеты уменьшали толщину монетной заготовки.

Появились первые признаки нового кризиса мелких монет. За ухудшенные мелкие монеты скупали талеры и иные высокопробные монеты и пускали их в оборот. Цена талеров и дукатов, оплаченных ухудшенными мелкими деньгами, естественно, начала расти. Вскоре мелкие монеты стали ухудшаться

Значение радио золота и серебра в разных городах Польши в 1570–1600 гг.

² Mikołajczyk, A. Obieg pieniężny w Polsce środkowej w wiekach od XVI do XVIII. Acta archeologica lodzinsia Nr 28. – Łódź, 1980. – S. 13.

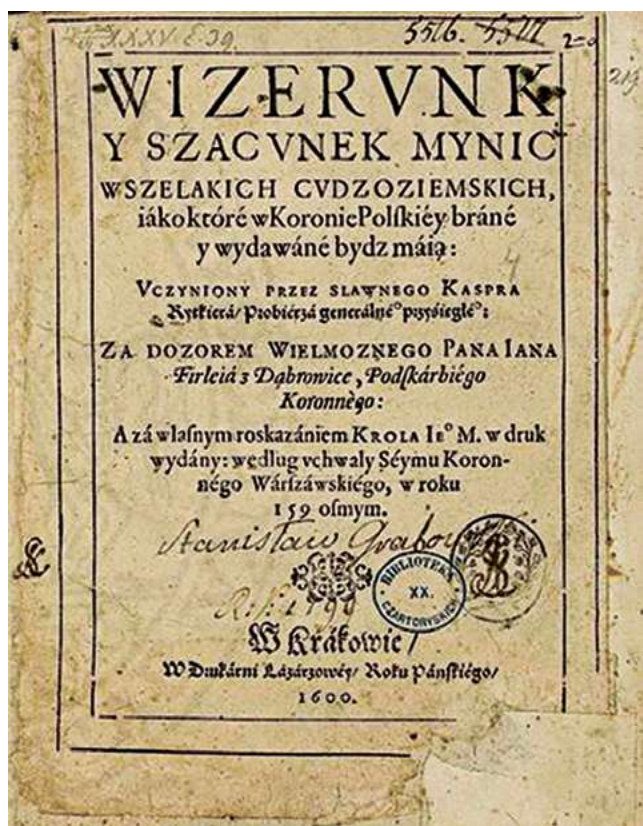

Рисунок 2

и в крупных государствах: Австрии, Бранденбургии, Саксонии и других. Мелкие монеты начали вывозить в иные страны, в том числе Речь Посполитую, где на них активно скупали не только продовольственные товары, но и высокопробные монеты для последующей перечеканки. Таким образом, на территорию Речи Посполитой пришел европейский монетарный кризис, охвативший соседние страны – Силезию, Чехию, Венгрию, Австрию и Германию, где он получил название «Kurper i Wirper». Потеря дохода казны от чеканки неполноценной монеты, как правило, возмещалась с помощью взимания чрезвычайных налогов.

Попытка изъятия из денежного обращения Речи Посполитой или запрет на прием в платежи иностранной разменной монеты оказались безрезультатными, не помогали и специально созданные вальвационные таблицы с изображением и описанием наиболее часто встречающихся иностранных монет, в которых была указана их рыночная стоимость согласно польской монетной стопе.

Одну из таких вальвационных таблиц, определявших курс в основном мелкой иностранной монеты, которая поступает в Речь Посполитую и используется населением, по специальному заданию короля подготовил генеральный пробирер Каспер Рыткер (Kasper Rytkier). В 1600 г. он издал брошюру под названием: «Wizervnk y szacunek mynic wszelakich cudzoziemskich, iáko które w Koronie Polskiéy bráné y wydawané bydz máią»³. В ней были даны изображения и описание наиболее часто встре-

чающихся иностранных монет, а также указана их рыночная стоимость согласно польской монетной стопе. Титульный лист этой брошюры показан на рисунке 2.

Не достигнув желаемых результатов, король вынужден был перейти в монетарной политике к постоянному снижению содержания серебра в мелких разменных монетах, чтобы приравнять их к актуальному курсу талера. Проводимая девальвация имела цель – не допустить замещения в денежном обращении отечественных мелких разменных монет малоценными иностранными монетами.

В 1604 г. комиссия варшавского сейма решила девальвировать мелкую монету от солида до шестигрошовика. Соотношение номиналов оставалось неизменным, но содержание серебра в расчете на один грош сильно отличалось. В шостаках и трояках оно снизилось до 0,628 г, а в одногрошовиках – до 0,571 г. Самое низкое (0,273 г) было у солидов, выпуск которых оказался рентабельным, но это привело к их обесцениванию и изменению курса солидов по отношению к грошу.

В 1604 г. дукат стал равен 60 грошам, талер – 37 грошам, 1 шостак – 2 троякам = 6 грошам. 1 грош = 3 солидам = 6 тернариям = 9 двуденариям = 18 денариям.

Выпуск мелких разменных монет с содержанием непропорционального количества серебра стимулировал быстрый рост курса талера. Обострение денежного кризиса происходило из-за несоответствия в обмене разных номиналов монет на талер и между собой. Это отражено в таблице 2 в графе «Обменный курс талера в грошах» и в графе «Радио золота к серебру».

Влияние радио на организацию монетного производства

В отдельных странах и даже в отдельных регионах этих стран изменение радио может носить индивидуальный характер. В случае если значения радио, например на территории Речи Посполитой или в ее отдельных городах, где были расположены монетные дворы, превышал средневропейский показатель, монетное производство там становилось малорентабельным или убыточным.

В конце XVI в. на территории Речи Посполитой значение радио заметно снизилось и оставалось ниже средневропейского уровня до конца первой декады XVII в. Это произошло под воздействием массового наплыва в Западную Европу дешевого южноамериканского серебра, приведшего к «революции цен» – резкому росту цен на продукты питания и многому другому. В те годы значение радио в нашей стране было одним из самых низких на европейском континенте. Это указывало на высокую стоимость серебра в международном масштабе. Монетарная политика руководства Речи Посполитой была направлена на привлечение более дешевого серебра из-за границы в обмен на более дешевую сельхозпродукцию и т. п. для выгодного передела полученного серебра в

³ В 1965 г. по инициативе Национального банка Польши и Польского археологического общества было издано факсимиле брошюры 1600 года, которую написал Каспер Рыткер, генеральный пробирер монет на все коронные монеты.

Таблица 2

Монетная ординация Жигимонта Вазы (1587–1632 гг.) за разные годы⁴

Год	Номинал	Из гривны краковской 201,802	Вес монеты	Проба	Вес чистого серебра	Вес чистого Ag на грош	Обменный курс в грошах		Радио Ag: Au
							дуката 3,456	талера 24,324	
1604	Шостак	45,2	4,468	0,844	3,770	0,628	60	38,7	10,9
	Трояк	90,3	2,234		1,885				
	Грош	127	1,580	0,359	0,571	0,571		42,6	9,91
	Солид	381	0,530	0,172	0,091	0,273		89,1	4,74
1608	Орт (10) 1/4 гданьский	29	6,958	0,875	6,089	0,609	69	39,9	12,17
1612	Солид литов- ский	220	0,917	0,172	0,158	0,473	70	51,4	9,58
1614	Полторак коронный	128	1,576	0,469	0,739	0,493	73	49,3	10,42
1615	Орт (10) 1/4 гданьский	30	6,726	0,844	5,676	0,567	74	42,9	12,14
1616	Орт (10) коронный	31	6,427	0,812	5,222	0,522	75	46,6	11,32
	Шостак	52	3,844		3,123				
	Трояк	105	1,922		1,561				
1619	Полторак коронный	164	1,230	0,406	0,500	0,333	80	73,0	7,71
1620	Талер (40) легкий	10	20,180	0,625	12,612	0,315	120	77,2	10,94
1621	Орт (16) 1/5 коронный	28	7,207	0,687	4,955	0,309		78,7	10,73
1623	Орт (18) 1/5	28	7,207	0,453	4,955	0,275	140	88,45	11,14
	Шостак	50	4,036		1,829			0,305	78,7
	Трояк	100	2,018	0,914	0,300	81,0			12,16
	Полторак	168	1,201	0,375	0,450	0,300		84,7	11,63
	Грош	193	1,045	0,275	0,287	0,294		96,5	10,21
	Солид	300	0,672	0,125	0,084	0,252			
1627	Талер	7	28,829	0,875	25,225	0,315	150	77,22	13,67

местную монету и всячески тормозила его отток из страны, главным образом в Московию, где цены на серебро были еще выше.

В первой декаде XVII в. произошли резкие изменения радио, соотношения стоимости золота к серебру, особенно сильно во Львове и в Кракове. Производство монет по ранее принятой (действующей) ординации стало малорентабельным или убыточным и было приостановлено (1601 г.). Введение новой монетной ординации (1604 г.), значительно снизившей содержание серебра в монетах, особенно мелких, не дало желаемого результата.

К концу первого десятилетия радио во многих городах Речи Посполитой приблизилось и даже превысило среднеевропейское значение. Серебро временно подешевело. Но это длилось недолго. Уже в 1613 г. значение радио во Львове, в Кракове, Варшаве и других городах вернулось к предыдущим значениям, спрос на серебро превысил предложение (рисунки 3).

В эти годы самые незначительные колебания цен на серебро и наименее удаленные от среднеевропейского значения радио наблюдались в Гданьске, одном из основных путей поставки на территорию Речи Посполитой дешевого нидерландского серебра,

⁴ Mikolajczyk, A. *Obieg pieniądza w Polsce Środkowej w wiekach od XVI do XVIII* / A. Mikolajczyk. – Łódź, 1980. – S. 41.

получаемого в результате активной торговли зерном (пшеница и рожь). Не случайно именно тут в 1608–1621 гг. на городском монетном дворе Гданьска было организовано производство ортов, равных $\frac{1}{4}$ талера, в то время – 10 грошам. Там же чеканили тернарии (1613 г., 1616 г.), гроши (1616 г.) и золотые дукаты.

Но вернемся к *таблице 2*. С 1614 г. в Кракове и Быдгощи начинается эмиссия полторака коронного. Его литовский аналог появился только в 1619 г., а рижские полтораки – в 1620 г.

С 1615 г. в Кракове начали чеканку крейцеров по образцу габсбургских монет для нужд торговли с Силезией. Крейцеры соответствовали стоимости полтораков. Это была кратковременная продукция, закончили ее чеканку уже в 1618 году. Также не указанные в монетной ординации коронные полугроши в 1620 году чеканили в Быдгоще.

В 1616 г. была прекращена чеканка гроша (хотя он остался в обращении). Трехгрошовики по новой стопе начали чеканить в 1619 г., а шестигрошовики – лишь в 1623 г. Основной отечественной монетой в денежном обращении являлись полтораки коронные и солиды.

В 1620–1622 гг. велась чеканка нового номинала – «талера золотого», который был равен польскому золотому. Новая монета имела лотовую пробу X, лигатурную массу 19,77 г и содержание чистого серебра 12,356 г.

В 1620 г. сейм установил максимальные цены дуката и талера, ввел запрет брать «червонных золотых» по цене выше 4 злотых, талеров «старых» выше $2\frac{1}{2}$, а новых «золотых» более 37 грошей. Но это не остановило рост стоимости талера.

В 1623 г. проведена девальвация монет достоинством от солида до шестигрошовика, в том числе гроша, который потерял половину своей стоимости. Возобновлена массовая чеканка монет, открылись ранее закрытые монетные дворы. И только после согласования своих действий с соседней империей Габсбургов в Речи Посполитой удалось нормализовать денежную ситуацию. В 1627 г., опасаясь новой биллонной инфляции, в Речи Посполитой прекратили чеканку мелких монет.

* * *

В результате проводимых реформ в обращении находились одноименные номиналы монет, имеющие разное содержание серебра, но монеты, содержащие недооцененный драгметалл, который на рынке стоил дороже, стихийно изымались из оборота для последующей реализации разницы между ними в драгметалле. Монеты с большим его содержанием либо попадают в переплавку и превращаются в товарные слитки, либо уходят за границу или оседают в качестве сокровища. Это снижало эффективность проводимых реформ.

Разнообразие курсов талера, выраженных в разных номиналах мелких монет, влияло на цену серебра в монетах и делало разным значение ratios золота к серебру, рассчитанное в талерах или иных разменных монетах (последние значения обычно были завышены). Ординации 1604, 1616, 1623 гг. нивелировали эти различия, придавая серебру, содержащемуся в мелких монетах, реальную стоимость по

Рацио золота и серебра в разных городах Польши в 1600–1640 гг.

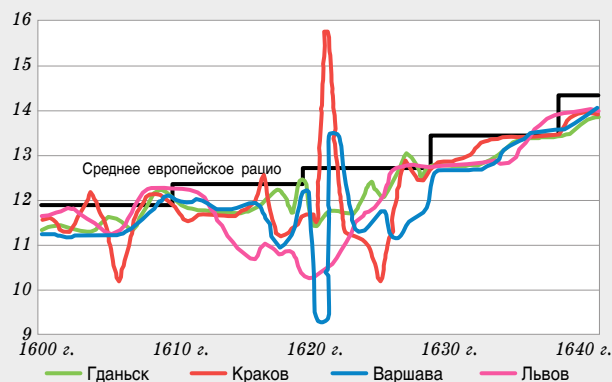

Рисунок 3

отношению к золоту. С этой точки зрения эти ординации были хорошо продуманными решениями.

Несколько слов о золотых монетах. Удорожание серебра в польских монетах повлияло на значение ratios золота к серебру, и на местный рынок стало поступать более дешевое золото взамен на серебро. В это время была организована массовая чеканка не только дукатов, но и их кратности: 2, 3, 4, 5, 10, 15, ... 20, 30 и даже 100 дукатов.

Иностранные монеты в кладах Принеманского края

Анализ кладов, выявленных в Принеманском крае, показывает, что в конце XVI в. иностранные монеты составляли небольшой процент в общей массе монет, находившихся в денежном обращении на указанной территории. В основном это были монеты Пруссии, Силезии, Венгрии, в небольшом количестве старые пражские гроши, а также монеты Курляндии и Трансильвании. К началу XVII в. все более заметным стал отток местных полноценных трехгрошовых монет за границу, а также появление на нашем денежном рынке в более значительном количестве иностранных монет из центральных и северо-западных государств Священной Римской (Германской) империи.

В трех наиболее крупных и полных кладах Принеманского края 1-й четверти XVII в. (Княжеводцы 1614/1953; Макеевцы 1624/1997; Зачепичи 1627/1956) описаны монеты около 50 стран, выпущенные от имени более 60 правителей в XVI в. – начале XVII в.

Судя по стране происхождения, выявленные монеты поступали к нам по нижеперечисленным серебряным потокам:

- в начале XVII в. серебро в виде лома и монет поставляли многочисленные поставщики монетных дворов с территории Священной Римской (Германской) империи через Силезию. Немецкие монеты попадали в тигли, а также в денежный оборот Речи Посполитой. В монетных кладах нашего региона заметное место занимают монеты Силезии, немного монет Австрии и Чехии. Но львиная доля в кладах Принеманья – это

Таблица 3

Монетная ординация Густава II Адольфа для Риги от 05.10.1621 г. и 1624 г.

Год	Номинал	Из гривны краковской 201,802	Вес монеты	Проба	Вес чистого серебра	Вес чистого Ag на грош	Обменный курс в грошах		Рацио Ag: Au
							дуката 3,44	талера 24,324	
1621	Полторацк	164	1,231	0,406	0,500	0,333	120	73,0	11,57
	Солид	220	0,917	0,172	0,158	0,473		51,4	9,58
1624	Полторацк	168	1,201	0,375	0,450	0,300	140	81,0	12,16
	Солид	300	0,672	0,125	0,084	0,252		96,5	10,21

монеты почти 30 стран Германской империи. За редким исключением в наши клады попали старые добротные монеты. По-видимому, худшие оставались в денежном обращении; второй путь поступления серебра и западноевропейских монет, в том числе из западной Померании, проходил через Гданьск благодаря активной торговле пшеницей с Нидерландами. В нумизматической литературе есть упоминание о массовом вывозе в 1607–1610 гг. трояков и иных монет, а также серебра из Гданьска и иных городов в Западное Поморье, где перечекаивали их в поморские гроши и направляли обратно в Польшу;

- третий путь притока серебра проходил через Карпаты, откуда поступало венгерское серебро и монеты, в основном венгерские денарии. Карпатское серебро со времен Стефана Батория обеспечивало потребности в драгметалле многих коронных монетных дворов. Затем оно (в основном в виде трояков) возвращалось обратно за Карпаты. Трояки служили «торговыми монетами», т. е. международной валютой, что было выгодно для Польши. Они поступали на монетные рынки Словакии, Венгрии, Трансильвании и Молдавии. Среди монет этого региона в гродненских кладах преобладают венгерские денарии XVI века;
- четвертым источником поступления серебряных монет была Московия. Во второй декаде XVII в. русские копейки и денги появились в денежном обращении Принеманского края. Это были монеты, битые от имени Ивана Грозного (1533–1584 гг.), Федора Ивановича (1584–1598 гг.), Бориса Годунова (1598–1605 гг.), Дмитрия Самозванца (1605–1606 гг.), Василия Шуйского (1606–1610 гг.), Шведской оккупации Новгорода (1611–1617 гг.), Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). Их появление на территории Великого Княжества Литовского связано с войной Речи Посполитой с Московским царством (1609–1618 гг.).

Отдельное место в денежном обращении Речи Посполитой занимали монеты Пруссии и Швеции. После прекращения в 1627 г. чеканки польской разменной монеты доля иностранной монеты в обра-

нии снова увеличилась – в основном за счет эмиссий шведской Прибалтики, а также Пруссии.

Монеты шведской Прибалтики

Завоевание в 1621 г. Ливонии предоставило шведам оказию для использования действовавшего в Риге городского монетного двора. Густав II Адольф Ваза (1621–1632 гг.) санкционировал использование в ней польской монетной стопы, обеспечивающей битым там монетам обращение на территории Великого Княжества Литовского и Короны.

По ординации 1621 г. в Риге стали чеканить солиды и полтораки по литовскому и польскому образцам. С изменением в 1623 г. польской монетной ординации подконтрольная шведам Рига в 1624 г. изменила стопу монет, продолжая чеканку монет штемпелями-подражаниями, но с более низким содержанием серебра (таблица 3). К 1633 г. содержание серебра в рижских солидах снизилось наполовину.

В 1627 г. в Речи Посполитой прекратили чеканку мелких монет, что открыло широкую дорогу для массового вывоза на польский денежный рынок мелких монет, битых шведами в Риге и Эльбленге.

Указанные шведские ординации на практике не соблюдались, содержание серебра в монетах занижалось. Чеканка и экспорт в Речь Посполитую полтораков и солидов были рентабельными. Во время военных действий деньги и товарообмен производились через Курляндию.

Монеты Пруссии

Монетарная реформа в Речи Посполитой, проведенная Стефаном Баторием в 1580 г., была в 1586 г. позаимствована прусским герцогом Георгом Вильгельмом (1578–1603 гг.) с небольшими метрологическими отклонениями: прусские трояки содержали немного больше серебра, чем польские, а гроши и солиды немного меньше. Следуя примеру Польши, в 1614 г. Иоанн Сигизмунд (1608–1618 гг.) ввел в Пруссии новый монетный номинал – полтора гроша. После прекращения в 1627 г. производства мелких номиналов монет в Речи Посполитой Пруссия также прекратила чеканку аналогичных монет.

«Старая денга московская» (русские монеты трехрублевой монетной стопы на рынке ВКЛ в XVI–XVII вв.)

Виктор МАЛЕЖИК

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество»

Изучая хождение русской монеты на рынках Великого Княжества Литовского и анализируя клады первой половины XVII столетия, содержащие в своем составе эту группу монет, стоит обратить внимание на некоторую особенность, которая выражалась в преобладании в этих комплексах русских монет, отчеканенных по нормам установленной при Иване IV (1533–1584) трехрублевой монетной стопы. Это явление казалось странным, так как ко времени выпадения этих кладов данный тип монет в стране-эмитенте – Московской Руси изымался из оборота. Это натолкнуло на мысль об особом отношении населения Речи Посполитой к этой группе монет.

В белорусской нумизматике некоторое время бытовали своеобразные взгляды на русскую проволочную монету как на инородное вкрапление в денежной системе ВКЛ, порожденное рядом военных конфликтов. Такой интерес к этой денежной единице был по-своему справедлив, однако закономерно отражал в большей степени механизмы поступления монет на наш рынок, который по своей сути должен был их отвергать. Таким образом, мы входили в некое противоречие. С одной стороны, эта монета

считалась инородной, с другой – имелась фиксация (в документах и кладах) некой востребованности.

В своих исследованиях автор пошел от противоположного и посмотрел на монету как на инструмент рынка. Механизмы поступления этого инструмента – вопрос вторичный, хотя и немаловажный. Деньги призваны выполнять предназначенные им функции, и если определенный их вид присутствует на чужеземном рынке, что подтверждается находками и упоминаниями в исторических документах, значит этот инструмент работает, и его необходимо рассматривать исключительно с этой точки зрения. Ранее автором был проведен анализ кладов, обнаруженных в разное время на территории Гродненской области, в составе которых присутствовала русская проволочная монета. Анализ подтвердил правильность выбранного направления исследований и констатировал на том этапе выявленную особенность наличия этих монет в «торговых кладах» и, соответственно, присутствие их востребованности в социальной группе торговых людей [5].

Необходимо сразу обратить внимание на упомянутое В.Н. Рябцевичем решение одной из комиссий состоявшегося в сентябре 1616 г. Варшавского сейма Речи Посполитой, которое, с нашей точки зрения, крайне интересно для нумизматов, изучающих денежное обращение на белорусских землях. Решение сводилось к изъятию на рынках страны «злых»¹ зарубежных монет, при этом часть монет из изъятия исключалась. В эту группу кроме пражского гроша и венгерских динариев входили «старые денги московские» [11; 12].

При беглом взгляде на это решение и на перечень исключений бросается в глаза то, что указанные в исключениях монеты изготавливались из высококачественного серебра. А вот почему законодатель отнес к этой группе именно «старую денгу», мы рассмотрим ниже. В этом решении кроется развязка вопроса востребованности русских монет трехрублевой стопы, которые в лексиконе русского и литовского рынков получили наименование «старых».

Начало «эры копейки». Денга или копейка

Следует обозначить, что русская проволочная монета начинает поступать на территорию ВКЛ в конце XV – начале XVI столетия и, судя по всему, является инструментом приграничной торговли. На это четко указывает известная концентрация находок

¹ Монеты, которые с точки зрения законодателя признавались вредными для денежного рынка.

этих монет в восточных областях Беларуси и полное их отсутствие на западе страны. Преимущественно это единичные находки, которые в настоящее время требуют систематизации и отдельной публикации.

В 1535 г. русское правительство провело денежную реформу (вошедшую в историю как «реформа Елены Глинской»²), в ходе которой начинается чеканка новых монет. С этого момента функционирование денежной системы Московской Руси обеспечивается серебряной копеей с весовой нормой 0,68 г (рисунки 1 и 2), денгой с весовой нормой 0,34 г (рисунок 3) и полушкой, весовая норма которой составляла 0,17 г (рисунок 4). Таким образом, данная чеканка осуществляется по нормам трехрублевой монетной стопы (три рубля из гривенки серебра массой 204 г).

Именно эта колоссальная по своим масштабам денежная реформа выводит на денежный рынок России копейку, которая стала основным денежным номиналом этого государства почти на два столетия. Тогда почему мы ведем речь о денге? Если обратить внимание на денежные счисления в рассматриваемом в этой статье периоде, то мы также в большинстве случаев имеем дело именно с денгой [3].

Сразу следует сделать отступление и разъяснить, что на территории Московской Руси наименование денежной единицы «копейка» появляется немного позже начала реформенной чеканки и в обиходе приживается довольно долго. В денежном лексиконе на территории самого Московского царства понятие «копейка» закрепляется только к концу XVII столетия [6]. А до этого данная монета именуется денгой Новгородской («новгородкой»). За денгой (1/2 копейки) закрепляется наименование «московка». Схематично это выглядело таким образом:

Счетная денга = денга «новгородка» (копейка) = 2 денги «московки».

Соответственно, счетные понятия полтина (50 денег), гривна (10 денег), алтын (3 денги) также привязаны к счетной денге, имевшей физическое воплощение в денге «новгородке», которая постепенно в течение нескольких десятилетий принимает наименование «копейка».

Поэтому не удивительно, что в документах Великого Княжества Литовского чаще всего упоминается именно денга, которая, в свою очередь, ввиду незначительности номинала в более крупных расчетах рассчитывается в системе счетных понятий.

Вплоть до денежной реформы русского царя Петра Алексеевича в Московской Руси используется денежный счет в системе рубль – алтын – денга. Именно в этой системе разработаны средневековые счисления. В датируемых XVII в. рукописях «Счетной мудрости», которые являлись наставлением в постижении счетной науки, до нас дошло описание русского «дощаного счета». В одном из списков этого наставления (рукопись ГПБ; Q. IX. 14) появляется интересное описание исчислений в виде рубль – алтын – денга – полуденга: «Хош ли доспети дощаной счет по чему тебе класти денежной и весовой и хлебный счет как рубли и алтыны денги и полуденги...» [14]. Здесь четко дается понятие о счете «московки» как полуденги с использованием этого номинала как счетной единицы.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

В ВКЛ минимальной счетной единицей (исходя из документальных упоминаний) является денга. Полуденга («московка» либо денга в позднем варианте исчислений) является обслуживающей счетную денгу монетой и как счетное понятие практически не используется. А вот русская полушка совсем редкое явление, и в литовских расчетах она практически не участвует. Полушка не тезаврируется, и единичные находки этих монет довольно редки.

Исходя из известных упоминаний русской денежной единицы в документах ВКЛ на территории Литвы мы видим в том числе и счисления именно в этой системе денежного счета. Литовские торговцы активно проводят операции с русской денгой, используя счетные понятия: рубль, полтина, гривна, алтын и собственно денга. Первые известные упоминания копейки на наших землях относятся к 1620 г.

² Елена Глинская была матерью Ивана IV (Грозного) и являлась регентом во время проведения денежной реформы.

[4]. Только с этого времени, по всей видимости, на рынке ВКЛ и начинается использование наименования данной денежной единицы. Хотя появление этого термина в денежном лексиконе на наших землях может иметь и более раннюю датировку, так как оно однозначно увязано с оперированием деньгами на рынке Московской Руси. Само по себе введение термина «копейка» ничего в системе денежного счета не меняло.

Что же подразумевается под понятием «денга московская»? К какому именно номиналу следует относить это часто встречаемое в ВКЛ определение?

Обратим внимание непосредственно на конкретные упоминания этого понятия в документах ВКЛ. Когда речь заходит о русской монете в счетных понятиях, исчисление дополняется уточнением, в какой монете идет счет – «денги московские». Так, в случае упоминаний крупных расчетов в счетном рубле зачастую идет уточнение «...рублей денег московских». Именно как уточнение, в какой денежной единице идет счет, и существовало это выражение.

В подтверждение сказанного можно упомянуть заемное письмо от 6 декабря 1587 г. [2], которое регулировало расчет при осуществлении сделки купли-продажи между Иваном Моисеевичем и Яцко Овхимовичем. Суть сделки состояла в покупке 2 коней за 20 рублей денег московских с обязательством выплатить эту сумму в Могилеве по 80 грошей литовских за рубль. В этом письме кроме четкого указания на соотношение денги к литовскому грошу как 1:0,8 (отмечено В.А. Кобринцом) речь явно идет о расчете «новгородками» (копейками), которые именуются в письме «денгами московскими» и в которых исчислялся счетный рубль. В этом состоит некоторая особенность литовского финансового лексикона.

Денежная система ВКЛ до унификации выглядела следующим образом: 1 счетный рубль = 100 «широким» грошам, 1 грош = 10 пенязям, 1 пенязь = 2 ободам. Таким образом, в рублево-грошовом счете ВКЛ требовалось уточнение, в какой монете ведется счет, когда дело касалось русской денги как инородной денежной единицы. Этот же принцип применялся и при оперировании счетными понятиями копа (60 грошей), а также злотога (30 грошей) в польской денежной системе в следующем виде: 1 счетный злотый = 30 «узким» грошам, 1 грош = 3 шелягам, или 18 денарам. Однако во всех случаях при исчислениях «денга московская» всегда привязана к грошу, т. е. счетному понятию, имеющему воплощение в монете. Таким образом, при оперировании счетными понятиями окончательная котировка ведется в системе «грош – денга».

Приставку «старая» денга получила после 1613 г., когда денежная система Московского царства после избрания царем Михаила Федоровича Романова (1613–1646) перешла на чеканку по 4-рублевой монетной стопе. Массовая перечеканка старых монет на монеты по новым нормам и обмен старой монеты «с наддачей» закрепили за монетами трехрублевой монетной стопы наименование «старые». Судя по всему, эта особенность денежного лексикона приходит и в ВКЛ. В группу «старых денег» входят монеты, отчеканенные при Иване IV Грозном (1533–1584), Федоре Ивановиче (1584–

1598), Борисе Федоровиче Годунове (1598–1605), Лжедмитрии I (1605–1606), Василии Ивановиче Шуйском (1606–1610). Средний вес копейки при чеканке этими правителями неуклонно снижался, однако их чеканка входила в понятие 3-рублевой стопы. Минимальный средний вес копейки при Василии Шуйском составил 0,62 г, что соответствовало монетной стопе около 3,3 рубля из гривенки серебра. Остаются под вопросом монеты Владислава Жигимонтовича (1610–1612), так как их весовая норма в ходе чеканки менялась четырежды и в 1612 г. фактически приблизилась к 4-рублевой монетной стопе. К этой же группе можно отнести монеты, отчеканенные шведской оккупационной властью в Новгороде в 1611–1617 гг., которые в белорусских кладах представлены довольно широко по причине активных торговых связей в Прибалтийском регионе [5]. По всей видимости, они также относились к группе «старых», на что указывает их присутствие в кладах, в которых монеты 4-рублевой стопы отсутствуют.

Дальнейшее изучение документов того времени может выявить новые особенности литовского лексикона по отношению к русской монете. Однако основной вывод можно свести к тому, что при осуществлении сделок, когда речь шла о расчетах русской монетой, литовские торговцы вели счисление именно в системе, принятой для этой монеты с дальнейшим переводом в местную валюту по существовавшим котировкам. Таким образом, русская монета не являлась заменителем какого-либо номинала в денежной системе ВКЛ (как некоторые иноземные монеты в истории этой денежной системы), а имела обособленный характер хождения на рынке именно как иноземная монета.

Денежная и товарная функции русской проволочной монеты

Разобравшись в своеобразном финансовом лексиконе и системе счета, нам необходимо перейти к самому важному моменту, позволяющему определить само положение русских денег на рынке Речи Посполитой как инструмента. На это положение нам могут указать только функциональное предназначение, стоимость этой монеты и ее востребованность в зависимости от условий денежного либо товарного рынка. Что же такое русская монета – средство расчета в финансовых операциях на территории нашего государства или это товар в форме драгметалла, спрос на который менялся в зависимости от экономических и политических условий?

Вывести буквальное курсовое соотношение русской денги (копейки) во временном и географическом положении фактически невозможно по причине множества факторов, влияющих на это. Исходя из этого для анализа положения русских монет на рынке нами взято за основу стоимостное выражение монеты в содержании драгметалла. Русская копейка всегда рассматривалась торговцами как источник «чистого серебра», и ее стоимость, конечно, определялась этим условием. В данной работе представлена таблица соотношений копейки к различным номиналам монет Речи Посполитой, которая довольно ярко демонстрирует ее положение в этой

денежной системе на различных этапах нахождения в обороте рассматриваемого временного промежутка (таблица 1).

В 1580 г. завершилась затянувшаяся унификация польской и литовской денежных систем Речи Посполитой. Универсал короля Стефана Батория (1576–1586) от 1 января 1580 г. установил предписанное унией 1569 г. введение общегосударственных стандартов денежной системы, фактически завершив робкие попытки этой реформы, имевшие место в течение двух десятилетий. Литовская монета девальвирует до общегосударственного уровня, вводится монетная система, состоящая из 11 номиналов. Этот же универсал определяет монетную стопу.

Во второй половине XVI в. на рынок Речи Посполитой начало поступать относительно дешевое южно-американское серебро из Западной Европы. Среднеевропейское ратю (соотношение стоимости золота к серебру) составляет 12,0, в то время как в Речи Посполитой этот показатель находится в пределах 11,2–11,6, согласно данным А. Миколайчика [18], либо 10,8 исходя из расчетов, произведенных по сведениям, содержащимся у М. Гумовского [15]. Более низкий показатель ратю говорит о более высокой стоимости серебра, что явилось залогом успеха в обеспечении им монетных дворов. Однако стоимость серебра в соседней Московии была еще выше.

На основании представленных расчетных показателей мы видим, что по состоянию на 1580 г. стоимость русской копейки фактически находилась в пределах 1 польского гроша, или 0,8 литовского (до унификации). Идеальное курсовое соотношение равнялось 0,954 польского гроша за копейку (таблица 1), или 0,764 литовского гроша. Таким образом, копейка в это время занимает не очень устойчивое положение по отношению к польскому и литовскому грошу, что обуславливало небольшие колебания

курса при осуществлении сделок. Тем более что фактический вес монет незначительно, но отличался от номинального. Небольшие колебания курсовой стоимости копейки в этой ситуации должны были иметь место. На это могли влиять самые разнообразные факторы, начиная от стоимости серебра в определенном регионе на фоне каких-либо политических либо экономических событий и заканчивая личным интересом получения выгоды торговцем, ростовщиком либо менялой.

Стоимость талера в это время составляла 35 польских грошей [15]. При этом идеальная стоимость талера в русской монете была 37,28 копейки (24,31/0,652) исходя из содержания чистого драгметалла в этих денежных единицах, тогда как государственная (уставная) стоимость талера в Московской Руси на рубеже XVI–XVII вв. составляла 36–36,5 копейки и 38–38,5 копейки получал заказчик при сдаче талеровой монеты в передел [7].

Таким образом, в конце XVI столетия копейка была очень дорогой денежной единицей в денежной системе Речи Посполитой. Если фактический обменный курс копейки равнялся 1 польскому грошу, то рыночная стоимость талера в Литве составляла 35 копеек.

В 1600 г. стоимость талера поднимается до 37 польских грошей. Эта цена фактически сравнялась с реальной пропорцией копейки к талеру в чистом содержании драгметалла. Благодаря небольшому понижению веса гроша до 1,6 г копейка поднимается в стоимости до 1,135 гроша и начинает и в дальнейшем занимать устойчивую позицию к этой денежной единице благодаря неизменным показателям высокой пробы серебра. Даже колебания в сторону уменьшения веса копейки в первом десятилетии XVII в. не отбрасывали ее стоимость ниже 1 гроша (таблица 1).

Таблица 1

Соотношение содержания чистого серебра в монетах Речи Посполитой и России в конце XVI в. — первой четверти XVII в.

№ п/п	Номинал	Период чеканки	Вес брутто (г) (номинальный)	Проба	Чистый вес драгметалла (г)	Теоретическое содержание драгметалла в расчетном гроше (г)
1	Копейка (3-руб. стопа)	1535–1610	0,68	0,960	0,652 (0,595 при стопе 3,3 руб.)	
2	Копейка (4-руб. стопа)	1613–1626	0,51	0,960	0,531	
3	Грош (коронный)	1577–1600	1,904	0,359	0,683	
		1600–1615	1,6	0,359	0,574	
		1623–1627	1,0	0,359	0,281	
4	1,5 гроша	1614–1619	1,6	0,469	0,750	0,500
		1619–1622	1,23	0,406	0,499	0,332
		1623–1627	1,2	0,375	0,45	0,3
5	3 гроша	1579–1607	2,44	0,844	2,059	0,686
		1618–1622	1,92	0,812	1,559	0,519
		1623–1627	2,02	0,453	0,915	0,305
6	6 грошей	1623–1626	3,6–4,0	0,453	1,630–1,812	0,271–0,302

Примечание. Данные по польской чеканке – Э. Копицкий [16].

Купцам было выгоднее продавать талеровую монету в Московии, получая большую выгоду, чем обменивать монету на рынке. Русское правительство, прекрасно владея ситуацией на рынке и умело манипулируя запретительными мерами и высокой стоимостью серебра при его реализации на монетном дворе, привлекало в страну, не имеющую своих серебряных рудников, данный товар. Исследователь, рассчитывая курсовые особенности денег исходя из стоимости серебра на взаимодействующих рынках даже при существующей разнице между установленными нормами чеканки и некоторыми отклонениями на практике, приходит к довольно ясным представлениям о положении «пришлой» монеты на нашем рынке. Мы отчетливо видим, что в конце XVI – начале XVII столетия для поступления больших объемов русской проволочной монеты на рынок ВКЛ просто нет ни условий, ни необходимости. Кроме того, стоимость серебра в Московском царстве категорически препятствует оттоку монеты в Литву.

При всех этих «неблагоприятных» обстоятельствах русская проволочная монета активно обращается и находит своего потребителя благодаря широким торговым связям в порубежных сделках. Автор считает, что огромным толчком к появлению на рынке ВКЛ русской монеты в конце XVI столетия явились интенсивно развивающиеся кредитные отношения. Распространение и развитие ростовщичества способствовало активизации договорных отношений. Практически все кредитные соглашения регистрировались в городских магистратских книгах в форме записей о долговых обязательствах, исков по невозвращенным ссудам, решений о передаче имущества по невозвращенным долгам. Русская монета в этих договорах выступает не только объектом сделки, но и зачастую обеспечением в форме залога [4].

Свою роль в распространении русской монеты сыграл запретительный характер русского законодательства в части полного исключения хождения иностранной монеты на рынках Московии. Как и отмечалось выше, серебро в талеровой монете либо изделиях подлежало сдаче в передел, после чего торговец, сдавший серебро, получал определенную установленную государством сумму в русской монете. Пошлины также оплачивались русской монетой. Соответственно, торговля на рынке имела преимущественно расчет русской монетой, что, естественно, стимулировало ее оборот и на территории соседней Литвы, несмотря на то, что стоимость серебра здесь была ниже. С современной точки зрения не является удивительным упомянутый В.Н. Рябцевичем факт «активности» русских денег на рынке ВКЛ начиная с 90-х гг. XVI столетия, так как эта «активность» отражена в частично сохранившихся документах приграничного Могилевского магистрата.

Кроме того, заключение Тявзинского мира в 1595 г. оживило торговлю в Балтийском регионе, а также торговые связи северо-западных районов России с Литовскими землями [5].

Таким образом, к началу XVII в. русская проволочная монета, чеканка которой началась в ходе денежной реформы Елены Глинской по нормам трехрублевой монетной стопы, заняла свою

небольшую нишу на рынке ВКЛ как инструмент приграничной международной торговли и кредитных отношений. К этому времени начавшаяся при Стефане Батории чеканка трехгрошовиков по нормам польской монетной стопы из высокопробного серебра (844 пр.), поступающего из Европы южноамериканского сырья, продолжавшаяся до 1608 г., обеспечила европейский рынок конкурентоспособной монетой и сделала ее крайне популярной для тезаврации. Это подтверждается кладами, датированными последними годами XVI в. – началом XVII в. Данные кладовые комплексы в большей части содержат трехгрошовики Речи Посполитой с небольшой примесью литовских полугрошей. Как показывает кладовый материал, русская проволочная монета в тезаврации местных кладов не участвует. Исключения составляют комплексы русских монет, имеющие признаки их формирования в самой России. «Смутное время» на территории восточного соседа не могло не оставить свидетельств заработков отчаянных людей, искавших возможность разбогатеть во время кризиса в соседнем государстве. Эти клады выпадали вплоть до конца 10-х гг. XVII в. и являются следами возвращавшихся домой разного рода служилых людей.

Ситуация меняется в 1610-х гг. Стоимость серебра в Речи Посполитой отличается нестабильностью. Поднявшееся до европейского показателя к 1610 г. ратио, начинает падать до показателя 11,0 при увеличении среднеевропейского до 12,3–12,5. Ратио в Кракове могло существенно отличаться от этого показателя в Варшаве или во Львове, и эта ситуация наблюдается до конца 20-х гг. XVII в. [18], на что оказывали влияние взаимосвязанные между собой экономические, политические и религиозные факторы. Так или иначе стоимость серебра в Речи Посполитой растет. В 1607 г. цена талера составляла 40 грошей, в 1615 г. – 44 гроша (в грошовой монете), в 1616 г. 45 грошей (в полторагрошовой монете), а в 1619 г. – 50 грошей. В 1611 г. эквивалент золотого дуката в серебряной монете (из расчета содержания чистого драгметалла) составлял 37,45 г, в 1616 г. – 30,37 г, а в 1619 г. – 28,08 г [15]. В то же время цена ефимки (талера) в Московском царстве поднимается до 48–50 копеек в «новой» (с 1613 г.) монете и сохраняется на этом уровне до 30-х гг. XVII в. [10]. Таким образом, при котировке польского гроша к талеру как 1:50 (1619 г.), 1:60 (1620 г.) [15] мы можем предположить, насколько выгодным товаром являлась «старая» русская монета и какие возможности возникают у торговцев, оперирующих этим товаром. Сделки с «русским» серебром, судя по всему, носили довольно сложный характер оперирования дорогим драгметаллом в условиях обмена «старых» русских денег на «новые» и нестабильности рынка серебра в Речи Посполитой.

В 1614 г. начинается чеканка полторагрошовиков массой 1,6 г из серебра 469 пробы. До этого времени в Речи Посполитой чеканятся коронные гроши по установленной ранее монетной стопе. На Виленском монетном дворе грошовой монета чеканится по 1615 г. включительно, после чего ее чеканка прекращается до 1621 г. Русская копейка, отчеканенная по нормам трехрублевой монетной

стопы, еще продолжает вписываться в нормы польского гроша. Однако, как видно из представленной таблицы (таблица 2), стоимость копейки уже составляет 1,3 гроша в полторагрошовой монете. При этом увеличение монетной стопы в Московии с приходом к власти Михаила Федоровича Романова в 1613 г. до 4 рублей привело к разбежке в котировке гроша и копейки. Новая русская копейка в чистом содержании серебра не дотягивала до 1 гроша в содержании драгметалла.

На этом временном рубеже рынок среагировал на ухудшение показателей копейки и как следствие – упомянутое выше решение о фактической легализации «старой денги московской», т. е. полновесной монеты, отчеканенной по нормам трехрублевой стопы, идеальная стоимость которой уже в начале 20-х гг. XVII в. составляет 2 гроша за «старую денгу» (копейку), при том, что в «новой» монете идеальная стоимость составляет 1,5 гроша, а если учесть порчу «новой монеты», и того меньше. По всей видимости, в это время появляется множественность курсов русской монеты.

Однако некоторые обстоятельства продолжают ее удерживать на рынке, и основное из них – это появление востребованности московского серебра в монете.

Уже в 1615 г. шведский король Густав Адольф, обосновывая необходимость чеканки подражаний русским монетам, пишет, что они должны быть лучше тех, которые чеканят в Москве «...и они могут пойти не только по всей России наравне с другими, но и в Польше и в Литве, а так же в Данциге и Риге и других Поморских городах» [5].

В прошлых работах мной уже цитировалось относящееся к 1620 г. известное упоминание о вывозе русской монеты как металла из Московской Руси: «Из Московского государства возят к себе старья денги, чистое серебро» [5]. Здесь кроме востребованности русской монеты как товара в виде драгметалла четко видна востребованность именно «старой денги».

«Порча» русской копейки продолжалась на протяжении всего правления Михаила Федоровича

Романова, включая и понижение веса (с 1618 г.), и чеканку с заниженными нормами веса и пробы серебра на Ярославском денежном дворе (с 1619 г. по 1630-е гг.), и официальное повышение стопы, и понижение пробы серебра в 1626 г. С введением новой технологии плавки серебра, при которой не выжигались примеси, металл русской копейки стал соответствовать пробе талеров, из которых они производились. Соответственно, с этого времени проба металла русских монет становится не только ниже, но и нестабильнее.

Все это привело к особому отношению торговцев ВКЛ к «старой денге московской» и образованию своеобразного рынка этой монеты к 20-м гг. XVII в. Такое положение монет трехрублевой монетной стопы продержалось до середины XVII в., что подтверждается в том числе и кладовым материалом.

Участие в тезаврации

В настоящее время неурегулированность правовых вопросов фиксации и сохранения кладов негативно отражается на исследовательской работе. В этой статье автор считает необходимым осветить в том числе и результаты начатой ранее работы по фиксации кладов на электронные носители с целью сохранения информации для будущих исследований. Таким образом, возможно сохранение комплексов, которые по объективным причинам уходят навсегда. Ниже представлены примеры наиболее типичных (в том числе и ранее не публиковавшихся) комплексов, отражающих саму суть содержания русской монеты в кладах, найденных на белорусских землях в рассматриваемом временном периоде.

Клады, в которых содержатся русские проволочные монеты, можно с уверенностью разделить на два вида: клады, содержащие только русскую проволочную монету («чистые»), и смешанные комплексы. Каждый из этих видов накоплений имеет только ему присущие особенности.

Таблица 2

Теоретическая котировка польского гроша по отношению к копейке на основании показателей содержания чистого драгметалла в различных номиналах монет

№ п/п	Номинал Речи Посполитой	Копейка стопа – 3,0 руб. (копейка – 0,68 г)	Копейка стопа – 3,3 руб. (копейка – 0,62 г)	Копейка стопа – 4,0 руб. (копейка – 0,51 г)
1	Грош			
	1577 – 1600	0,954	–	–
	1600 – 1615	1,135	1,036	0,925
2	1,5 гроша (полтораг)			
	1614 – 1619	1,304	1,190	1,062
	1619 – 1623	1,963	1,792	1,599
3	3 гроша (трояк)			
	1579 – 1607	0,950	–	–
	1618 – 1623	1,256	1,146	1,023
4	6 грошей (шостак)			
	1623 – 1626	2,137	1,950	1,740
		2,158 – 2,405	1,970 – 2,195	1,759 – 1,959

Теперь уже можно сказать, что русские монеты трехрублевой монетной стопы присутствуют в кладовом материале начиная с конца XVI в. Ранее таких кладов не было известно ни в Беларуси, ни на территории Польши. Однако представление об этом меняют два обнаруженных в Витебской области комплекса, связанных, судя по всему, с событиями Ливонской войны (1558–1583) и захватом Иваном IV Полоцких земель (1563–1579). Это два небольших «чистых» комплекса, найденных вблизи г. п. Рассоны Витебской области в 2011 г. и 2012 г. соответственно.

Первый комплекс-кошель содержал в своем составе 82 русские монеты Ивана IV, из которых 21 монета достоинством копейка и 61 монета достоинством денга.

Второй комплекс имел в своем составе 150 монет, отчеканенных также в период правления Ивана IV. В его составе 88 монет достоинством копейка и 62 монеты достоинством денга.

В обоих случаях упаковка монет не сохранилась, так как, по всей видимости, имела матерчатый либо кожаный материал.

Судя по всему, оба сбережения принадлежали людям, служившим в русской армии, которая в ходе Ливонской войны некоторое время находилась на территории современной Витебской области, и являлись частью их денежного содержания.

Здесь необходимо сделать одно уточнение: до настоящего времени русские монеты так и не зафиксированы в смешанных комплексах XVI в. с присутствием монет Речи Посполитой. Можно сделать уверенный вывод, что русская монета в это время в тезаврации данного вида сбережений на наших землях не участвует.

«Чистые» клады первой половины XVII в. имеют тесную взаимосвязь с денежным оборотом на территории Московской Руси, и их составы свидетельствуют о формировании данных комплексов на территории Московского царства с дальнейшим сокрытием без выпуска в денежный оборот.

К такимкладам можно отнести находящийся в полном своем составе в частной коллекции комплекс, найденный в 2006 г. в Чашникском либо Лепельском районе Витебской области (более точное место находки неизвестно). Этот клад содержит в своем составе 303 русские проволочные монеты. Чеканка по правителям представлена следующим образом: Иван IV – 81 экз., Федор Иванович – 47 экз., Борис Федорович (Годунов) – 56 экз., Лжедмитрий I – 17 экз., Василий Иванович (Шуйский) – 36 экз., Владислав Жигимонтович – 5 экз., Шведы в Новгороде – 65 экз., 2-е Земское ополчение – 4 экз., Михаил Федорович (Романов) – 187 экз., денинг (Дания) – 1 экз., неопределенные – 4 экз. Младшая монета – копейка Михаила Федоровича, отчеканенная на Ярославском монетном дворе после 1619 г., Московская чеканка ограничена 1617 г. Таким образом, клад сокрыт, вероятнее всего, если не в конце 1610-х гг., то в начале 1620-х гг. Большое количество копеек, отчеканенных шведской оккупационной властью в Новгороде, указывает на формирование комплекса в северо-западных территориях Московской Руси. Кроме того, состав указывает на явное формирование всего комплекса на территории России.

В смешанныхкладах русская монета появляется в середине 10-х гг. XVII в.

Автором проводился анализ таких кладов на примере нескольких комплексов, найденных в разное время на территории Гродненской области [5]. Это клады из д. Дубно Скидельского района (после 1614 г.), д. Зачепици Дятловского района (после 1627 г.), д. Макеевцы Щучинского района (конец 20-х гг. XVII ст.) и д. Озерница Слонимского района Гродненской области (после 1621 г.). Во всех случаях это довольно крупные клады, обнаруженные в районе речного бассейна «Неманского торгового пути», относящиеся к категории «торговых». При этом во всех случаях мы видим незначительные примеси русских монет. Вкладах широко представлена разменная монета соседних европейских государств. Был сделан вывод о том, что русская проволочная монета, имевшая востребованность в среде торговцев, присутствует в ихкладах, однако в денежном обороте ВКЛ она практически не участвует.

Те же тенденции отмечаются и вкладах, зафиксированных в Польше. Русская монета в этихкладах – очень редкое явление, и ее количество в них колеблется в пределах одного десятка экземпляров, при том что она присутствовала в 5кладах из 424 зафиксированных [17]. Конечно, говорить о востребованности русских монет непосредственно в денежном обороте Речи Посполитой в данной ситуации не приходится. Отдельно стоит «чистый» комплекс из-под Конины (Польша), содержащий в своем составе 263 монеты Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I [17, клад № 261]. Чеканка представленных вкладе монет ограничена 1606 г., и, по всей видимости, клад представляет собой накопления вернувшегося из «Московского похода» военного, который привез с собой «чистое серебро» в виде русских монет.

В то же время явление русской монеты в небольшихкладах разменной монеты присутствует на восточных землях ВКЛ. На этих территориях совершенно понятно фиксируется повышенное содержание русских проволочных монет, которые свидетельствуют об активных торговых связях рынков ВКЛ и Московской Руси. Подтверждением тому может служить очень интересный клад, обнаруженный осенью 2014 г. вблизи д. Замачулье Бельничского района Могилевской области, который содержал в своем составе около 400 монет (осмотрено и сохранено на электронный носитель 398 монет). Мной был зафиксирован следующий составклада:

Александр Ягелончик (1492–1506): Литва, динарий – 1 экз.;

Сигизмунд Август (1544–1572): Литва, полугрош (2 экз.) 1562 – 1, 1564 – 1.

Стефан Баторий (1576–1586): Польша, солид (4 экз.) 1584 – 2, год не опр. – 2.

Сигизмунд III Ваза (1588–1632): солид (234 экз.). Коронная чеканка – 7; м.д. Вильно 1614–1616 – 46; м.д. Рига 1593–1616 – 146, год не определен – 29; Курляндия 1610 – 1.

Королевство Венгрия: динарий (19 экз.) 1545 – 1, 1547 – 2, 1549 – 1, 1552 – 1, 1553 – 1, 1569 – 1, 1572 – 1, 1578 – 1, недатированные – 8, год не определен – 2.

Священная Римская империя, г. Кельн: 8 геллеров 1587 – 1.

Русская чеканка в этом комплексе представлена 138 монетами трехрублевой монетной стопы (за исключением 2 монет поздней чеканки Шведов в Новгороде, отношение к которым в ВКЛ остается под вопросом) несмотря на то, что клад сокрыт не ранее 1616 г., т. е. уже во время чеканки в Московском царстве по нормам 4-рублевой монетной стопы (с 1613 г.). Младшими монетами комплекса являются солиды Виленского и Рижского монетных дворов 1616 г., а также копейки, чеканка которых производилась шведской оккупационной властью в Новгороде в 1615–1617 годах. Русские монеты по правителям присутствуют в следующих пропорциях: Иван IV (1533–1584), копейка – 30 экз., денга – 15 экз., Федор Иванович (1584–1598), копейка – 21 экз., Борис Годунов (1598–1605) – 41 экз., Лжедмитрий I (1605–1606) – 12 экз., Василий Шуйский (1606–1610) – 11 экз., Владислав Жигимонтович (1610–1612) – 8 экз., Шведы в Новгороде – 3 (2 экз. – 1615–1617 гг.). Таким образом, клад представляет собой отображение упомянутого В.Н. Рябцевичем решения комиссии Варшавского сейма 1616 г., упоминающегося в начале данной работы, и очень ярко демонстрирует востребованность русских монет трехрублевой стопы. В то же время он является типичным сбережением разменной монеты. Количество содержания в кладе солидов чеканки различных монетных дворов соответствует обособленным пропорциям их содержания в денежной системе Речи Посполитой [19].

Крайне интересно русская монета трехрублевой монетной стопы представлена в «поздних»кладах середины XVII в., которые представляют собой те же «торговые» комплексы. Это клад из д. Павловка Чаусского района Могилевской области (не ранее 1649 г.), подробно описанный ранее [4], а также клад из д. Борисовичи Мозырского района Гомельской области (не ранее 1648 г.) [13]. В обоих случаях кроме монет Речи Посполитой и других европейских государств в них содержались незначительные примеси русских монет (82 и 41 экз. соответственно). Однако в обоих случаях монеты, отчеканенные по нормам 4-рублевой монетной стопы, в них практически не присутствуют. Только 3 экземпляра монет

этой группы присутствуют в Павловском кладе. Здесь же следует отметить особенность, выражающуюся в присутствии русских монет с крупными номиналами в сбережениях, в отличие от ее «соседства» с мелкой разменной монетой вкладах первой четверти XVII в. Эту же особенность можно увидеть в произведенной Л. Квизикявичусом характеристике датированного не ранее 1643 г. клада из д. Гегужине (Литва), где русская монета соседствует с крупными номиналами [1]. По нашему мнению, это вызвано наличием высокого качества драгметалла монет трехрублевой стопы.

Представленное содержание русских монет трехрублевой монетной стопы в кладовом материале, найденном на белорусских землях, отличается от особенностей их присутствия вкладах Московской Руси. В Московском царстве происходит резкое снижение их содержания вкладах 20-х гг. XVII в., а в комплексах, датированных 40-ми годами, они уже присутствуют в единичных экземплярах [9]. Особенность кладового материала на белорусских территориях, выраженная в «задержке» русских монет трехрублевой стопы на нашем рынке, может быть вызвана только востребованностью именно этого вида монет и их «отмывкой» с рынка Восточного соседа во время изъятия из денежного оборота в связи с заменой на монеты четырехрублевой стопы.

Во второй половине XVII в. русская монета трехрублевой монетной стопы присутствует в белорусскихкладах в очень небольших количествах вплоть до конца столетия.

Таким образом, рассмотрев вопрос о правовом и экономическом положении на рынке ВКЛ русских монет, отчеканенных по нормам трехрублевой монетной стопы, мы фактически определили положение денег Московской Руси в нашем государстве в конце XVI в. – первой половине XVII в., выполнявших как предназначенные им денежные функции, так и функции сырьевого товара в зависимости от условий рынка. Этот вид монет присутствовал на рынке Речи Посполитой и ВКЛ, в частности около 100 лет, став своеобразным рекордсменом среди иноземных монет.

Эту небольшую рыночную нишу в денежном обращении ВКЛ конца XVI – первой половины XVII века можно с уверенностью назвать «периодом старой денги московской».

Список использованной литературы:

1. Квизикявичус, Л. Русские монеты в денежном обращении Литвы в XVI–XVIII веках / Л. Квизикявичус // Монета. Международный нумизматический альманах. Вып. 7 (к 80-летию Василия Васильевича Узденикова). – Вологда: Изд. «МДК», 2000. – С. 26.
2. Кобринец, В.А. Новые данные о русских монетах на территории Беларуси (по материалам Актной книги Могилевского магистрата за 1588 г.) // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрв. 2015 г., г. Магілёў; уклад. А.М. Вацюкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: МДУХ, 2015. – С. 37.
3. Кобринец, В.А. Документы Могилевского магистрата последней четверти XVI в. о «деньгах Московских» // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. / рэд.: Ю.М. Бохан і інш. – Вып. 12. – Минск: НТАБ, 2014. – С. 148–160.
4. Кобринец, В.А. Денежный клад первой половины XVII в. из д. Павловка Чаусского района / В.А. Кобринец, В.А. Малевич // Материалы VI Междунар. нумизмат. конф.: «Нумизматика и архитектура», Минск, 8–11 окт. 2013 г. / Национальный банк Республики Беларусь. – Банкаўскі веснік (спецвыпуск). – 2014. – № 3 (608). – С. 35–39.
5. Малевич, В.А. Русская монета вкладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области / В.А. Малевич // Материалы IV Междунар. нумизмат. конф.: «Нумизматы и коллекции», Минск, 6–8 окт. 2009 г. / Национальный банк Республики Беларусь. – Банкаўскі веснік (спецвыпуск). – 2010. – № 7 (480). – С. 72–78.
6. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.: ил. – С. 29.
7. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.: ил. – С. 34.

8. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.: ил. – С. 155.
9. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.: ил. – С. 158.
10. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.: ил. – С. 159.
11. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Изд. 2-е перераб. и доп. – Минск: Народная асвета, – 1978. – С. 116.
12. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск: Польша, 1995. – С. 184.
13. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII в. и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии. – НУС. Вып. 1. Киев, 1963. – С. 183. – № 118.
14. Спасский, И.Г. Происхождение и история русских счетов / И.Г. Спасский // Историко-математические исследования. – Вып. V; под ред. Г.Ф. Рыбкина и А.П. Юшкевича / Государственное издательство технико-теоретической литературы. – М., 1952. – С. 316.
15. Gutowski, M. Podręcznik numizmatyki polskiej. – Kraków, 1914, VII, 296 s. + LXXX (80) tablic (reedycja. Warszawa). – S. 291–293.
16. Kopiccki, E. Monety Zygmunta III. – Szczecin, 2007. NEFRYT. – S. 26–156, 162–164 (408 s.).
17. Meclewska, M. Skarby monet z lat 1500–1649 na obszarze PRL. Inwentarz / M. Meclewska, A. Mikołajczyk // Polskie towarzystwo archeologiczne I numizmatyczne. – Warszawa, 1983. – S. 41–189 (189 s.).
18. Mikołajczyk, A. Geneza i rozwój nowożytnej monety polskiej / Mikołajczyk Andrzej. – Kraków, 1983. – S. 26. (218 s.).
19. Mikołajczyk, A. Geneza i rozwój nowożytnej monety polskiej / Mikołajczyk Andrzej. – Kraków, 1983. – S. 126. (218 s.).

Российские фальшивые кредитные билеты в Галиции в годы Первой мировой войны

Светлана ОРЛИК

Докторант Киевского национального университета им. Т. Шевченко, кандидат экономических наук, доцент

Во время Первой мировой войны, когда русские войска оккупировали территорию Галиции и Буковины (1914–1917 гг.), вопросы денежного обращения обострились в связи с возникшей конкуренцией двух валют: русского рубля и австрийской кроны. В первую очередь русские оккупационные власти установили курсы валют, которые искусственно поддерживали российский рубль. Уже 15 августа 1914 г. было принято обязательное постановление, в котором указывалось, что немецкая марка равна 40 российским копейкам, а австрийская крона соответствовала 30 копейкам [1, л. 3]. В начале вторжения российской армии крестьяне, реализуя продукты сельского хозяйства военным, чаще соглашались принимать российский рубль, но затем по мере продвижения российских войск вглубь территории Галиции постепенно стали отказываться от него и просили за продукты только австрийских денег [2, л. 3]. Во многих случаях торговцы отказывались продавать товар или предоставлять услуги за российские рубли. Интендантские подразделения российской армии понимали, что из-за отсутствия австрийских денег и вынужденного расчета русскими рублями при покупке продуктов у местного населения по завышенным ценам они могут быть привлечены к ответственности во время финансовых проверок расходования

средств. Дела тайной части жандармского управления были заполнены рапортами жандармов, интендантских подразделений и жалобами покупателей – местных жителей о беспорядке в денежном обращении. Так, в феврале 1915 г. на воскресных базарах в городах Гусятин, Гримайлов, Хоростков, Попутная Тернопольской губернии и других, куда приезжали русские военные подрядчики, чтобы закупить продукты, местные крестьяне категорически отказывались брать российские рубли. Военные подрядчики вынуждены были покупать австрийские деньги по завышенному курсу и только тогда закупать необходимые продукты [3, л. 206–207 об.]. Таким образом формировался теневой (рыночный) курс австрийской кроны, который не соответствовал официально установленному:

1 руб. = от 2 кр. до 2 кр. 60 гел. или 1 кр. = от 50 коп. до 40 коп.

Конечно, российские оккупационные власти следили за нарушениями установленного курса рубля, привлекали к ответственности виновных, но желаемого результата в наведении порядка в этих вопросах достичь было невозможно.

Начальник Подольского губернского управления на пограничном пункте в г. Гусятине Тернопольской губернии писал начальнику жандармского управления Временного военного генерал-губернаторства Галиции 16 января 1915 г.: «Доношу, что по полученным мною сведениям до настоящего времени, никем, даже общественными учреждениями Галиции, не исполняется обязательное Постановление генерал-губернатора с обязательным курсом русских денег (1 рубль стоит 3 кроны 33 геллера или гульден 65 крейцеров), случаи такие отмечались и в бывшем австрийском городе Гусятине, где, как говорят, сбор с ввозимых продуктов собирался по курсу: 1 руб. стоит 2 кроны 60 геллеров или 1 гульден 30 крейцеров» [4, л. 4 об.].

Российские рубли не пользовались доверием среди местного населения с самого начала оккупации. Зная о такой ситуации в денежном обращении, еще 17 сентября 1914 г. военный генерал-губернатор Г. Бобринский издал обязательное постановление, где отдельным пунктом отмечалось, что «запрещается отказ в принятии российских денег по цене ниже установленной Верховным Главнокомандующим, т. е. по цене одного рубля равного 3 кронам 33 1/3 геллерам, или 30 коп. равных одной кроне» [5, л. 1; 6, с. 4] и что предусмотрена суровая ответственность за несоблюдение этих требований: «Виновные в на-

рушении настоящего постановления подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме до трех месяцев или штрафу до трех тысяч рублей» [6, с. 4]. Следует отметить, что официально этот курс оставался действующим на протяжении всего времени оккупации территории Галиции и Буковины.

Через печатные местные газеты проводилась соответствующая разъяснительная работа среди населения относительно принятых российскими властями постановлений в сфере денежного обращения и популяризации российского рубля как «твердой» и надежной валюты. В целях лучшего информирования местного населения об установленных российскими властями разменных курсах в газете «Прикарпатская Русь» была опубликована таблица соответствия российских денежных знаков австрийским деньгам по номиналам [7, с. 4] (таблица).

Такая таблица соответствия валют способствовала облегчению расчетов при осуществлении мелких торговых операций, так как не все население было грамотным и хорошо считало в уме.

Одной из причин, почему у местного населения оккупированных территорий русский рубль не имел авторитета, можно считать нарастающий разменный кризис. С весны 1915 г. в царской России из денежного обращения начали исчезать как серебряные, так и медные монеты. К лету 1915 г. в обращении практически не осталось звонкой монеты, хотя необходимость в мелких разменных денежных знаках была остро ощущаема и порождала определенную социальную напряженность в российском обществе. Безусловно, основную роль в вымывании разменной монеты из денежного обращения играло местное население, которое скрывало как австрийские, так и российские металлические монеты, и никаким способом никакая власть не могла выманить у него монеты, а уличить его в умышленном укрывательстве звонкой монеты было очень тяжело. Недостаток мелких монет местная российская газета «Прикарпатская Русь» приписывала спекулянтам «черной руки», которые намеренно «скупали разменную монету в надежде воспользоваться ею при наступлении удобного случая, то есть при возвращении ав-

стрийцев» [8, с. 7]. Нечасто, но имели место случаи, когда к ответственности привлекались лица за «сохранение с целью укрытия российской серебряной разменной монеты» на оккупированных территориях Галиции [9, л. 150]. Остатки мелочи начали таять с мая 1915 г. и достигли нуля на конец августа. Ко времени первой эвакуации российских войск из Западной Украины разменный кризис достиг критической точки.

Управляющий Государственным банком Российской империи И. Шипов в письме от 29 сентября 1915 г. под № 44/а сообщал управляющим конторами и отделениями Госбанка, что «Петроградский монетный двор, работая без перерыва круглые сутки, не исключая и праздников, не может начеканить количества монеты, соответствующего потребности в ней» [10, л. 47]. Приходилось даже привлекать другие страны к чеканке разменных монет. Так, были достигнуты договоренности с японским правительством о чеканке на Осаком монетном дворе разменных монет достоинством в 15 и 20 копеек на сумму 15 млн. рублей. Но данные меры не могли изменить ситуацию к лучшему, поэтому в целях облегчения платежей по мелким расчетам постановлением Совета Министров империи от 25 сентября 1915 г. было принято решение о выпуске разменных марок номиналом (достоинством) 10, 15 и 20 коп. взамен на серебряную монету. Происходила постепенная замена монет всех номиналов на расчетные марки и разменные казначейские знаки [11, с. 141–148], которые мало были похожи на деньги по своему внешнему виду. Как известно, для изготовления разменных марок были использованы клише почтовых марок соответствующей стоимости юбилейной серии, посвященной 300-летию царствования династии Романовых, которые выпускались в 1913 г. В отделения Государственного банка на местах расчетные марки номиналом 10, 15 и 20 коп. массово начали поступать в октябре 1915 г. Фактически в это же время на временно оккупированные территории Галиции и Буковины поступили первые расчетные марки, главным отличием которых была надпись на оборотной стороне марки этих номиналов: «Имеет хождение наравне с разменной серебряной монетой», над надписью изображался двуглавый имперский орел.

Вместе с тем русское правительство не ограничилось заменой только серебряной монеты расчетными марками. В денежном обращении начал ощущаться явный дефицит и медной монеты. Уже 29 сентября 1915 г. было опубликовано соответствующее распоряжение Министра финансов «О выпуске в обращение разменных марок» [12, с. 2603–2604], в котором упоминался выпуск не только марок номиналом 20, 15 и 10 коп. взамен серебряных монет, но и номиналы 3, 2 и 1 коп. взамен медной монеты. Во исполнение этого распоряжения 18 ноября 1915 г. Государственный банк (отдел кредитных билетов) разослал всем своим конторам и отделениям письмо № 55/а под грифом «секретно» «О разменных марках 1, 2 и 3 коп. дост. На случай выпуска их в обращение наравне с медной монетой» [13, л. 62].

По причине невосприимчивости населения Российской империи расчетных разменных марок, не говоря уже о населении временно оккупированной территории

Таблица

Соответствие российских денежных знаков австрийским деньгам

Номиналы российских денег	Номиналы австрийских денег	Номиналы российских денег	Номиналы австрийских денег
1 коп.	3 гел.	30 коп.	1 кр.
2 коп.	7 гел.	50 коп.	1 кр. 66 гел.
3 коп.	10 гел.	1 руб.	3 кр. 33 гел.
5 коп.	17 гел.	3 руб.	10 кр.
10 коп.	33 гел.	5 руб.	16 кр. 67 гел.
15 коп.	50 гел.	10 руб.	33 кр. 33 гел.
20 коп.	67 гел.	50 руб.	166 кр. 67 гел.
25 коп.	83 гел.	100 руб.	333 кр. 33 гел.

Галиции, которое и не представляло, что деньги могли иметь подобный вид, Совет Министров утвердил Положение о выпуске разменных казначейских знаков и некотором изменении отличительных признаков кредитных билетов однорублевого достоинства [14, с. 3508–5313], которое было подписано императором 6 декабря 1915 г. Этим документом был предусмотрен выпуск в обращение наравне с серебряной и медной монетами новых разменных казначейских знаков достоинством в 50, 20, 15, 10, 5, 3, 2 и 1 коп.

На авторитет российского рубля также влияли факты наличия в обращении фальшивых банкнот российских кредитных билетов. Население Галиции, занятой русскими войсками во время Первой мировой войны, мало знало российскую валюту. Галичанам было сложно распознать фальшивую банкноту, и этим пользовались мошенники. Мы можем классифицировать фальшивые российские деньги по их происхождению и появлению в обращении по двум типам: первый – это деньги, которые кустарным способом были подделаны мошенниками для обмана и с целью наживы и не имели массового характера; второй – это деньги, изготовленные типографским способом враждующей страной, они поставлялись массовыми партиями для разбалансировки и подрыва денежной системы оппонента.

Еще накануне Первой мировой войны деньги будущего противника – Российской империи изготавливались в Германии и Австро-Венгрии. Министр юстиции Щегловитов сообщал в письме директору

Департамента полиции Джунковскому о том, что в России «получили распространение государственные кредитные билеты 500-рублевого достоинства, отпечатанные на специально приготовленной бумаге с водяным знаком, тем самым способом, который применялся исключительно Экспедицией заготовления государственных бумаг и считался до сих пор безусловно обеспечивающим государственные кредитные билеты от подделок» [15]. Естественно, попадание в денежное обращение враждующей страны фальшивых денег упрощается именно на оккупированных территориях, особенно если эти деньги хорошего качества, изготовлены типографским способом страной противника.

Большое количество фальшивых российских денежных знаков оказалось на оккупированных территориях Западной Украины весной и летом 1915 г. В марте 1915 г. среди войск, дислоцированных на территории Военного генерал-губернаторства Галиции, была распространена информация о том, что «в г. Кракове попадает много российских новых бумажных денег 10, 25 и 100-рублевого номинала с датой 1909 года, возможно, что они фальшивые. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта приказал рекомендовать относиться с особым вниманием к расчетам упомянутыми денежными средствами с частными лицами» [16, л. 18].

В апреле 1915 г. во Львове была обнаружена подделка 10-рублевого кредитного билета 1909 г. выпуска (*рисунок*). Этой купюрой был проведен рас-

Фальшивый кредитный билет достоинством 10 рублей 1909 г. выпуска [17, л. 4а–4а об.]

Рисунок

чет русским солдатом в магазине за купленный фунт колбасы на сумму 40 коп. [17, л. 1, 3–5]. Получив сдачу подлинными настоящими деньгами, покупатель больше не появлялся, а потому выявить его не удалось.

Примечательно то, что на данной купюре все отпечатки цифр и букв имеют зеркальное изображение с нечетким пропечатыванием. Бумага купюры плотная, размеры стандартные, едва прощупываются ребра марлевой ткани. Технология явно не массового производства.

Контроль за выявлением в обращении фальшивых российских денег возлагался на жандармское управление Временного военного генерал-губернаторства в областях Австро-Венгрии. Так, например, в январе 1915 г. оно расследовало факты о том, что «во Львове распространяются фальшивые кредитные билеты, главным образом сторублевого номинала» [18, л. 49]. По материалам этого дела жандармы имели подозреваемых, за которыми была установлена слежка. А в феврале 1915 г. львовское жандармское управление расследовало анонимное сообщение о массовом распространении евреем Лейферманом фальшивых российских денег [19, л. 64–65].

Население стало накапливать у себя австрийские деньги, в результате чего они временно выходили из обращения. Российских денег в обращении становилось больше, и, как следствие, австрийская крона укрепляла свой курс. Кроме того, русские власти

подозревали, что австрийские власти умышленно способствуют отдельным лицам в скупке австрийских денег, чтобы еще больше понизить курс рубля. Наблюдательный агент контрразведывательного штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Берестовский сообщил, что, по его данным, «в г. Скалате некоторые жители еврейского происхождения занимаются систематической скупкой австрийских крон у австрийских пленных и вообще у мирных жителей с целью сохранить их до конца войны, чтобы они сейчас не находились в обращении по заниженному тарифу, что, по их мнению, для Австрии было бы убыточным» [20, л. 5–5 об.]. Известно дело жителя г. Скалата Тернопольской губернии Иосифа Кармина, у которого отобрали 11 548 крон, 4 форинта и 1 бону в 5 левов и предъявили ему обвинение в скупке австрийских денег с целью занижения курса российского рубля [21, л. 1; 20, 2, 5–5 об.]. Указанные средства изъяли. Было принято решение сдать их в казначейство для обмена на российскую валюту по установленному курсу и вернуть владельцу в рублях.

Таким образом, в период Первой мировой войны наличие фальшивых рублей на оккупированных территориях Галиции и Буковины имело благоприятную почву, поскольку местное население слабо разбиралось в их формах и изображениях, что играло одну из важных ролей в подрыве доверия местного населения к валюте страны оккупанта.

Список использованной литературы:

1. Центральный государственный архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАК Украины), ф. 361, оп. 1, дело 1151.
2. ЦГИАК Украины, ф. 365, оп. 1, дело 122.
3. ЦГИАК Украины, ф. 365, оп. 1, дело 31.
4. ЦГИАК Украины, ф. 365, оп. 1, дело 195.
5. ЦГИАК Украины, ф. 361, оп. 1, дело 123.
6. Обязательное постановление // Прикарпатская Русь. – 1914. – № 1419 (18 (1 октября) сентября).
7. Злоупотребления при размене русскими деньгами // Прикарпатская Русь. – 1914. – № 1415 (13 (26) сентября).
8. Куда девались мелкие монеты? // Прикарпатская Русь. – 1914. – № 1497 (4 декабря).
9. Государственный архив Черновицкой области, ф. 283, оп. 1, дело 196.
10. Государственный архив Кировоградской области (далее – ГАКиО), ф. 7, оп. 1, дело 46.
11. Орлик, С.В. Розмінні марки та казначейські знаки у грошовому обігу в Україні в період Першої світової війни / С.В. Орлик // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: збірка наукових праць. – 2015. – Число 26–27. – С. 141–148.
12. О выпуске в обращение разменных марок // Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУиРП). – 1915. – Отд. 1. – № 268 (29 сентября). – СПб.: Сенатская типография, 1915. – Ст. 1990. – С. 2603–2604.
13. ГАКиО, ф. 7, оп. 1, дело 46.
14. О выпуске разменных казначейских знаков и некотором изменении отличительных признаков кредитных билетов однорублевого достоинства // СУиРП. – 1915. – Отд. 1. – № 362 (17 декабря). – СПб.: Сенатская типография, 1915. – Ст. № 2722. – С. 3508–3513.
15. Дорштейн, М. Курс российского рубля перед началом Первой мировой войны [Электронный ресурс] / М. Дорштейн. – Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=21307&Itemid=13.
16. ЦГИАК Украины, ф. 363, оп. 1, дело 28.
17. ЦГИАК Украины, ф. 363, оп. 3, дело 73.
18. ЦГИАК Украины, ф. 365, оп. 1, дело 30.
19. ЦГИАК Украины, ф. 365, оп. 1, дело 195.
20. ЦГИАК Украины, ф. 361, оп. 1, дело 1920.
21. ЦГИАК Украины, ф. 363, оп. 1, дело 257.

Игнатий Юлиан Цейзик (1779–1858) – гениальный фальсификатор и художник

Кшыштоф ФИЛИПОВ

Профессор Белостокского университета (Польша)
доктор исторических наук

Об Игнатии Юлиане Цейзике (Ignacy Julian Cezyk) уже написано несколько работ, однако они не дают полного и достоверного описания его личности и деятельности как фальшивомонетчика. Яркую и полузабытую фигуру Игнатия Цейзика описывали польские исследователи, такие как Генрих Мостицки, Беата Мруз, Эрнест Шум, София Лях, а также Василий Васильев, О. Мазейкене, Владас Дреме, Даля Грималаускайте.

Цейзик – личность, полная загадок. Уже сама его фамилия известна в записях под разным звучанием: Ceizik, Sejzik, Sejzuch, Cezik, Cidzik, Cydzik, Zejzik или также Zejzuch. Это связано с тем, что Игнатий был внуком Якова, поручика литовской гвардии (герба Овода), сыном Михаила и Анны из Соболевских, родившихся на Подлясье. Отец Игнатия (умер в 1813 г.), вероятнее всего, изменил фамилию с Cydzik на Cezyk.

Игнатий Юлиан Цейзик родился в Брестском Подлясье (позднее – Белостокский уезд Гродненской губернии) в 1779 году в городе Лыскове. Некоторые литовские исследователи называют местом его рождения Сейно. Дело в том, что он был сыном мелкого шляхтича, потомка литовской знати, чьи предки происходят из Чехии, однако родители Игнатия – выходцы из Подлясья.

Окончив трехклассную школу в Лыскове, он продолжил обучение в Вильно, где получил среднее образование. Затем семья переехала в Молодечно. Именно тогда и произошло изменение в фамилии. Это положило начало непрерывной смене подписи, которая заинтриговала юного Игнатия. Воспроиз-

ведение подписи отца на официальных документах привлекало молодого человека. Это был импульс, который в будущем привел к подделкам банкнот России и Габсбургской Австрии.

Следующим этапом обучения Цейзика является факультет искусств Виленского университета, где с 1798 года он обучался рисунку и живописи на кафедре под руководством мастера Франтишка Смуглевича. Его также привлекало занятие скульптурой. Вскоре Игнатий вернулся в деревню. Он взял в аренду фольварк во владениях ружанского магната Сапегги. Но дело не пошло. Игнатий вернулся в Вильно, где благодаря мастерству каллиграфии, которым он отлично владел, занял пост университетского клерка, занимающегося оформлением дипломов о подтверждении академических степеней, полученных в Виленской альма-матер. Это была выгодная работа, которая позволяла зарабатывать дюжину рублей (10 червонных злотых) за оформление дюжины (8–9) строк текста. Затем, используя свои способности, он попробовал создать подделку и начал фальсифицировать билеты в театр. Они были самыми дешевыми, не пронумерованными и распределялись среди студентов. Так начался новый этап в его жизни: он стал фальшивомонетчиком.

Цейзик снова вернулся в науку, занявшись исследованиями на кафедре рисунка и живописи. Систематически он слушал лекции по общей истории, химии и французскому языку. Однако наука мало привлекала Игнатия. Он связывается с масонами Яном Олешкевичем и Яном Дамелем. Окончив учебу и оказавшись в Варшаве, в 1805 году он женился на Марии Качиньской, переехал в Слоним и стал жить в имении своего тестя Томаша Качиньского. Следующим пунктом его путешествия является имение Стажин в Слуцком повете, которое он арендовал вместе со своим младшим братом Феликсом и его шурином Домиником Корзоном (он же Тырк). Аренда не принесла прибыли, поэтому они переехали в другое имение. На этот раз – в фольварк Ханусовщина. Доход снова не впечатлил, тем более что Цейзик поддерживал финансово местных жителей. Как заметил слущский адвокат: «У него были черты человека, принадлежащего к высшему обществу, он был вежливым и гостеприимным. Он был окружен нищими, прислушивался к их просьбам и жалобам, в скромной сельской одежде, небольшого роста, щуплый».

Он также работал как скульптор, создавая в свободное время игрушки для детей из глины и дерева, а также изделия из янтаря и слоновой кости. Тогда и родилась идея фальсификации денег. Это случилось в 1811 году, когда к Игнату пришла идея незаконного производства бумажных денег. Он обладал опреде-

ленными способностями в рисовании, каллиграфии и т. д., знаниями, полученными в Виленском университете. Он также наивно полагал, что фальшивая валюта на рынке увеличит инфляцию и ослабит финансовую экономику, считал, что это нарушит функционирование российской финансовой системы и тем самым ослабит царское самодержавие. Позже на процессе он сказал, что был намерен «привлечь кредит для российского правительства». На самом же деле истинная цель Игнатия Цейзика состояла в том, чтобы получить прибыль и поправить свое материальное положение.

Поэтому он и взялся за подделку. Вначале Цейзик подделывал старые банкноты, технически менее защищенные. Однако они вскоре были выведены из обращения. Поэтому Игнатий также фальсифицировал новые, введенные в обращение, с более сложным рисунком для воспроизведения.

Как писал в 1884 году историк-любитель Йозеф Аполлиарий Ролль (Antoni Rolle), оценивая размер фальшивомонетничества: «Цейзик создал крупное производство ценных бумаг в стране, известных как ассигнации. Правительством эмитировались два их типа: старые и новые (первые были выпущены до 1817 года) на общую сумму 836 000 000 рублей. Однако подделок было настолько много, что министр финансов принял решение вывести их из обращения и заменить на новые, более защищенные. Цейзик и его таинственные подельники не знали, каким образом обо всем стало известно властям».

В фальшивомонетнической деятельности Игнатию Цейзику помогал брат и шурин. Игнатий и Феликс занимались вопросами всего производственного процесса. Они добывали специальную бумагу, краски, реагенты и иные составляющие, необходимые для процесса подделки. Шурин Корзон (Tyрк) занимался логистикой. То есть, был налажен процесс выпуска фальшивок в обращение. Им также помогал их друг Игнатий Нимчевский. Производство ложных ассигнаций занимало достаточно много времени, учитывая деятельность царской системы безопасности и репрессий.

Казалось, что «домашнее» производство денег было безопасным. Однако по банальному доносу в 1814 году царская полиция напала на след фальшивомонетчиков. Была проведена ревизия в усадьбе-вольварке Ханусовщина, в ходе которой на чердаке были обнаружены спрятанные краска, бумага и довольно примитивное оборудование для производства банкнот. Реакция была моментальной. Фальсификаторов арестовали и обвинили в подделке значительной суммы денег. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что это была сумма в 65 000 поддельных рублей.

Все арестованные были заключены в слуцкую тюрьму, а затем доставлены в тюрьму в Минске, где они находились почти пять лет в качестве заключенных. Все это время они имели статус подсудимых и их уголовные дела продолжались годами. Отношение к обвиняемым было странным. К Игнатию тюремная охрана относилась до такой степени лояльно и снисходительно, что Цейзик мог свободно покинуть тюремную камеру и выйти в город. Заключенным удалось бежать из тюрьмы 15 июля 1819 года. У них были поддельные документы, которые позволили беспрепятственно пересечь границу и отправиться в Вену.

Криминальный промысел продолжался. Желая получить финансовые средства на свое содержание в

столице Габсбургской империи, они начали подделывать рейнские гульдены.

Тем временем суд над Игнатием Цейзиком и остальными продолжался в их отсутствие. Заочно суд лишил обвиняемых гражданских прав и приговорил к пожизненной каторге. Между тем российская полиция получила информацию о нахождении Цейзика в Вене и сообщила об этом в венскую полицию. Эта информация стала известна разыскиваемым. Скорее всего, это произошло после объявления в прессе о поиске беглецов из Российской империи. И тогда они пошли на неординарный шаг – решили вернуться в Россию. В конце концов, их в России уже никто не искал.

Цейзик, используя поддельные документы на имя Якуба Чудовского, со спутниками поселились на Подолье. Вся шайка обосновалась на одном из хуторов в многочисленных поместьях князя Адама Чарторыйского. На этот раз их незаконная деятельность длилась недолго. Подвела добродушность Игнатия, который снова «отличился» благотворительностью. К его «скиту» тянулись толпы нищих со всей округи, которых он кормил и которым раздавал деньги, конечно же, фальшивые. Это не могло остаться незамеченным российской полицией. В начале января 1821 года полиция обнаружила производство, а 7 января задержала фальшивомонетчиков. Игнатий Цейзик и его шурин Доминик Корзон были задержаны на месте, а Феликсу удалось избежать ареста, поскольку его не оказалось дома. Арестованные были доставлены в минскую тюрьму. Чтобы сделать свое пребывание в камере более терпимым, Игнатий вернулся к скульптурной лепке из глины. Во время заключения он изобрел новую гончарную технику. Особенно ему удавались свистульки. Кроме тщательно вылепленных свистулек он делал красиво украшенные кружки, миски и кувшины. Особой популярностью у заключенных пользовались пейзажи. Признание таланта Игнатия привело к тому, что начальником тюрьмы было подписано разрешение, дававшее ему право выходить в город.

Игнатий Цейзик подделывал ассигнации по усовершенствованной технике, а его шурин Корзон (Тырк) занимался их распространением: «Вот ездил он во Владаву на известные ярмарки, там по фальшивым бумагам шурина приобретал лошадей, волов и различные товары, перевозил это все на Подол, выгодно продавал, таким образом меняя плохие деньги на настоящие. Доход фальшивомонетчиков рос, и круг коммерческой деятельности все больше расширялся. Тырк [Корзон] начал путешествовать по Литве под своим предполагаемым именем. Во время одной такой поездки он был опознан бывшим слугой, которого встретил в почтовом отделении в Кобрине Гродненской губернии. Сколько ниточке не виться, а конец будет. Вскоре Цейзик был арестован и доставлен в Гродно. Так утверждает Пржецлавски, и Максимов доказывает, что он был заключен в тюрьму в Бобруйске. Заключенные находились под пристальным наблюдением, тем более, что в арендованном хуторе были обнаружены все приспособления для подделки, найдено много заготовок для изготовления ассигнаций и запасов их полуфабрикатов. Дело продолжалось долгое время».

Арестованный Цейзик признал себя виновным во всем, дело было рассмотрено в сенате и 8 мая 1828

года вступило в силу решение суда от 1820 года, по которому брат Феликс был сослан на каторжные работы в Сибирь, где вскоре и умер. Сам Игнатий был отправлен в Тобольск. Его судьба остается неизвестной. Пребывание в Тобольске было упомянуто польским ссыльным Рафалом Блоньским: «Во время моего пребывания в тюрьме Тобольска я жил рядом с ним [Игнатием Цейзиком], и была возможность посмотреть на его работы. Игнатий выполнял их с необычайной легкостью, беседуя или гуляя по камере». Художественные способности Игнатия Цейзика не остались незамеченными губернатором Тобольска, который направил талантливого скульптора работать на стекольный завод купца Курбатова в близлежащее Березово.

Только спустя годы выяснилось, почему удалось арестовать фальшивомонетчиков. Полицией через объявление в «Приложении Виленского курьера» от 2 июня 1842 г. сообщалось: «Дворянину Борковскому или его наследникам необходимо заявить о себе и получить полагающуюся Борковскому в награду за обнаружение поддельных монет Игнатия и Феликса Цейзиков, а также Доминика Корзона тысячу рублей ассигнациями и положенные проценты 1828 года».

Игнатий был лишен дворянского звания за «позорный поступок». Его постигла и личная драма. Брак между Марией Качиньской и Игнатием Цейзиком был аннулирован по заявлению жены в канцелярию Николая Новосильцова в 1829 году.

Во время изгнания в Тобольске Игнатий был неплохо устроен. Благодаря художественным талантам ему удалось успокоиться и адаптироваться к новой реальности. Более того, он получал неплохой заработок за свое творчество, а Петр Мошинский – ссыльный, коллекционер произведений искусства и филантроп учредил пожизненную ренту Игнатию в размере 300 рублей в год. В благодарность художник сделал бюст своего спонсора. Он так преуспел, что приобрел дом с садом в пригороде Тобольска. Игнатий поселился там со своей второй русской женой, которая подарила ему двух сыновей. Он учил свою жену польскому языку и они вместе воспитывали своих детей в «польском духе».

Игнатий Цейзик, несмотря на свое материальное благополучие, местную славу и признание, не мог до конца отказаться от практики подделки. Возможно, он все еще хотел совершенствовать свои навыки рисования, которые ему очень пригодились в деле фальшивомонетничества. Он не мог устоять перед искушением и снова начал практику фальсификации бумажных денег – государственных ассигнаций. Однако это продолжалось недолго. Он был пойман по горячим следам и снова попал под арест царской полиции. И стал уже рецидивистом. Он был арестован в

Тобольске, а в 1846 году признан виновным в серьезных преступлениях против российского государства. В наказание был сослан на каторгу в серебряные рудники в Якутию. Там он провел несколько лет среди преступников-заключенных, добывая серебро и олово. И опять ему повезло. Игнатий Цейзик благодаря заступничеству покупателей его глиняных изделий был «освобожден на поселение». На этот раз он жил в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), где посвятил себя художественному творчеству. Видимо, из-за нехватки бумаги и специальных инструментов он начал делать копии монет из свинца. Однако когда он отказался от практики подделки, перестал быть творцом.

Сохранилось описание встречи между Агатоном Гиллером и Игнатием Цейзиком, которая состоялась в 1856 году: «Он старик лет восьмидесяти, он не встает с кровати. Седые волосы и борода обрамляют морщинистое бледное лицо; лицо, которое когда-то было красивым, сегодня серьезно и несет следы грустных и суровых дорог». Как заметил Гиллер, Цейзик ему сказал: «Я как-будто наполовину мертв, глаза мои плохи, моя рука дрожит, и все же я еще работаю, чтобы не терять навыки и успокаиваться. Когда я рисую или леплю, то забываю о прошлом, полном моральных разрушений и материальных поражений».

В 1857 году Игнатий с женой и сыновьями переехали в Иркутск. Там через год (1858) он умер и был похоронен на местном кладбище.

Работы Игнатия Цейзика (керамика) выставлены в Эрмитаже, музеях Иркутска и Читы. Тем не менее формально он оставался любителем. Он заставлял восхищаться своим творчеством и художественными достижениями, но никогда не добивался статуса художника. Он остался для искусствоведов мастером-любителем, а не представителем «высшего искусства». Тем не менее его работы из керамики стали объектами коллекционирования еще при жизни. Они не уступали работам великого английского мастера Джозайи Веджвуда. Более того, Цейзик стал изобретателем новой керамической массы. За изобретение ему предложили 15 000 рублей! Художник не раскрывал секрет всю оставшуюся жизнь.

После смерти ценность его произведений невероятно выросла. Это привело к массовому подражанию его произведениям художниками-керамистами Забайкалья. Его работы стали настолько массово подделываться, что многие люди в Сибири изготавливали и продавали подделки, выдавая их за работы мастера Игнатия.

Таким образом круг истории замкнулся. Замечательный, блестящий фальшивомонетчик вдохновил других фальсификаторов на подделку его собственных произведений!

Список использованной литературы:

1. Mościcki, H. *Cejzyk Ignacy Julian*, [w:] *Polski Słownik Biograficzny*. – T. 3. – PAU Kraków. – 1937. – S. 242–243.
2. Mróz, B. *Ignacy Cejzyk genialny artysta i genialny fałszerz // Zeszyty dziedzictwa kulturowego*. – Białystok. – 2007. – S. 71–79.
3. Szum, E. *Ignacy Cejzyk – z Podlasia na Syberię (1779–1858). Szkic portretu biograficznego // Białostockie Teki Historyczne*. – T. 10/2012. – Białystok. – S. 102–115.
4. Wasiliew, W. *Ignacy Julian Cejzyk (1779–1857) // Głos z nad Pregoly*. – № 9 (98), Wrzesień, 2004. – S. 3.
5. Grimalauskaitė, D. *Lokalizacja miejsca produkcji fałszywych assignacji I. Cejzika (1779–1860) i niekotorje aspekty ich rasprostranienija*, [w:] *Pieniądz – kapitał – praca – wspólne dziedzictwo Europy*, Białoruś – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina. Białystok – Augustów, 18–22 września 2008. *Materiały z VIII międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej*, pod red. K. Filipowa, Warszawa. – 2008. – S. 198–207.

Деятельность кооперативных кредитных касс в Новогрудском воеводстве (вторая половина 1920-х гг.)

Андрей ГЕЦЕВИЧ

Доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат исторических наук

Развитие деревни и сельского хозяйства всегда зависело не только от погодных факторов, но и от наличия дешевого и доступного кредита на текущие расходы, а также инвестиций в основной капитал. Во Второй Польской республике эту роль выполняли кредитные кооперативы. Их главными функциями являлось распределение кредитных ресурсов, получаемых от центральных банковских институтов и правительства, а также формирование кредитной базы за счет привлечения вкладов местного населения.

Кооперация – одна из наиболее распространенных форм хозяйственной деятельности в Польше в межвоенный период. Создание кооперативов на территории Западной Беларуси началось практически сразу после прихода сюда польских войск в 1919 г. Большинство из них носило сельскохозяйственный характер и реально начало работать уже после Рижского мирного договора 1921 г. Впрочем, начиная с послевоенного периода стали распространяться и другие формы кооперации, в частности кредитная.

После восстановления независимости Польши в стране было сформировано несколько крупных центров кооперативного движения: во Львове, в Варшаве, Познани.

Наиболее активно работала Центральная касса сельскохозяйственных обществ (Centralna Kasa

Spółek Rolniczych). Она имела тесные контакты с организациями, входившими в Объединение крестьянских кооперативных союзов. Центральная касса насчитывала 5 отделений (в Кракове, во Львове, Вильно, Торуне, Луцке) и головной офис в Варшаве. Впрочем, финансовая деятельность Центральной кассы в первой половине 1920-х гг. осложнялась нестабильной финансовой ситуацией в стране и Касса даже вынуждена была обратиться за помощью к государству. Это позволило увеличить обороты Центральной кассы в 1929 г. до 62,384 млн. злотых.

Система кооперации во второй половине 1920-х гг. набирала обороты, что потребовало принятия дополнительных мер контроля в этой сфере.

В частности, при Министерстве финансов Второй Польской республики был создан Кооперативный совет (31 член), в который входили представители профильных министерств и ведомств, а также представители контролирующих организаций различного уровня.

Именно Кооперативный совет в конце 1920-х гг. разработал классификатор кооперативов исходя из профиля их деятельности:

- потребительские кооперативы;
- кредитно-сберегательные кооперативы;
- крестьянские кооперативы;
- кооперативы ремесленников;
- кооперативы работников (различных специальностей);
- прочие кооперативы.

Под понятием «кредитно-сберегательные кооперативы» классификатор предполагал следующие виды финансовых организаций:

- сельскохозяйственные кредитно-сберегательные кооперативы;
- кредитно-сберегательные кооперативы государственных служащих и работников (различных направлений);
- универсальные (всеобщие) кредитно-сберегательные кооперативы;
- прочие кредитно-финансовые кооперативы.

К концу 1920-х гг. в рамках кооперативных союзов было собрано примерно 65% от всех кооперативов страны. При этом более 6 000 кооперативов не входили ни в один из крупных кооперативных союзов и на практике были самостоятельными, однако поскольку эти организации вели самостоятельную финансовую деятельность, то информация об их работе и финансовых показателях отсутствует.

Финансово-кредитные кооперативы, входившие в состав Союза кредитных сообществ в Польше, опирались на банк Союза коммерческих компаний в Польше, который располагался в Познани.

Другая аналогичная финансовая организация – Центральная касса сельскохозяйственных организаций в Варшаве опиралась на ООО «Польский банк «Райффайзен» (торговая марка «Кассы Стефчика»), располагавшаяся в г. Катовице.

Значительное влияние имели также кооперативные союзы Украины (Ревизионный союз украинских кооперативных организаций во Львове и Русский ревизионный союз во Львове).

Союз еврейских кооперативных организаций, расположенный в Варшаве, также имел два банка: Банк для кооперативов акционерных товариществ в Варшаве и Центральный народный банк еврейских кооперативов в Вильно. Последний действовал на территории Западной Беларуси [1, с. 701–704].

В Западной Беларуси в 1925–1930 гг. также стали формироваться кредитные кооперативы, большинство из которых работали под брендом «Кассы Стефчика». Наибольшее распространение они получили в сельской местности [2, с. 24].

Причины такого положения дел на поверхности. Крестьяне, вступающие в кассу Стефчика, делали небольшой взнос в виде вклада, поскольку «лишних» денег у них не было. В то же время крестьянин надеялся на получение от кассы льготного кредита на проведение сельскохозяйственных работ (посевная, уборочная), закупку инвентаря, строительство. Таким образом, баланс кассы Стефчика в Западной Беларуси достаточно часто был отрицательным.

Первые кредитные кассы Стефчика на территории Новогрудского воеводства начали формироваться в 1925 г. По состоянию на 1 января 1926 г. их насчитывалось уже 31.

В 1926 г. количество касс увеличилось до 47, а число их членов составило 8 386 человек. Привлеченный капитал касс составил 226 720 злотых, уставной – 52 694 злотых, что суммарно формировало собственный капитал касс в размере 279 414 злотых. Кредитную базу касс формировали также 85 027 злотых вкладов и 507 257 злотых, привлеченных от различных финансовых организаций.

Годовой оборот 47 касс Стефчика на территории Новогрудского воеводства за 1926 г. составил 1 008 820 злотых, было выдано кредитов своим членам на 817 193 злотых [3, с. 5].

Вместе с тем формированию большего количества кооперативных касс в 1925–1926 гг. помешало отсутствие оборотных фондов и невозможность получения дополнительных кредитов от центральных банковских институтов, прежде всего от Центральной кассы сельскохозяйственных кооперативов в Варшаве. Только во второй половине 1926 г. для развития сельскохозяйственного сектора правительство выделило значительные средства специализированному Сельскохозяйственному банку, а также кооперативным кассам, работавшим в сельской местности [4, с. 110–111].

Именно поэтому в 1927 г. активизировалось формирование новых отделений касс Стефчика на территории Новогрудского воеводства, а также увеличение членства в уже существующих кассах. На 1 апреля 1927 г. в воеводстве было 65 касс, подпадавших под юрисдикцию Ревизионного союза Польских сельскохозяйственных кооперативов, а уже 1 мая 1927 г. – 76. Таким образом, только за 4 месяца 1927 г. было сформировано 29 новых касс.

Отметим, что по росту количества касс Стефчика в апреле 1927 г. Новогрудское воеводство заняло первое место в стране – из общего количества открытых в Польше 24 касс Стефчика 11 было открыто в Новогрудском воеводстве [5].

Согласно представленным отчетам Ревизионного союза по состоянию на 1 апреля 1927 г. в 55 кассах Стефчика из зарегистрированных 65 в Новогрудском воеводстве состояли 11 968 человек, имели капитал в размере 308 496 злотых (5 609 злотых в среднем на кассу), привлекли вкладов на сумму 128 756 злотых. В это же время сумма кредитов, выданных членам кооперативов, достигла 1 441 064 злотых, или 26 201 злотый в среднем на кассу, или 120 злотых на каждого члена кооператива [3, с. 5].

По состоянию на 1 октября 1927 г. в состав Ревизионного союза Польских сельскохозяйственных кооперативов на территории Новогрудского воеводства входили 83 кассы Стефчика, 19 молочных кооперативов, 2 торгово-сельскохозяйственные кооперативы и кооператив «Воложинский лен» (таблица).

Таблица

Кооперативы Новогрудского воеводства в разрезе поветов [6]

Повет	Кассы Стефчика	Молочные кооперативы	Торгово-сельскохозяйственные кооперативы	Прочие кооперативы	Всего
Барановичский	12	2			14
Лидский	21	8	1		30
Несвижский	8	2			10
Новогрудский	14	4	1		19
Слонимский	10				10
Столбцовский	7	1			8
Воложинский	11	1		1	13

Кассы Стефчика существовали в каждой гмине Новогрудского воеводства. Большая заслуга в столь активном развитии мелкого кредита на территории воеводства принадлежала Союзу сельскохозяйственных организаций Новогрудской земли. К 1929 г., согласно статистике, одна касса приходилась на

1 300–1 500 мелких крестьянских хозяйств. Крестьяне являлись и основными вкладчиками. Так, на 100 членов кооператива в среднем приходилось до 83,7% крестьян. При этом в Новогрудском воеводстве этот показатель был еще выше – 91,1% [1, s. 706].

Список использованной литературы:

1. *Pięć lat na froncie gospodarczym: 1926–1931.* – Т. 1. Wydawnictwo «Drogi». – Warszawa, 1981.
2. Баюра, А. Кредитно-банковские учреждения Западной Беларуси в 1919–1939 гг. / А. Баюра // *Банкаўскі веснік.* – 2012. – № 1. – С. 24.
3. *Kasa Stefczyka na terenie województwa Nowogrodzkiego* // *Zycie Nowogrodzkie.* – № 3. – 1927. – 5 maja. – S. 5.
4. Гецевич, А.К. Развитие системы мелкого кредита в Западной Беларуси (1921–1939): отдельные аспекты / А.К. Гецевич // *Science Time.* – 2016. – 11 (35). – С. 108–111.
5. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 1. Клецкая кооперативная касса с неограниченными правами им. Стефчика, г. Клецк. – Л. 1–3.
6. *Stan spółdzielczości rolniczej w województwie Nowogrodzkim* // *Zycie Nowogrodzkie.* – № 24. – 1927. – 22 października. – S. 4.

Роль лотерейных билетов в социально-гуманитарной политике государства

ВИКТОР СУВОРОВ

Член ОО «Белорусское нумизматическое общество»

История социальной политики дореволюционной России неразрывно связана с благотворительностью, одной из важнейших составляющих которой является деятельность ведомств и комитетов под покровительством Дома Романовых.

На реализацию многочисленных акций (помощи нищим, открытие приютов, создание общества благородных девиц, помощь инвалидам и их семьям, пострадавшим от военных действий) расходовались внушительные суммы из государственного бюджета. В целях сохранения казны Екатерина II (1762–1796) решила содержать всевозможные благотворительные дома «на едином самоизвольном подаянии от публики» [1]. Екатерина Великая была убеждена: надо брать деньги у народа.

Основные способы привлечения денежных средств – это пожертвования и, конечно же, проведение благотворительных лотерей.

Основное финансирование учреждений канцелярии императрицы Марии Федоровны (Смольный, Александровский, Екатерининский и Павловский институты, Коммерческое училище, Воспитательный дом, Училище глухонемых, Вдовый дом, Повивальный институт) производилось из государственной казны. Годовой бюджет в конце XIX века достигал 13,5 млн. руб., за счет него содержались около 20% заведений, находившихся на попечении ведомства. В начале 1900-х гг. бюджет насчитывал более 20 млн. руб.

В конце XIX века казну начали пополнять сборы от частных пожертвований, а также от доходов, полученных от продажи игральных карт, публичных развлечений и розыгрыша (реализации) лотерейных билетов (рисунки 1–3).

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Если рассматривать социально-гуманитарную политику советского государства, то следует схематично обозначить несколько направлений в ее реализации.

Во-первых, первые советские лотереи были использованы для сбора средств в фонд помощи голодающим. Проводились как всероссийские, так и губернские лотереи (рисунки 4–8).

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

Рисунок 7

Рисунок 8

В 1921 г. в Советской России разразился голод, обусловленный как природными факторами, так и политикой пришедшей к власти партии большевиков, а также Первой мировой и Гражданской войнами. Партия подняла на борьбу всю страну путем сбора средств с обедневшего народа. При Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК) была образована комиссия помощи голодающим (Помгол) под председательством М.И. Калинина. Рабочие, служащие, военные собирали деньги, вещи, продукты. На собранные средства производилась закупка хлеба для голодающих районов. На лотерейном билете 1922 г. использованы слова из обращения Кубанско-Черноморской областной комиссии помощи голодающим к населению: «Рабочие, крестьяне и казаки! Тридцать миллионов Ваших братьев – из них до девяти миллионов детей – терпят страшные муки голода. Они, умирая от голода, бросили в землю последние зерна. Не дайте им погибнуть до нового урожая. Единым мощным фронтом великой армии Труда обруштесь и уничтожьте проклятое наследие царского строя, врага трудящихся – голод».

Пожалуй, это один из первых примеров сбора средств с помощью лотереи в советское время. ЦК Помгола в 1922 г. выпустил 3 миллиона билетов по цене 500 тысяч рублей каждый.

Следует более детально очертить период голода в Поволжье 1921–1922 гг., что позволит воссоздать масштаб бедствия народа и обозначить системные подходы по его преодолению.

Справочно. Голод охватил 35 губерний (Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь) с населением 90 миллионов человек, из которых голодало не менее 40 миллионов (по официальным данным – 28 миллионов).

Число жертв голода составило около 5 миллионов человек. В ходе борьбы с голодом большевистское правительство впервые приняло помощь от капиталистических стран.

Приемником Помгола стал Последгол (Комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК), возглавил ее все тот же М.И. Калинин. Последгол провел в 1923 г. лотерею по сбору средств на преодоление последствий голода 1921–1922 гг. Были напечатаны билеты номиналами 2,5, 5, 10 рублей, всего в ходе проведения лотереи было выручено около 17 миллионов «новых» рублей (рисунки 9–10).

Во-вторых, в связи с резким ростом детской беспризорности в результате Гражданской войны 1917–1922 гг. по инициативе председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского была создана Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК. В 1921–1938 гг. она стала центральным государственным органом РСФСР.

Комиссия и ее местные органы осуществляли координацию мер по борьбе с беспризорностью, сбор продовольствия и вещей для детей, распределение между детскими учреждениями выделенных государством пайков и денежных средств.

Бюджет комиссии формировался за счет специальных сборов, реализации лотерей, добровольных пожертвований и т. д. (рисунки 11–14).

В-третьих, по решению руководства в стране началась ликвидация неграмотности. Это событие было

Рисунок 9

Рисунок 10

Рисунок 11

Рисунок 12

Рисунок 13

Рисунок 14

приурочено к 10-й годовщине Октябрьской революции. Решающую роль в этом благородном деле сыграло общество «Долой неграмотность». Наиболее распространенной формой ликвидации неграмотности стало проведение денежных, вещевых и книжных лотерей с целью сбора средств на развитие культуры, в первую очередь в сельской местности (рисунки 15–16).

На собранные средства были построены клубы, библиотеки, избы-читальни.

Кроме того, злоупотребление алкоголем, которое, к сожалению, активно распространялось в советском обществе, негативно сказывалось на образе жизни граждан. Но борьба с алкоголизмом подразумевает не столько запрет потребления

Рисунок 15

Рисунок 16

спиртных напитков, сколько пропаганду здорового образа жизни, духовного оздоровления общества. Под патронажем Всероссийского общества борьбы с алкоголизмом состоялось два беспроигрышных книгорозыгрыша «Книга вместо водки» (1930 г.) и «За новый быт» (1932 г.), девизом которых стали слова Ленина: «Они (водка и прочие дурманы) поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму» [2] (рисунки 17–18).

Рисунок 17

Рисунок 18

Следующим фактором развития социально-гуманитарной политики советского государства стало массовое привлечение граждан к подписке на газеты и журналы. Лотереи в данном случае оказались довольно эффективной формой. Человек, подписавшийся на периодическое издание, имел возможность представить вырезанные из газеты купоны или талоны для участия в розыгрыше различных призов. Подобные лотереи в двадцатых годах проводили газеты «Батрак», «Гудок», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва» (рисунки 19).

Рисунок 19

Таким образом, лотерейные билеты служили дополнительным источником поддержки незащищенных и уязвимых слоев населения в разные периоды развития общества и давали возможность оказания адресной помощи отдельным социальным группам.

При изучении истории лотерейной деятельности прослеживаются системные подходы государственных органов и общественных формирований по оказанию социальной и гуманитарной помощи нуждающимся, она неразрывно связана с историей развития государства.

Список использованной литературы:

1. Соколов, А. *Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора* / А. Соколов, И. Зимин. – М.: Центрполиграф, 2015. – 604 с.
2. Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений. Т. 43. – Изд. пятое. – М.: Политическая литература, 1970. – 561 с.*
3. Ковтун, Е. *Азарт в Стране Советов: в 3 т. / Е. Ковтун. – М.: ЗАО «Олимп Бизнес», 2012. – Т. 2: Лотереи. – 256 с.*

Христианская символика на коммеморативных монетах Национального банка Украины

Владимир ЗАЙЧЕНКО

Декан факультета экономики и менеджмента Центральноукраинского национального технического университета (г. Кропивницкий), доцент, кандидат наук по государственному управлению

Важное место в истории Украины всегда занимала христианская религия. Поэтому Национальный банк Украины (далее – НБУ) не мог обойти христианские традиции в монетах собственной эмиссии. Первыми монетами с христианской тематикой стали коммеморативные монеты номиналами 2 и 20 гривен «Десятинная церковь» (рисунки 1).

Монета «Десятинная церковь» из серии «Духовные сокровища Украины» [1]

Рисунок 1

На аверсе в центральном круге, обрамленном стилизованным растительным орнаментом, размещено изображение Богоматери Одигитрии с младенцем – фрагмент барельефа над порталом церкви, сохранившийся до нашего времени. Над изображением Богоматери – Государственный герб Украины и по

кругу надпись: УКРАИНА. На реверсе монет в центре изображены контуры Десятинной церкви по реконструкции профессора Ю.С. Асеева. Для создания впечатления, что сооружения в действительности не существует, эти контуры поданы зеркальными линиями на матовом фоне и как бы вырастают на реально существующем фундаменте снизу вверх с постепенным проявлением рельефа [1].

Именно эти монеты и дали начало серии монет НБУ «Духовные сокровища Украины», в которую вошли монеты с христианской тематикой: «Киево-Печерская лавра», «Спасский собор в Чернигове», «Оранта» (номиналами 50, 125, 250 и 500 гривен), «Киевский псалтырь», «Михайловский Златоверхий собор», «Успенский собор Киево-Печерской лавры», «Острожская Библия», «Пересопницкое Евангелие», «1000-летие основания Софийского собора», «1000-летие Лядовского скального монастыря», «Феодосий Печерский».

Памятная монета «Острожская Библия» номиналом 100 гривен из золота введена в обращение 15 ноября 2007 года [2]. Она посвящена выдающемуся памятнику книгопечатания – Острожской Библии (1581 год) – первому полному печатному изданию Библии на церковнославянском языке. Инициатором и меценатом создания Острожской Библии был князь Константин Константинович Острожский (1526–1608), который для реализации своего замысла пригласил в Острог книгоиздателя Ивана Федорова. Библия состояла из 1 256 страниц, вышла большим на то время тиражом – 1 500 экземпляров (рисунки 2).

Монета «Острожская Библия» из серии «Духовные сокровища Украины» [1]

Рисунок 2

В 2016 году была введена в обращение памятная монета «Феодосий Печерский» номиналом 10 гривен (рисунки 3). Она посвящена церковному деятелю, одному из основателей Киево-Печерской лавры и ее игумену Феодосию Печерскому (г. р. неизвестен – 1074 г.). Во время игуменства Феодосия Киево-Пе-

черский монастырь достиг расцвета и превратился в многолюдный монастырь с храмовыми сооружениями, был введен Студийский устав [3].

Монета «Феодосий Печерский» из серии «Духовные сокровища Украины» [1]

Рисунок 3

Также христианская символика применяется на некоторых монетах серии «Обрядовые праздники Украины». В эту серию вошли: «Праздник Рождества Христова в Украине», «Праздник Пасхи», «Праздник Троицы», «Покрова», «Крещение», «Благовещение», «Спас». Все эти монеты были выпущены в двух номиналах: 5 гривен из мельхиора и 10 гривен из серебра.

В 2002 году была введена в обращение памятная монета «Праздник Рождества Христова в Украине» (рисунок 4). На аверсе монеты изображена рождественская звезда – традиционный атрибут, связанный с евангельской легендой о Христе, – в центре которой размещен малый Государственный герб Украины, а над ним год чеканки монеты – 2002. На реверсе монеты изображена традиционная праздничная сцена – рождественская колядничка группа с рождественской звездой [4].

Монета «Праздник Рождества Христова в Украине» из серии «Обрядовые праздники Украины» [1]

Рисунок 4

В продолжение серии «Обрядовые праздники Украины» в 2003 году НБУ ввел памятную монету «Праздник Пасхи» (рисунок 5).

Монета «Праздник Пасхи» из серии «Обрядовые праздники Украины» [1]

Рисунок 5

На аверсе монеты изображена композиция из семи писанок, украшенных орнаментами разных регионов Украины, в середине которой размещен малый Государственный герб Украины, а над ним год чеканки монеты – 2003. На реверсе монеты изображена многофигурная композиция (традиционный праздничный обряд освящения – торжественный выход из церкви с плащаницей, крестами, хоругвями и свечами во главе со священником), над которой размещена надпись: ВЕЛИКДЕНЬ [5].

Одному из крупнейших христианских праздников посвящена монета «Праздник Троицы» (рисунок 6).

Монета «Праздник Троицы» из серии «Обрядовые праздники Украины» [1]

Рисунок 6

На аверсе монеты изображен венок-оберег из цветов, внутри которого размещен малый Государственный герб Украины. На реверсе монеты – группа девушек, украшенных цветами, лентами, венками, среди которых центральная фигура – «девушка-тополь». Вверху над группой – символическое изображение Святой Троицы, по обе стороны от которого полукругом размещена надпись: СВЯТО ТРИЙЦІ [6].

В 2015 году для чествования воинов – защитников Отечества была выпущена монета «День защитника Украины» (рисунок 7).

Монета «День защитника Украины»

Рисунок 7

Данная монета посвящена памяти о мужестве и героизме, непокорности и свободолюбии борцов за национальное дело и Дню защитника Украины. Этот праздник по исторической традиции отмечается 14 октября – в день Покрова Пресвятой Богородицы, за которым закрепилось еще и второе название – Казацкая Покрова, он ассоциируется с такими понятиями, как воинская честь, доблесть, мужество и рыцарство. Образ Божией Матери, которая держит белый длинный покров, стал своеобразным оберегом Украины, символом ее извечного стремления к установлению согласия и мира.

На аверсе монеты на фоне орнамента размещены: фигура Пресвятой Богородицы, под омофором

которой казаки (слева) и современные воины-защитники (справа), малый Государственный герб Украины (слева); сверху полукругом надписи: УКРАЇНА, 2015, П'ЯТЬ ГРИВЕНЬ и логотип монетного двора Национального банка Украины (справа).

На реверсе монеты на фоне камуфляжа стилизованное изображение трезубца – знак Княжеского

Государства Владимира Великого; сверху надписи полукругом: ЗА ЧЕСТЬ! ЗА СЛАВУ! ЗА НАРОД! [1].

Таким образом, мы видим, что монеты с христианской символикой занимают важное место в эмиссионной практике НБУ. Такие монеты не теряют и вряд ли потеряют свой спрос на нумизматическом рынке, что подтверждается новыми монетами с новой стилизацией.

Список использованной литературы:

1. Офіційний сайт Національного банку України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://bank.gov.ua/control/uk/currentmoney/stcoin/list>.
2. Постанова Правління Національного банку України від 18.10.2007 р. № 377 «Про введення в обіг пам'ятних монет України» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1196-07>.
3. Лист Національного банку України від 12.04.2016 р. № 50-0023/31446 «Про введення в обіг пам'ятної монети «Феодосій Печерський» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/LB16071.html.
4. Лист Національного банку України від 20.12.2002 р. № 11-311/2241-7984 «Про введення в обіг пам'ятної монети «Свято Різдва Христового в Україні» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v7984500-02>.
5. Лист Національного банку України від 18.04.2003 р. № 11-311/871-2867 «Про введення в обіг пам'ятної монети «Свято Великодня» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v2867500-03>.
6. Лист Національного банку України від 13.05.2004 р. № 11-311/1601-4663 «Про введення в обіг пам'ятної монети «Свято Трійці» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v4663500-04>.

Музей истории частного коллекционирования в Витебске: прошлое и настоящее

Татьяна КОЛЕСНИКОВА

Заведующий филиалом
«Музей истории частного
коллекционирования»
УК «Витебский областной
краеведческий музей»

В сентябре 2016 г. в Витебске состоялось открытие нового филиала Витебского областного краеведческого музея (далее – ВОКМ) – Музея истории частного коллекционирования. Он разместился в историческом здании конца XIX в. – бывшей электростанции, вырабатывавшей электричество для первого в Беларуси трамвая. Создание новой экспозиции было обосновано тем, что именно в этом городе более ста лет назад работала плеяда коллекционеров, краеведов, ученых, чьи частные собрания легли в основу первых музеев города Витебска. Новый музей является преемником Музея частных коллекций, который был создан в 1993 г. на основе частного собрания И.Д. Галькевича.

И. Галькевич занимает особое место среди белорусских коллекционеров послевоенного периода. Иван Данилович Галькевич (1895–1976) – уроженец Витебска, ветврач по образованию. За многие годы им была собрана уникальная нумизматическая коллекция с прекрасной подборкой европейских и русских монет, памятных медалей и наградных знаков. Обширное собрание коллекционера размещалось в двух комнатах его квартиры в доме по ул. Доватора, 14/9. В публикациях 1950–1960-х гг. в центральной, республиканской и местной прессе сообщалось о

редких предметах собрания. В 1993 г. вдова коллекционера Александра Прокофьевна, выполняя волю мужа, передала в дар ВОКМу собрание Ивана Даниловича – 7 103 предмета. К сожалению, в музей от наследников поступили не все предметы из собрания коллекционера. Так, к примеру, в списках предметов, переданных в дар музею, отсутствуют памятные русские рубли XIX – начала XX вв., ефимок с признаком, который вошел в каталог И.Г. Спасского «Русские ефимки. Исследование и каталог» (1988) под № 539, и др. Тем не менее случай дарения такого многочисленного собрания подлинников – явление уникальное для Беларуси 2-й пол. XX в., а состав коллекции действительно впечатляет.

На основе частного собрания Галькевича 22 июля 1993 г. был открыт Музей частных коллекций. С 1993 г. по 2012 г. он располагался в старинном особняке на улице Доватора, 26. Экспозиция занимала небольшие площади (91,4 м²) и была расположена в четырех основных залах музея. Первый зал экспозиции обозначался темой «Коллекционер и его собрание». Здесь были выставлены материалы о самом Галькевиче, а также показано разнообразие предметов его коллекции: книги с автографами известных писателей и поэтов, предметы археологии, печати, скульптура, курительные трубки, значки, знаки и жетоны различных государств и периодов. Во втором зале экспонировались монеты стран мира (686 экз.), в третьем – памятные медали России, СССР и иностранных государств (256 экз.), в четвертом – награды и знаки (238 экз.).

В июле 2012 г. в связи с началом реконструкции здания по ул. Доватора, 26 под служебный дом было принято решение о переносе музея в здание бывшей электростанции, расположенное в историческом центре города. Новые площади позволяли расширить экспозицию, однако особенности архитектурно-пространственной композиции здания усложняли работу над ее созданием. Основой обновленной экспозиции должна была стать коллекция И. Галькевича. Но на этапе разработки научной концепции в основу экспозиции было решено включить собрания еще двух коллекционеров – А. Бродовского и В. Федоровича. Это дало возможность шире представить частные собрания и показать их значение и роль в создании музеев города.

6 сентября 2016 г. музей открылся для посетителей. Кроме нового здания и обновленной экспозиции он получил и новое название – Музей истории частного коллекционирования.

Новая экспозиция размещается в просторном зале площадью чуть более 140 м² с видовой галереей на уровне 2-го этажа. Общее экспозиционное пространство условно делится на 4 тематические зоны:

1. Роль краеведов, коллекционеров и их собраний в создании первых музеев города.

2. В. Федорович – создатель первого частного музея в Витебске и его коллекция.

3. А. Бродовский – основатель губернского музея в Витебске и его коллекция.

4. И. Галькевич и его нумизматическая коллекция.

Тема «Роль краеведов, коллекционеров и их собраний в создании первых музеев города» является началом экспозиции. Она рассказывает о коллекциях ученых, краеведов и археологов, исследователей старины и любителей истории, которые внесли свой вклад в развитие музейного дела на Витебщине. Это К.К. Бергнер, М.Ф. Кустинский, А.М. Сементовский, Е.Р. Романов, А.П. Сапунов.

Комплексы материалов коллекционеров Федоровича, Бродовского и Галькевича представлены наиболее интересными и значимыми предметами из их собраний. Всего экспонируется около 1 700 подлинников, в их числе – награды, медали и монеты стран Европы, России, Азии и Америки – всего 1 404 экземпляра. Более половины – это монеты разных периодов и стран (800 экз.).

Создателю первого частного музея в Витебске Вацлаву Петровичу Федоровичу посвящен один из тематических разделов новой экспозиции. Вацлав Федорович (1848–1911) родился в Могилеве, в 1872 г. окончил юридический факультет Московского университета. Затем служил в Саратове, Царицыне, Ереване, а в 1884 г. был переведен в Витебск на должность присяжного поверенного. Федорович был страстным коллекционером и в конце 1880-х гг. открыл в своем доме в Витебске частный музей, в котором экспонировались оружие, археологические, нумизматические и этнографические материалы. После смерти собирателя в 1911 г. его коллекция сохранялась родственниками, а после революции была национализирована и через некоторое время вошла в состав Витебского отделения Белгосмузея (сейчас – ВОКМ).

В экспозиции представлены коллекции холодного и огнестрельного оружия, курительных трубок, чубуков и табакерок, а также настенные медальоны и шкатулки, археологические находки, рукописные документы. Особый интерес вызывает коллекция масонских предметов. Она является одной из ценнейших в собрании ВОКМ. К сожалению, значительная часть предметов масонской коллекции Федоровича пропала в процессе их перемещения после революции 1917 г. и в годы Великой Отечественной войны. Наиболее полно состав масонской коллекции Федоровича позволяет реконструировать опись, составленную в 1922 г. заведующим Музеем белорусско-польских древностей В. Краснянским, которая включает в себя 164 номера. В настоящее время в фондах музея выявлено 106 предметов из масонской коллекции Федоровича. Часть из них представлена в экспозиции. Это печатные издания масонских лож на польском языке, масонские печати, накладки: череп на скрещенных костях, шестиконечная звезда с буквой «G» в центре, накладка в виде сияющего солнца с человеческим лицом. Из «общемасонских отличительных знаков

и знаков разных степеней и должностей» представлены «мастерок» (знак ученической степени) и знак степени мастера иоанновских лож (в виде циркуля с перекрещенным наугольником). Знаки русских лож представлены знаком ложи «Соединенных друзей» и знаком с изображением св. Апостола Андрея Первозванного; знаки лож, действовавших на территории Литвы, – знаком ложи «Ревностный Литвин».

Ценность собрания Федоровича несомненна в научном, историческом, культурном и познавательном плане, а его деятельность как гражданина и коллекционера заслуживает признательности и уважения.

Один из четырех тематических разделов экспозиции посвящен коллекционеру Бродовскому, который стоял у истоков создания губернского музея в Витебске. Антон Рафаилович Бродовский (1859–1928) родился в застенке Петрунишки неподалеку от г. Зарасай (совр. Литва) в небогатой мещанской семье. Благодаря своей настойчивости и тяге к знаниям он смог самостоятельно изучить самые различные дисциплины, в том числе нумизматику и сфрагистику. В 1906 г. в двух комнатах своей квартиры в Вильно он открыл частный музей. В годы Первой мировой войны Бродовский эвакуировался в Витебск. Откликаясь на призыв Витебского губоно оказать содействие «делу народного просвещения», Бродовский предложил основать в Витебске музей и согласился передать для него свои коллекции. Предложение было принято, и в ноябре 1918 г. Антон Рафаилович был назначен заведующим Витебским губернским музеем, а в марте 1919 г. в прессе появилось сообщение, что музей открыт для посетителей. В 1924 г. музей переехал в здание городской ратуши и получил статус Витебского отделения Белгосмузея, в котором Бродовский занял должность научного сотрудника. Несмотря на все перипетии последующего времени, большая часть предметов, собранных А. Бродовским, сохранилась в фондах ВОКМ.

В настоящее время ведется научная работа по выявлению монет из собрания Бродовского в коллекции нумизматики ВОКМ, насчитывающей на начало 2017 г. около 32 000 монет. Важным источником по изучению нумизматического собрания коллекционера являются рукописные каталоги, составленные Бродовским в 1920-е гг. и сохранившиеся в научном архиве музея. Это «Каталог имеющихся в музее монет, чеканных для России и ее окраин, начиная с древнейших времен и до настоящего времени» (1 987 предметов) и «Краткое описание иностранных монет, имеющихся в нумизматической коллекции музея Антона Рафаиловича Бродовского» (2 640 предметов). Достоверно определить принадлежность к коллекции позволяют сохранившиеся на предметах старые номера и процарапанные на многих монетах инициалы («А.Р.Б.») или фамилия прежнего владельца.

В тематическом комплексе, посвященном Бродовскому, наряду с другими предметами его коллекции представлена небольшая часть обширного нумизматического собрания коллекционера. Это подборка, состоящая из медных монет Древнего Рима (27 экз.), Швеции (5 экз.), Франции (4 экз.), Шотландии (1 экз.), Великобритании (7 экз.). Всего 44 экспоната.

В подборке римских монет присутствуют монеты как императорского, так и республиканского периода. Римская республика представлена бронзовыми

литыми монетами следующих номиналов: семис, триенс, квадранс. В подборке монет императорского Рима – медный асс императора Тиберия 36–37 гг. н. э., сестерции, антонинианы, фоллисы и др.

Интересны шведские монеты XVII–XVIII вв., среди которых медная монета-плата достоинством 1 далер времени правления короля Фредрика I. Она представляет собой прямоугольную пластину размером 150 x 135 мм, на одну из сторон которой нанесено пять произвольно ориентированных оттисков двух круглых штемпелей. Угловые оттиски идентичны: под короной – FRS 1746. Центральный штемпель имеет надпись в три строки 1 DALER SILF: MYNT, ниже изображены две скрещенные стрелы.

В центральной части экспозиционного зала находится витрина-доминанта с самыми репрезентативными и уникальными предметами из собраний витебских коллекционеров. Здесь экспонируется 18 серебряных монет из собрания Бродовского. Это редкие монеты рублевых номиналов Российской империи, талеры Речи Посполитой и других европейских стран, несколько монет античного мира. Из них можно выделить глоккенталер 1643 г. (Брауншвейг-Люнебург, Август Младший) и 4 талера 1666 г. (выпущены в честь 88-летия герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля Августа Младшего), а также достаточно редкую монету – рубль 1762 г. с изображением Петра III. Представленный в экспозиции рубль имеет на гурте надпись, обозначающую место чеканки, – Московский монетный двор. Встречаются рубли с насечкой вместо надписи на гурте, такие монеты ценятся немного дешевле.

Украшением любого музейного собрания являются ефимки с признаком.

Всего в коллекции ВОКМ насчитывается 14 экземпляров ефимков с признаком, 12 из них поступили в музей из собрания Бродовского. В экспозиции представлены 5 редких монет.

Очень интересна курительная трубка, крышка которой сделана из монеты – гульдена (2/3 талера) Саксонии 1702 г. На металлических частях трубки выгравированы надписи на латыни: «IOANNES III SOBIESKI REX POLONIAE 1674. A.», «MARIA CASIMIRA SOBIESKA REGINA POLONIAE M.DCLXIV. A. VARSAVIAE». Согласно легенде, эта трубка принадлежала Марии Казимире Луизе де Ла Гранж д'Аркен (1641–1716), супруге короля польского и великого князя литовского Яна Собеского. Однако курительные трубки такого типа характерны для первой половины XIX в.

В комплексе материалов из коллекции А. Бродовского также можно увидеть прекрасные образцы русского и европейского фарфора, вышивки и предметов быта XIX – начала XX вв., замечательные коллекции наград и памятных медалей, камей и инталий.

В галерее второго этажа представлено обширное нумизматическое собрание И. Галькевича. Это более 1 200 монет, памятных медалей и наград, сгруппированных в витринах по следующим темам:

1. Монеты (757 экз.):

- античные монеты, монеты Византии и стран Арабского халифата VI–XI вв. (около 40 экз.);
- талеровые монеты европейских стран XVI–XVIII вв. (60 экз.);

- монеты ВКЛ, Речи Посполитой и Царства Польского в составе Российской империи (60 экз.);
- монеты России XVI – начала XX вв. (188 экз.);
- советские монеты (116 экз.);
- монеты объединенной Германии XIX–XX вв. (41 экз.);
- монеты стран мира конца XVIII – середины XX вв. (247 экз.).

2. Памятные медали (285 экз.):

- иностранные памятные медали (56 экз.);
- памятные медали России (123 экз.);
- памятные медали СССР (106 экз.).

3. Награды (173 экз.):

- награды России;
- награды СССР;
- иностранные награды.

В первой витрине представлены монеты Древнего Рима и других античных государств (Боспорского царства, птолемеевского Египта), а также монеты Византии и стран Арабского халифата. В подборке монет Древнего Рима – в основном серебряные денарии и медные сестерции II в. н. э. Они представляют интерес как замечательные образцы античного искусства, ведь именно римляне достигли совершенства в искусстве портрета, в том числе императорских портретов на лицевых сторонах монет. Подборка византийских и арабских монет VI–XI вв. немногочисленна. Монеты Византии представлены медными фоллисами и александрийской медной монетой в 12 нуммий. Подборка арабских монет состоит из 1 караханидского дирхама 396 г. х. (м. дв. Тараз) и 7 аббасидских дирхамов следующих правителей:

- Харун ар-Рашид (786–809) – 2 экз. (м. дв. ал-Мухаммадия);
- ал-Амин (809–813) – 1 экз. (м. дв. Мадинат ас-Салам);
- ал-Мамун (813–833) – 4 экз. (м. дв. Мадинат Самарканд, Мадинат Арран).

Таким образом, большинство дирхамов из коллекции Галькевича относится к раннеаббасидской хронологической группе (монеты, битые в 750–831 гг.). Можно предположить, что это часть Козьянковского клада, обнаруженного в 1974 г.

Творческой группой была проделана огромная научная работа по определению монет. Неоценимую помощь в атрибуции античных и арабских монет оказали наши коллеги из Минска и Санкт-Петербурга. Пользуясь случаем, хотелось бы сказать слова благодарности Виталию Сидоровичу и Вячеславу Кулешову.

Вторая значительная группа монет – западноевропейские талеры. Эти крупные серебряные монеты в XVI–XIX вв. играли важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле. В витрине представлены монеты талерового типа Испанских Нидерландов и Республики Соединенных провинций, немецких государств, Австрии, Италии, Франции. Самая ранняя из экспонируемых монет – 1/4 талера Саксонии 1581 г. Обращает на себя внимание 1/2 талера 1630 г. Саксония-Альбертина – эта юбилейная монета была выпущена в честь 100-летия принятия Аугсбургского вероисповедания. В экспозиции представлена монета квадратной формы – так называемая монета-клиппа 1/4 талера 1684 г. Зальцбургского

архиепископства (Австрия). Интересен ахтбрюдер-талер, или «талер восьми братьев», 1612 г. герцогства Саксен-Веймар с изображением восьми сыновей Иоганна III. С 1607 г. по 1619 г. было выпущено 4 монетных типа ахтбрюдерталеров, представленный талер принадлежит к первому монетному типу.

Третья группа представлена монетами Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Монеты ВКЛ не отличаются разнообразием номиналов: это серебряные полугроши Александра Ягеллончика (1492–1506; 1501–1506), Сигизмунда I Старого (1506–1548) и Сигизмунда II Августа (1548–1572). Монеты Речи Посполитой представлены медными солидами (боратинками), грошами, полтораками, 1/12 талера, трехгрошовиками, шестигрошовиками, ортами, тридцатигрошовиками Стефана Батория (1576–1586), Сигизмунда III Вазы (1587–1632), Яна II Казимира Вазы (1649–1668), Яна III Собеского (1676–1696), Августа II Сильного (1697–1733), Августа III (1733–1763) и Станислава II Августа Понятовского (1764–1795) (всего 27 штук). К этой группе примыкает небольшая подборка монет Царства Польского в составе Российской империи, а также грош 1816 г., выпущенный для обращения на территории Великого Княжества Познаньского в составе Прусского королевства, и медные 3 гроша 1812 г. герцогства Варшавского.

Основу коллекции И. Галькевича составляют российские монеты XVI – начала XX вв. Поэтому подборка русских монет оказалась самой многочисленной и разнообразной по своему составу. В отдельной витрине представлены русские средневековые монеты, так называемые «чешуйки». Самые ранние – это четыре монеты Ивана IV Грозного (1533–1584) до 1547 г.: деньга (м. дв. Москва и Тверь), копейка (м. дв. Москва и Псков (?)). Также здесь можно увидеть копейки Федора Ивановича (1584–1598), Бориса Годунова (1598–1606), Михаила Федоровича (1613–1645), Алексея Михайловича (1645–1676), Федора III Алексеевича (1676–1682) и Петра I (1696–1725). Далее в хронологической последовательности представлены монеты всех российских императоров (за исключением Иоанна Антоновича). Большая часть – это серебряные монеты: 5 копеек, гривенник, 10, 15, 20, 25 копеек, полтина, 50 копеек, рубль. Медные монеты представлены номиналами: полушка, 1/4 копейки, деньга, денежка, 1/2 копейки, а также 1, 2, 3, 4, 5, 10 копеек. Представлены и так называемые «сибирские монеты», национальные выпуски – монеты, чеканившиеся для Молдавии. Из памятных рублей, выпускавшихся в XIX – начале XX вв., в коллекции Галькевича имеется только памятный рубль 1913 г. «В память 300-летия Дома Романовых», который также представлен в экспозиции. К довольно редким можно отнести монеты Петра I, Екатерины I, Петра III (в частности, 4 копейки). В основном же это монеты общегосударственных выпусков, не относящиеся к необычным.

Одна из представленных в экспозиции монет имеет красивую легенду и поэтому является особенно ценной, хотя это обычная медная монета – 2 копейки 1811 г. По легенде, эта монета принадлежала А.С. Пушкину. Как же она попала в коллекцию Галькевича? Об этом рассказал сам коллекционер:

«В бытность свою в Пскове Пушкин зашел к сапожнику Топоркову отремонтировать каблук правого ботинка. За работу он заплатил медными монетами. Зная Пушкина, простой русский человек отдельно сохранил дорогие для него монеты. Несколько штук он раздал своим друзьям на память о Пушкине, две монеты он оставил своему внуку Евграфу Афанасьевичу Топоркову. Одну из них Е.А. Топорков подарил в 1915 году своему начальнику, молодому инженеру Роговскому А.В., который жил на квартире у Топоркова». Роговский, прочитав статью «Домашний музей» о коллекционере Галькевиче, опубликованную в журнале «Огонек» в 1958 г., прислал Ивану Даниловичу эту монету с письмом, которое закончил следующими строками: «Храните эту монету, как хранили ее Топорковы около 100 лет и 42 года хранил ее я. Эта монета – дорогая реликвия и память о великом Пушкине».

Советские монеты представлены выпусками с 1921 по 1970-е гг. Имеются все номиналы монет, начиная с 1/2 копейки и заканчивая рублем. Экспозицию дополнили предметы из коллекции витебского коллекционера Михаила Ивановича Колкова – это памятные монеты СССР 1965–1991 гг. В 1994 г. Михаил Иванович подарил музею более тысячи предметов из своего собрания: бонны периода Гражданской войны, почтовые открытки начала XX в. с видами города Витебска, дореволюционные книги, газеты и журналы, памятные монеты и медали СССР.

Отдельным комплексом экспонируются серебряные монеты объединенной Германии XIX–XX вв., выпускавшиеся некоторыми германскими землями в рамках единой денежной системы. После образования империи выпуск серебряных монет был регламентирован монетным законом 1873 г. Согласно ему, каждое из вошедших в состав империи государств обладало определенной свободой в чеканке 2-, 3- и 5-марочных монет. Представлены монеты Бадена, Баварии, Брауншвейга, Гессена, Саксонии, Пруссии, Вюртемберга, Любека, Гамбурга и др. Среди них много юбилейных, к примеру – памятная монета 3 марки 1913 г., посвященная 100-летию битвы народов при Лейпциге и победе над Наполеоном.

Отдельной группой представлена подборка монет стран мира XVIII–XX вв. Это монеты стран Европы, Африки и Латинской Америки, Австралии, США, Японии, Китая, Турции и др. Они дают представление о разнообразии денежных систем разных стран мира.

Кроме коллекции монет в галерее экспонируется уникальное для Беларуси собрание памятных медалей Российской империи, СССР, иностранных государств, а также коллекция наград России, европейских стран, Японии и Китая. Украшением нумизматической галереи являются репродукции старинных гравюр с изображениями процессов изготовления монет в разные исторические эпохи. А фотографии с видами Витебска конца XIX – начала XX вв. помогают воссоздать атмосферу того города, в котором жили и собирали свои коллекции витебские коллекционеры.

Витебский областной краеведческий музей хранит благодарную память о многих замечательных людях, чьи коллекции со времени возникновения музея пополняли его собрание.

Vadzim BELYAVETS, Vital SIDAROVICH

Coin and Clothing Treasure of Alekshitsy of the Era of the Great Migration of Peoples

The National Bank's museum fund stores the coin and clothing treasure from Alekshitsy village of Berastavitsa district, Grodno region. The presence in this unique treasure of the fragments of double-plated fibulas, which correspond to the type of Vyshkay according to the definition of F. Birbrayera, makes it possible to think that the deposit was hidden not earlier than at the turn of the 4th-5th cc. – the first third of the 5th century. Given that the closest analogies of the fibulas of Alekshitsy are recorded in Padynayi and the Crimea, the question on the historical and cultural context of the treasure remains open. The authors express the view that the complex from Alekshitsy belongs to the East German population.

Dmitry GULETSKY, Nikolai DOROSHEVICH

Cash Seals of the Princes of Polotsk of XI-XII cc.

The report focuses on the ancient Russian lead seals of XI–XII cc., which relate to the numismatic and sphragistic sources of the Kievan Rus period. The numismatic importance of these sources is justified and emphasized. In this paper the authors identify the types of seals issued by the Princes of Polotsk.

Elena GLAZYNova

The Dissertation of Yuzeph Iodkovsky from the Collections of the State Historical Museum

The dissertation (diploma) of Yuzeph Iodkovsky "On the Lithuanian Hryvnia in Connection with the Question on the Most Ancient Monetary Units in Lithuania" is stored in Moscow in the funds of the State Historical Museum. The work, written by him in 1912 after the graduation from the Moscow Archaeological Institute, examines the history of the appearance of monetary units and concepts of monetary circulation – the hryvnia, kunitsa, kopa, groshi. The study is focused on comparing different monetary units and revealing their weight ratios in search of the most ancient Lithuanian hryvnia. The diploma is a qualitative example of the scientific creativity of a student of the Moscow Archaeological Institute of the early 20th century.

Dmitry MATESHA

Counting Tokens of XVI-XVII cc. in Collections on the Territory of Belarus

The article contains information on counting tokens of the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth kept in private and museum collections of the Republic of Belarus. The author describes previously unknown specimens and types of counting tokens.

Lyudmila TOLKACHEVA

Treasure of the Coins of Sukhari of the Commonwealth and Prussia of the Second Half of the XVII Century – the Beginning of the XVIII Century (from the Collection of the National Historical Museum of the Republic of Belarus)

The author examines the treasure of coins of the second half of the XVII century – the beginning of the XVIII century, which was discovered in March 1957 near the village of Sukhari, Mogilev region, as well as the reasons and circumstances of the hoarding.

Victor KAKAREKO

Foreign Coins in the Treasures of Prinemansky Krai in the First Quarter of the XVII Century

The article is devoted to the study of monetary circulation on the lands of Belarus in the XVI-XVII centuries. The main emission centers that supplied foreign coins to Prinemansky Krai were named, and their role in the money economy of the first quarter of the XVII century was determined as well. The article describes the stages in the formation of the money supply in the Commonwealth and the main prerequisites for the implementation of monetary reforms. The author spoke in detail about the reasons for issuing new denominations of coins under another monetary unit, changes in the market rate of previously issued coins, as well as the real cost of precious metals in certain regions of the country.

Victor MALEZHIK

"The Old Denga of Moscow"

(Russian Coins of the Three-ruble Monetary Unit in the Market of the GPL in the XVI-XVII cc.)

The publication sets out the author's view on the issue of Russian wire coins minted according to the norms of the three-ruble monetary unit and participation thereof in the money and other civil turnover of the second half of the 16th-17th cc. A comparative analysis of the nominal value of the Russian coin in relation to the titular coin of the Commonwealth taking into account the dynamics of weight and other qualitative indicators of coins during the evolutionary changes in the monetary economies of both states was carried out. The author made conclusion with regard to the formation in the first quarter of the 17th century of a peculiar market of the Russian coin, which went down in history as the "old denga of Moscow".

Svetlana ORLIK

Russian Fake Banknotes in Galicia during the First World War

The article examines the problems of monetary circulation in the territories of Galicia occupied by the Russian troops during the First World War. The reasons that contributed to the negative perception of the Russian ruble by the local population of the occupied territories were investigated in detail. It is indicated that the prestige of the Russian ruble was also influenced by the facts of the presence of fake Russian banknotes in circulation.

Kshyshtoph FILIPOV

Ignaty Yulian Tseizik (1779–1858) – a Genius Falsifier and Artist

The article introduces the personality of Ignaty Yulian Tseizik – an artist, graphic artist, sculptor and genius counterfeiter of the 17th-19th cc. He spent most of his life in penal servitude (Tobolsk, Irkutsk, Ulan-Ude). Even being in prison, I. Tseizik continued to make counterfeit money and works of "high art".

Andrei GETSEVICH

Activities of Cooperative Credit Banks in Novogrudok Voivodeship (Second Half of the 1920s)

The article deals with the functioning of small credit cooperatives of the Novogrudok Voivodeship in the period of 1925–1930. The statistical data on the activities of credit institutions, the number of branches and outlets are given. The state and problems of small credit institutions in the region are analyzed.

Victor SUVOROV

The Role of Lottery Tickets in the Social and Humanitarian Policy of the State

The most important aspect of the social policy of any state is the organization of a charitable movement in favor of those who need help.

An efficient way of attracting significant monetary funds is the sale of charitable money-and-goods lottery tickets, which allows each person to show his civic position, compassion and involvement in the provision of affordable assistance to those in need.

Vladimir ZAICHENKO

Christian Symbols on Commemorative Coins of the National Bank of Ukraine

The article presents the most common coins with Christian symbols issued by the National Bank of Ukraine in the last 20 years (1996–2016). It is emphasized that Christian symbols are widely used on commemorative coins from the series "Spiritual Treasures of Ukraine" and "Ritual Feasts of Ukraine". Since the Christian religion has always occupied an important place in the history of the Ukrainian people, the traditions of styling commemorative coins with elements of Christian symbolism are continued up to the present time.

Tatiana KOLESNIKOVA

Museum of the History of Private Collecting in Vitebsk: Past and Present

The article is devoted to the history of the formation of the Museum of the History of Private Collecting in Vitebsk and its new exposition, which presents the collections of three largest collectors of Vitebsk in the second half of the 19th and 20th cc.

ПАМ'ЯТНЫЯ МАНЕТЫ

«УЗБРОЕНЫЯ СІЛЫ БЕЛАРУСІ. 100 ГОД»

Уведзены ў абарачэнне 31 студзеня 2018 г.

Дызайн: Аксана Навасёлава.

Чаканка: АТ «Манетны двор Польшчы» (Варшава).

Манеты маюць форму круга, з пярэдняга і адваротнага бакоў – кант, які выступае па акружнасці. Бакавая паверхня манет з насечкай.

Аверс: у цэнтры – рэльефны відарыс Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь, па крузе надпісы: уверх – РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ, унізе – намінал: 10 РУБЛЁЎ (на срэбнай) і 1 РУБЕЛЬ (на медна-нікелевай), злева ад наміналу – год чаканкі, справа – проба сплаву (на срэбнай).

Рэверс: у цэнтры – эмблема Узброеных Сіл Рэспублікі Беларусь; па крузе надпісы: уверх – УЗБРОЕНЫЯ СІЛЫ. 100 ГОД; унізе – сэрцам адданыя роднай зямлі.

Манеты адчаканены:

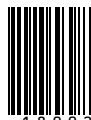
срэбная наміналам 10 рублёў – якасцю «пруф» (вага – 37,00 г, проба сплаву – 925, дыяметр – 16,81 мм, тыраж – 1 500 штук);

медна-нікелевая наміналам 1 рубель – якасцю «пруф-лайк» (вага – 13,16 г, дыяметр – 32,00 мм, тыраж – 3 000 штук).

ISSN 2071-8896

9 772071 889006

1 8 0 0 2